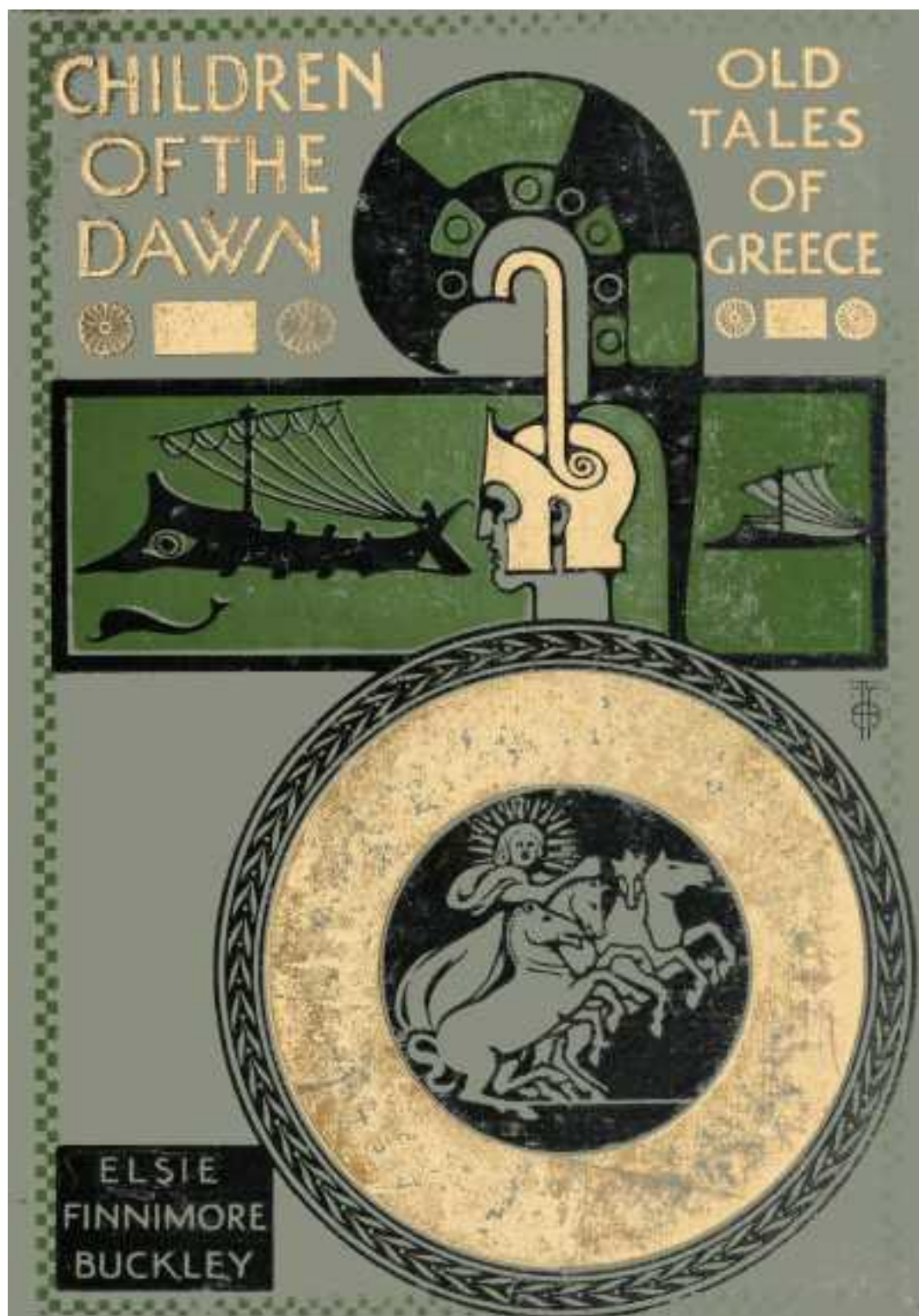

Дети рассвета. Старые сказки Греции

Э. Ф. Бакли

The Project Gutenberg eBook of Children of the Dawn : Old Tales of Greece.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других стран мира бесплатно и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Дети рассвета: Старые сказки Греции

Автор: Э. Ф. Бакли

Автор введения и т.д.: Артур Сиджвик

Иллюстратор: Фрэнк Чейн Папе

Дата выхода: 11 августа 2012 [eBook #40476]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Д. Александером, Мэтью Уитоном, Публичной библиотекой округа Карбон (Роулинс, Вайоминг) и онлайн-распределенной библиотекой.

Публичная библиотека округа Карбон (Роулинс, Вайоминг) и онлайн-группа распределенной корректуры по адресу: .
Proofreading Team at <http://www.pgdp.net>

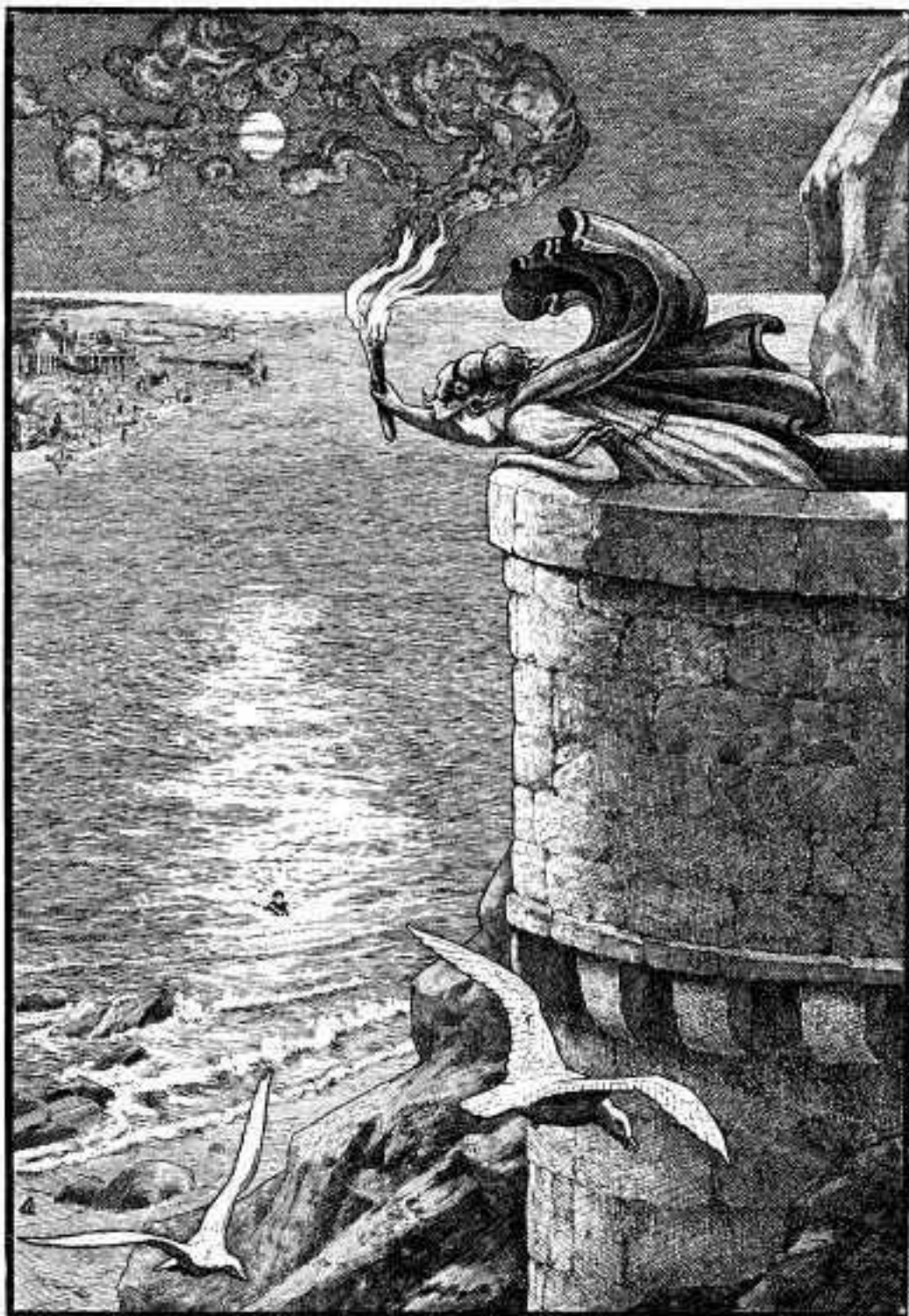
*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK CHILDREN OF THE DAWN : OLD TALES OF GREECE

Дети рассвета

Старые сказки Греции
Элси Финнимор Бакли

Дети рассвета
Старые сказки Греции

Каждую ночь Гери зажигала свой факел;
каждую ночь Леандр переплывал узкое море. [Страница 117.](#)

ДЕТИ РАССВЕТА

СТАРЫЕ СКАЗКИ ГРЕЦИИ

АВТОР - ЭЛСИ ФИННИМОР-БАКЛИ

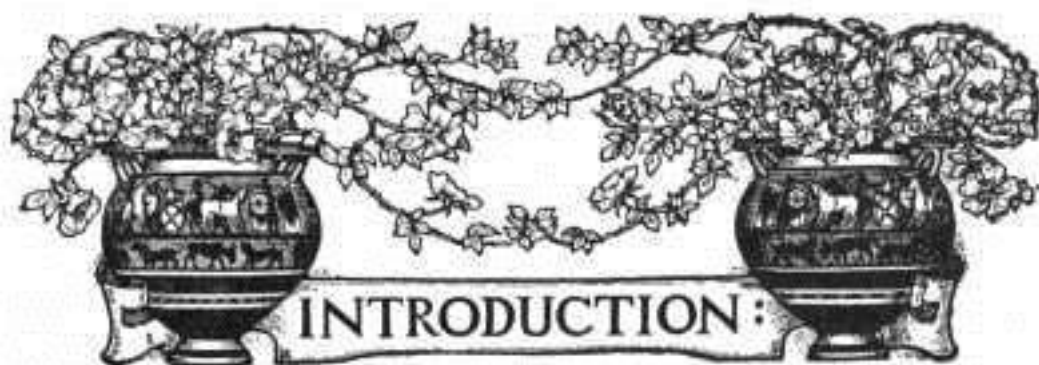
ПРЕДИСЛОВИЕ - АРТУР СИДЖВИК

ИЛЛЮСТРАЦИИ ФРАНКА ПАПЕ

НЬЮ-ЙОРК

КОМПАНИЯ ФРЕДЕРИКА А. СТОКСА

ПУБЛИКАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ:

Цель этого тома - представить в форме, удобной для юных читателей, небольшую подборку из почти неисчерпаемой сокровищницы древнегреческих сказаний, которыми изобилует (нет нужды говорить об этом) вся греческая поэзия, и к которым постоянно обращаются прозаики. Эти истории встречаются, будь то подробный рассказ или иногда лишь беглое и дразнящее упоминание, у самых ранних поэтов, Гомера и Гесиода, в эпоху лирики и аттического ренессанса V века, когда они становятся материалом для трагической драмы, вплоть до II века до н. э., когда Аполлодор, афинский грамматик, составил их прозаическое собрание, которое является бесценным. Они вновь появляются в Риме в эпоху Августа (и позже), в поэмах Вергилия, Овидия и Стация, в частности, в "Метаморфозах" Овидия. Многие другие рассказы предоставлены греческими или римскими путешественниками, учеными, географами или историками первых трех веков нашей эры, такими как Страбон, Павсаний, Афиней, Апулей и Илиан. Сказки разнообразны - это истории любви, приключений, героизма, мастерства, выносливости, достижений или поражений. Боги принимают активное участие, часто вступая в конфликт друг с другом. Герои или жертвы - мужчины и женщины; и за всеми, непостижимая и неумолимая, стоит темная фигура Судьбы. Греки обладали редким гением рассказывать истории разного рода. Независимо от того, были ли эти сказки родом из Греции или привезены с Востока или из других стран - а оба источника, несомненно, представлены, - как только они проходили через руки греков, греческий дух, "тонко тронутый до тонкости", отмечал их красоту, живость, драматический интерес, образные очертания и детали, которые никогда не отсутствовали в лучших греческих произведениях, по крайней мере, в течение веков, которые лежат между Гомером и Платоном.

Одиннадцать сказок, представленных здесь из этой обширной коллекции, (как мы увидим) очень разнообразны как по дате, так и по характеру и деталям; и они, кажется, хорошо подобраны для своей цели. Автор этих английских версий древних историй явно стремилась к краткому простому стилю, давая при этом полную информацию, с отдельными описательными пассажами, где это необходимо, чтобы сделать сцену более яркой; и с этой же целью она справедливо использовала диалог или солилоквию там, где история могла быть рассказана более остро или драматично.

Первая история, названная "Загадка сфинкса", вкратце передает нам всю фиванскую историю, от царя Лая и магического строительства города до несравненной сцены из последней пьесы Софокла, описывающей "Прохождение Идипа". В нее входит даже героический поступок Антигоны, похоронившей с положенными обрядами своего умершего брата, несмотря на угрозы тирана и ценой собственной жизни. В античной поэзии не было сюжета более частого, чем эта фиванская трагедия. Гомер и Гесиод ссылаются на нее, Эсхил

написал целую трилогию, а Софокл - три отдельные драмы на эту тему. Еврипид обращался к ней в своей "Phœnissæ", которая сохранилась до наших дней, и в "Cēdipus and Antigone", от которой осталось несколько фрагментов. И еще несколько поэтов, чьи произведения утрачены, по названиям своих пьес знают, что они затрагивали ту же тему.

Еще одна сказка в этой подборке в значительной степени опирается на аттическую драму - а именно, история Алкестиды, четвертая в этой серии. Насколько нам известно, из древних эту тему затрагивал только Еврипид в своей прекрасной и интересной пьесе "Алкестис", которой здесь внимательно следит наш автор. Прошлая история царя Адмета, которую Еврипид кратко излагает в прологе, здесь драматизирована и придает сюжету большой интерес, включая визит аргонавтов к Пелию и романтическую воображаемую сцену первой встречи царя с Алкестидой.

Две очаровательные любовные истории, которые идут второй и третьей в этой серии, хотя и имеют несомненно греческое происхождение, дошли до нас из римских источников, и по своей форме и духу явно свидетельствуют о принадлежности к более поздней эпохе. Характер любовного романа в "Геро и Леандре" и прозрачная аллегория "Эроса и Психеи" ("Любовь и душа") не оставляют сомнений в этом. Первая сказка приписывается позднему греческому эпическому поэту Мусею, о котором больше ничего не известно, а второй мы обязаны Апулею, римскому философу и литератору II века н.э.

Пятая и десятая истории (в обеих из которых появляется Аталанта) в их нынешней форме опираются на авторитет Аполлодора; но случаи охоты на калидонского вепря, и гонки за руку принцессы, выигранной ловким трюком жениха с золотыми яблоками, встречаются как местные традиции, связанные с двумя различными частями Греции, Аркадией и Беотией, и могут быть в своей ранней форме очень древними.

Две причудливые истории об Эхо и Нарциссе, а также об Алфее и Аретузе, которые составляют шестую и девятую части этой серии, относятся к самым красивым мифам о природе и являются характерными греческими изобретениями. Погоня Аретузы под водой речным богом Алфеем была для грека самой естественной фантазией, ведь для него вся вода находилась под защитой или отождествлялась с каким-либо богом, нимфой или духом; и особенно легко эта фантазия давалась жителям известнякового района Аркадии, где ручьи могут уходить под землю на большие расстояния и вновь появляться в виде полноводных рек из пещеры у подножия холмов. Сказка об Эхо в ее нынешнем виде дошла до нас только из латинской поэзии (Овидий); но идея, что Эхо была духом или нимфой, которая лежит в основе этой истории, вполне может иметь неизвестную древность, особенно среди самых богатых воображением рас, живущих в стране скалистых холмов, родном доме эха.

Об остальных историях (Пигмалион, Орфей и Cēnone) достаточно самого краткого комментария. Прекрасная и патетическая история Орфея и Эвридики, известная нам по несравненной версии в конце четвертого "Георгика" Вергилия, по достоверным сведениям, появилась по крайней мере у Эсхила (V век до н. э.), а возможно, и гораздо раньше. Трогательная история Cēnone - послегомеровская, и известна нам только по Овидию и Аполлодору. Всем англичанам она знакома по двум прекрасным поэмам Теннисона, которые, соответственно, относятся к самым ранним и самым поздним его произведениям. Странная, но поразительная история о Пигмалионе также дошла до нас от Аполлодора; и хотя она может быть гораздо старше, но, вероятно, не может относиться к более раннему времени, чем четвертый век до нашей эры, на что указывает как характер истории, так и развитие скульптурного искусства, подразумеваемое в ней.

Остается только порекомендовать эти прекрасные старинные истории в их английском обличье тем, для кого они предназначены.

А. СИДГВИК.

Оксфорд,
9 сентября 1908 года.

СОДЕРЖАНИЕ

	PAGE
Загадка Сфинкса	1
Эрос и Психея	36
Геро и Леандр	101
Жертвоприношение Алкестиды	124
Охота на калидонского вепря	188
Проклятие Эхо	216
Скульптор и образ	226
Божественный музыкант	237
Полет Аретузы	264
Победа Аталанты	272
Парис и Елена	311

-СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ -

Фронтиспис - Каждую ночь Герио зажигала свой факел; каждую ночь Леандр переплывал узкое море

	СТРАНИЦА
Титульная страница	
Заголовок к введению	vii
Заголовок к содержанию	xiii
Заголовок к списку иллюстраций	xv
Она выпустила свои жестокие когти и замахала хвостом из стороны в сторону, как разъяренный лев, поджидающий свою добычу	17
Твердыми, непоколебимыми шагами он снова пошел по дороге, и Тесей последовал за ним.	33
На ложе, окутанная дремотой, лежала самая юная и прекрасная из Бессмертных.	59
Все быстрее и быстрее он шел, и вверх, и вниз, и кругом, и кругом.	67
Она отвязала веревку и бросилась в поток.	81
"Помогите, помогите! Я тону в этом потоке!"	93
Она опустила глаза в смятении, ее конечности дрожали под ней, и она прислонилась спиной к столбу, чтобы получить поддержку	111
Из тени деревьев вышел странный пастух, играя на своей лире.	137
Адмет не обратил внимания ни на пастуха, ни на святилище.... Не задумываясь, он прошел мимо алтаря	151
И дети тихо подкрались к ней	171
Она не ответила ему ни слова, но, протянув обе руки, подняла его с колен	185
Пока он говорил, он взял ее за руку и посадил на почетное место между собой и отцом.	201
Когда зверь налетел на него, Мелеагр глубоко вонзил копье в его плечо.	207
В последний раз он наклонился вперед.	223
Вдохнув ночной ветер, Афродита вошла и поцеловала статую в губы.	233
Из тени пещеры выскочила лесная нимфа и легла на траву	245
"Орфей, - вскричала она в отчаянии, - твоя рука!"	255

Она бежала все дальше и дальше, с быстротой и силой отчаяния.	269
"О, мой отец!" - взывала она.	279
Краем глаза он заметил блеск ее туники.	303
Из ручья рядом с ним поднялась дивная дева, одетая во все туманно-белое.	317
Менелай с триумфом нес его навстречу ахейцам.	339
Бросилась на тело Париса и обняла его за шею.	345
Инициалы, хвостовые части и т.д.	

Дети рассвета

Загадка сфинкса

Далеко на востоке, в краях восходящего солнца, лежит прекрасная земля Эллада, земля, издревле прославленная могучими деяниями могучих людей и по сей день известная среди народов земли, ибо хотя могучие люди, ее герои, давно ушли из жизни, их имена вечно живут на страницах ее великих поэтов, которые воспевают их подвиги в строках, до сих пор зажигающих сердца людей и побуждающих их тоже быть героями и смело сражаться за жизнь.

Давным-давно в городе Фивы правили царь по имени Лаий и его царица Иокаста. Они были детьми богов, и сами Фивы, как говорили люди, были построены руками не только смертных, ибо Аполлон привел Кадма Финикийца, сына Зевса, к священному месту, где он должен был возвести цитадель Фив, а Паллас Афина помогла ему убить чудовищного дракона, охранявшего священный источник Ареса. Зубы дракона Кадм взял и посадил на равнине Фив, и из этого семени выросло великое множество вооруженных людей, которые хотели убить его; но он взял камень и бросил его в их середину, после чего люди-змеи обратили свое оружие друг против друга, сражаясь вверх и вниз по равнине, пока не осталось только пятеро. С помощью этих пятерых Кадм построил цитадель Фив, а вокруг нее возвел стену такой ширины, что по ней могли пройти дюжина человек и больше, и так огромны были камни и так крепка была кладка, что некоторые ее части стоят и по сей день. Что же касается самого города, то, по преданию, Амфион, могущественнейший из музыкантов, пришел со своей лирой и так сладко играл, что сердца самих камней заволновались, и они по собственной воле опустились на свои места, и под сенью цитадели вырос город Фивы.

Долгие дни Лаий и Иокаста правили фиванцами, и все это время у них не было детей, ибо страшное проклятие лежало на голове Лаия, что если у него родится сын, то от руки этого сына он и умрет. Наконец у них родился мальчик, и Лаий, помня о проклятии, поклялся, что

ребенок никогда не вырастет до зрелого возраста, и велел Иокасте немедленно убить его. Но она, будучи его матерью, прониклась большой любовью и жалостью к беспомощному ребенку. Когда он прижался к ее груди, она не нашла в себе сил убить его, и, выплакав по нему много горьких соленых слез, прижала его к себе. Когда крошечные пальчики сомкнулись вокруг ее пальцев, а мягкая головка прижалась к ней, она прошептала,

"Конечно, такое маленькое существо не может причинить вреда? Милая крошка, они говорят, что я должна убить тебя, но они не знают материнской любви. Лучше я уберу тебя с глаз долой и никогда больше не увижу, хотя боги знают, что я скорее умру, чем потеряю тебя, мой маленький, мой милый ребенок".

Тогда она позвала верного домашнего раба, который знал указ короля, и, положив ребенка ему на руки, сказала,

"Иди, заведи его и спрячь в холмах. Может быть, боги сжалятся над ним и вложат в сердце какого-нибудь пастуха, пасущего свои стада на дальних пастбищах, чтобы он взял ребенка к себе в колыбель и воспитал его. Прощай, мой милый малыш. Зеленая трава должна стать твоей колыбелью, а горный ветерок - убаюкивать тебя во сне. Пусть боги по своей милости благословят часы твоего детства и сделают имя твое знаменитым среди людей, ибо ты - царский сын и дитя Бессмертных, а Бессмертные не забывают тех, кто рожден от их крови".

И мужчина взял ребенка у Иокасты, но, опасаясь царского указа, пронзил ему лодыжки и связал их вместе, ибо подумал,

"Если даже какой-нибудь пастух, бродящий по склону горы, наткнется на ребенка, он никогда не найдет его таким искалеченным; а если царь спросит, я скажу, что он мертв".

Но поскольку ребенок плакал от боли в лодыжках, он отнес его сначала домой к жене, чтобы та накормила и утешила его, и когда она вернула его ему на руки, он улыбнулся ему в лицо. Тогда вся ожесточенность угасла в его сердце, ибо боги пролили на него благодать, способную зажечь любовь в самой холодной груди.

Китерон лежит на полпути между Фивами и Коринфом, и зимой на его вершине лежит глубокий снег, и дикие ветры пронзают скалы и расщелины, и сосны гнутся под ударами ветра, так что люди прозвали его домом фурий, ужасных богинь, которые выслеживают грех и убийство. А еще там, в ручьях и пещерах, обитают наяды и нимфы, дикие духи скал и вод; и если кто-либо из смертных вторгается в их обиталища, они доводят его до безумия в своих гулких гротах и мрачных пещерах. И хотя люди называли его мрачным Китероном, трава у его подножия росла прекрасная и зеленая, и пастухи приходили из всех окрестных городов, чтобы пасти свои стада на его хорошо поливаемых склонах. Здесь пастух Лая столкнулся с пастухом Полиба, царя Коринфа, и, видя, что тот человек добрый и, вероятно, сжадется над ребенком, отдал его ему на воспитание.

Но богам не было угодно даровать детей Полибу, царю Коринфа, и Меропе, его жене, хотя они украшали свои алтари гирляндами и воскуряли благовонные курения; наконец, всякая надежда угасла в их сердцах, и они сказали,

"Боги разгневаны, они уничтожат наш род, и королевство перейдет в руки чужеземца".

Но однажды королева увидела на руках одной из своих женщин ребенка, которого раньше не видела, и спросила ее, не ее ли это ребенок. И женщина призналась, что ее муж, царский пастух, нашел его на Дим-Китхероне, пожалел и принес домой. Тогда царица взглянула на ребенка и, увидев, что он прекрасен, сказала,

"Конечно, это не обычный младенец, а дитя Бессмертных. Волосы у него золотые, как летняя кукуруза, а глаза - как звезды на небе. Что, если боги послали его, чтобы он утешал нашу старость и правил королевством, когда мы умрем? Я буду растить его во дворце как собственного сына, и он станет принцем в стране Коринф".

Так ребенок жил во дворце, стал сыном Полиба и Мерыпы и наследником царства. За неимением имени они называли его *Œdipus*, потому что его лодыжки, когда его нашли, были распухшими от булавки, которую всадил в них пастух. Когда он подрос, то стал нравиться всем людям, ибо был высок, красив и хитер.

"Боги милостивы, - говорили люди, - даровать царю такого сына, а жителям Коринфа - такого могущественного князя, чтобы он правил ими в грядущие дни".

Ведь они еще не знали, что он подкидыш и не настоящий наследник престола.

Пока ребенок был еще мал, он играл во дворе дворца, и в беге и прыжках, в силовых и сердечных подвигах никто не мог превзойти его среди товарищей по играм или даже выстоять против него, кроме одного. Но эти двое были так хорошо сложены, что остальные дети собирались вокруг них на ринге, чтобы посмотреть, как они боксируют и борются, а победителя они несли на плечах по гулким галереям под крики и хлопанье в ладоши; иногда это был Эдип, а иногда другой мальчик. Но в конце концов наступило время, когда снова и снова *Œdipus* оказывался сильнее, а другой снова и снова уходил домой побитый, как выпоротый курдюк: , и он размышлял о своем поражении, и питал в сердце ненависть к *Œdipus*, и клялся, что однажды отомстит ему честным путем или нечестным.

Но когда царица Мерепа увидела, что Эдип растет высоким и красивым и превосходит силой всех своих товарищей, она подняла его однажды в цитадель и показала ему всю прекрасную землю Эллады, лежащую у его ног. Под ними раскинулся сияющий город с его колоннадами, фонтанами и величественными храмами богов, словно драгоценный камень в золотых песках, а далеко на западе простирался голубой Коринфский залив, пока горы Этолии не соединились со своими сестрами в Пелопоннесе. И она показала ему холмы Аркадии, страны песен и пастухов, где Пан играет на своей дудке под дубами, а нимфы и сатиры танцуют весь день. Вдали на мрачном северо-западе возвышались снежные вершины горы Парнас и Геликона - жилища муз, которые наполняют умы людей мудростью, а сердца - любовью ко всему прекрасному. Здесь расцветает первый нарцисс, олива, мирт и розовый миндаль нежно целуют смеющиеся речушки и сияющие танцующие каскады. Геликон был прекрасным и нежным юношей, которого жестокий брат Китерон убил в безумной ревности. Тогда боги превратили их обоих в горы, и Геликон по сей день мягкий и справедливый, и дом всех благ; а Китерон мрачен и бесплоден, потому что его жестокое сердце не знало жалости, и фурии преследуют его непрерывно. Тогда Мерепа повернула его к востоку, к стране Рассвета, и показала ему пурпурные вершины Эгины и сверкающий берег Аттики. И сказала она ему,

"Иудип, сын мой, видишь ли ты, как Коринф лежит посередине между севером и югом, востоком и западом, соединяя земли и разделяя моря?"

И ответил Œdipus,

"По правде говоря, мать, тот, кто правит в Коринфе, нуждается в львином сердце, ибо он должен вечно стоять с мечом в руке и охранять проход с севера на юг".

"Мужество - могучая вещь, сын мой, но мудрость могущественнее. Меч разрушает, а мудрость возводит. Видишь ли ты гавани по обе стороны, обращенные к востоку и западу, и мачты кораблей, похожие на лес зимой, и движение моряков и купцов на берегу? Из всех стран приходят и привозят свои товары и изделия, и люди всех народов встречаются вместе. Не думай, сын мой, что львиное сердце и глупая голова с ним могут сравниться с мудростью Египта или хитростью Финикии".

Тогда понял Иудип и сказал,

"До сих пор я боролся, боксировал и бегал наперегонки с моими товарищами по пескам, и никто не мог победить меня. Отныне я буду сидеть на рынке и беседовать с иностранцами и учеными людьми, чтобы, когда я приду править вместо отца, быть мудрейшим во всей земле".

И Меропа обрадовалась его ответу, но в душе печалилась, что прошли его простые детские дни, и молилась, чтобы, если боги даруют ему мудрость, они сохранили его сердце чистым и свободным от всякой нечистоты.

И вот сидел Эдип на рынке и беседовал с купцами и путешественниками, и спускался к кораблям в гавани, и узнал много странного о чужих землях - мудрость египтян, которые были мудрее всех людей на юге, и хитрость финикийцев, которые были величайшими купцами и мореходами во всем мире. Но вечером, когда солнце опускалось на запад, и холмы становились аметистовыми и сапфировыми, а снежные горы краснели рубиновым цветом от его прощального поцелуя, тогда по гладкому, золотому песку Перешейка, на берегу шумящего моря, он боксировал, боролся и бегал, пока все пути не померкли и звезды не выделились на небе. Ибо он был истинным сыном Эллады и знал, что в девяти случаях из десяти слабые тела и слабые умы идут рука об руку.

И вот он вырос в своей красоте, стал богом мудрости и могущества, и не было вопроса, на который он не мог бы ответить, и загадки, которую он не мог бы разгадать, так что вся земля равнялась на него, а царь и царица любили его как родного сына.

Однажды во дворце был устроен большой пир, на который были приглашены все знатнейшие люди страны, и менестрели играли, и кубки танцевали, и вино свободно текло по столу, так что сердца людей раскрывались, и они говорили о великих делах и героях, и хвастались тем, что они сами могут сделать. А Œdipus хвастался громче всех и вызывал всех и каждого на честный бой. Но юноша, выросший с ним в соперничестве и питавший в сердце ревность и ненависть, насмеялся над ним в лицо и сказал,

"Низкородженный, сын рабыни, думаешь ли ты, что свободные люди будут сражаться с тобой? Львы не сражаются с проклятыми, и хотя ты облакаешь себя в пурпур и золото, все люди знают, что ты не истинный сын того, кого называешь своим сыном".

И сказал он это, раскрасневшись от вина, потому что многоголосая молва разнесла по свету слух, что Эдип - подкидыш, хотя сам он ничего об этом не знал.

Тогда Œdipus покраснел от ярости и стремительно, как шторм, несущийся с гор, налетел на другого и, схватив его за горло, тряс до тех пор, пока тот не перестал молить о пощаде.

"Что ты теперь скажешь, птенец? Уйди со своими лживыми насмешками, раз уж ты лижешь пыль за свою ложь".

И он вышвырнул его из зала. А Мeroпа, бледная и печальная, прислонилась к колонне и укрыла лицо мантией, чтобы скрыть слезы. И когда они остались одни, Эдип взял ее руку, погладил ее и сказал,

"Не печалься о моем пламенном духе, мать, но назови меня своим сыном и скажи, что я был прав, заставив замолчать лжеца, который хотел опозорить имя моего отца и тебя".

Но она с грустью и тоской смотрела на него сквозь слезы и говорила загадочными словами,

"Боги, дитя мое, послали тебя к твоему отцу и ко мне в ответ на наши молитвы. Ты - дар Божий, и ты будешь даром Божиим, живым и мертвым, для тех, кто тебя любит. Плоть стареет и увядает, как лист, но дух живет вечно, и те истинные родственники, кто сроднился с тобой в духе добра и любви".

Но Иудипус был обеспокоен, ибо она больше ничего не говорила, а только держала его за руку, и когда он отнял ее, она была мокрой от ее слез. Тогда он подумал в своем сердце,

"Поистине, моя мать плачет не напрасно. А что, если в этой сказке все-таки что-то есть? Я пойду в центральное святилище Эллады и спрошу бога правды, златокудрого Аполлона. Если он скажет, что это ложь, то, воистину, я вобью ее обратно в глотку этому трусу, и вся земля зазвенит от его позора. Если же это правда - боги подскажут мне, как поступить".

И он отправился в одиночку в свое паломничество. И пошел он по дороге, идущей вдоль моря, мимо горы Герании с ее поросшими соснами склонами, где укрылся Мегарус, сын Зевса, когда наводнение покрыло всю землю и только вершины гор возвышались, как острова в море. Он последовал за криком журавлей, искавших убежища от воды, спасся и основал город Мегару, который и по сей день называется его именем. Миновав Агостену - место обитания черноногих козлов, Œdipus отправился в Креусис, по узкой скалистой тропе между горами и морем, где человек должен быть уверен в ногах и тверд головой, если он хочет противостоять бурям, которые обрушиваются с мрачного Китерона. Ибо ветры с воплями несутся по холмам, как фурии в гневе, и сметают все, что стоит на их пути, с жутких утесов в зияющую, кипящую внизу пропасть, а тех, кто попадает в ее хищные челюсти, она пожирает, как дикого зверя, и их больше не видно. Затем он прошел через плодородную Этбе мимо маленького порта Тифа, где жил Тифис, рулевой знаменитых аргонавтов, отправившихся в безымянные земли и неведомые моря на поиски Золотого руна. Много ревущих потоков пересек он, срываясь с отвесных белых скал Геликона, и перебирался через безлюдные горы, мимо скалистой Антикиры и холмов с чемерицей, через бесплодную равнину Цирры, пока не пришел к выстроенной в скале Крисе и прекрасной Крисейской равнине, земле кукурузных полей и виноградников и серо-зеленых оливковых рощ, где весной цветы граната и олеандра сияют красным светом, как сигнальные костры ночью.

Он уже почти достиг конца своего путешествия, и сердце его учащенно билось, когда он смешался с группой паломников, каждый из которых направлялся в свой поход к богу Света и Истины, золотоволосому Аполлону, могущественнейшему из сыновей Зевса и убийце знаменитого дракона Пифона. В Дельфах находится его святилище и обитель, а в его храме стоит священный камень, упавший с неба и отмечающий центр земли. Внизу зияет великая пропасть, могучая трещина, уходящая глубоко в недра земли, в область мертвых и страну бесконечной ночи; и поднимаются смертоносные испарения, ядовитые туманы и пары, так что пифийская жрица, восседающая на своем медном треножнике, доводится до исступления от их силы. Тогда она слышит голос Аполлона, и ее глаза открываются, чтобы увидеть то, что не может увидеть ни один смертный, а уши - чтобы услышать тайны богов и судьбы. Те вещи, которые велит ей Аполлон, она воспекает паломникам в мистических стихах, которые могут правильно истолковать только мудрые. И вот с севера и юга, с востока и запада стекаются люди, чтобы услышать ее пророчества, и слава о святилище Аполлона разнеслась по всем землям - от потока Океана и Геракловых столбов до далекого ионического берега и Евфрата, могучей реки Востока.

Приблизившись к священному месту, Эдип принес жертву, омылся в огромном каменном бассейне, отбросил всю нечистоту от своего сердца и прошел через каменные порталы в страшное святилище внутри, где днем и ночью горит неугасимый огонь и растет священный лавр. И задал он свой вопрос богу и ждал ответа. Сквозь тусклый мрак святилища он увидел жрицу на треножнике, окутанную туманом из благовоний и пара, и, когда сила бога снизошла на нее, она увидела вещи будущего и скрытые тайны судьбы. И подняла она руку к *Oedipus*, и бледными устами произнесла слова обреченности,

"Злосчастный Эдип, ты убьешь своего родного отца".

Когда она произнесла эти слова, голова его закружилась, как в водовороте, а сердце словно превратилось в камень; затем с громким и горьким криком он бросился из храма сквозь толпу паломников вниз, на Священный путь, и люди, словно тени, уходили с его пути. Слепо мчался он по каменистой дороге, спускался через перевал к месту, где сходятся три дороги, и содрогался, пересекая их, ибо Страх положил свою холодную руку на его сердце и наполнил его диким, беспричинным ужасом, и запечатлел образ этого ужасного места в его мозгу, чтобы он никогда не смог забыть его. Со всех сторон на него надвигались горы, и казалось, что они то и дело повторяют слова жрицы. Он шел вперед, как загнанная тварь, не сворачивая ни вправо, ни влево, пока не вышел на узкую тропинку, где встретил старика в колеснице, запряженной мулами, с верными слугами вокруг него.

"Эй, ты, безумец!" - закричали они; "Посторонись и дай колеснице проехать".

"Сами вы безумцы", - вскричал он, ибо его больное сердце не выдержало насмешек. "Я сын короля и ни перед кем не буду стоять в стороне".

И он попытался протиснуться мимо них силой, хотя был один против многих. Старик протянул руку, чтобы остановить его, но и ребенок не мог устоять против дикого быка. Он отбросил его в сторону и повалил с места, а сам повернулся к своим последователям и, нанося удары направо и налево, оглушал одного и убивал другого, пробиваясь сквозь них в слепой ярости. Но старик неподвижно лежал на дороге. Падение с колесницы погасило в нем слабую искру жизни, и дух его улетел в дом Аида, в царство мертвых. Один верный слуга лежал рядом с ним убитый, а другой - бесчувственный и оглушенный, и когда он очнулся и обнаружил, что его хозяин и товарищи убиты, Эдип был уже далеко в пути.

Он шел все дальше и дальше, преодолевая холмы, долины и горные потоки, пока наконец силы его не иссякли, и он не упал без сил. И черное отчаяние овладело его сердцем, и он сказал про себя,

"Лучше умереть здесь, на голом склоне холма, и стать пищей для коршунов и ворон, чем вернуться в дом моего отца и принести смерть ему и горе в сердце моей матери".

Но сладкий сон опустился на него, и когда он проснулся, надежда и любовь к жизни поселили в его груди другие мысли. И вспомнил он слова, которые однажды сказала ему царица Мeroпа, когда он хвастался своей силой и умением.

"Сила и умение, сын мой, - дары богов, как дождь, который льется с неба и дает жизнь и плодам земли. Но гордыня человека - это гневный потоп, который приносит разрушения на поля и города. Помни, что великие дары могут принести великое добро или великое зло, и тот, кто обладает ими, должен держать ответ перед богами внизу, хорошо или плохо он их использует".

И он подумал про себя,

"Плохо было бы умереть, если бы даже в самых отдаленных уголках земли люди нуждались в сильной руке и хитрости мудреца. Никогда больше не вернусь я в прославленный Коринф и в свой дом у шумящего моря, но отправлюсь в дальние страны и принесу благословение тем, кто не из моего рода, ибо для своих я должен стать проклятием, если когда-нибудь вернусь".

И пошел он по дороге из Дельф, пока не пришел в Фивы с семью воротами. Там он застал весь народ в глубокой беде и трауре, потому что их царь Лаий был мертв, убит разбойниками на большой дороге, и они похоронили его далеко от родных мест, в месте, где сходятся три дороги. И, что еще хуже, в их городе завелось страшное чудовище - Сфинкс, орел и лев, с лицом женщины, которая каждый день пожирала мужчин, потому что они не могли ответить на загадку, которую она им задавала. Все это услышал Эдип, стоя на рыночной площади и беседуя с народом.

"Что это за знаменитая загадка, которую никто не может разгадать?" - спросил он.

"Увы, юноша, этого никто не может сказать. Ибо тот, кто хочет разгадать эту загадку, должен один подняться на скалу, где она сидит. Там она произносит загадку, и если он не ответит на нее сразу же, она разрывает его на части. А если никто не поднимется, чтобы отгадать загадку, тогда она спускается город и уносит свои жертвы, не щадя ни женщин, ни детей. Мудрейшие и храбрейшие наши ушли, и глаза наши больше не видели их. Теперь не осталось ни одного человека, который осмелился бы противостоять страшному зверю".

Тогда Oedipus сказал,

"Я пойду и встречу с этим чудовищем. Должно быть, это действительно трудная загадка, если я не могу на нее ответить".

"О, смелый и опрометчивый, - воскликнули они, - неужели ты думаешь преуспеть там, где многие потерпели неудачу?"

"Лучше попытаться и потерпеть неудачу, чем вообще не пытаться".

"Но там, где неудача - это смерть, разве не должен человек подумать дважды?"

"Человек может умереть только один раз, и что может быть лучше, чем попытаться спасти своих товарищей?"

Глядя на его сильные молодые конечности и красивое юное лицо, они жалели его.

"Незнакомец, - говорили они, - кто ты такой, чтобы так бездумно разбрасываться своей жизнью? Неужели дома нет никого, кто бы оплакивал тебя, и нет королевства, которым ты должен править? Ведь, по правде говоря, ты царский сын, а не простой человек".

"Нет, если бы я вернулся, мой дом был бы погружен в траур и горе, и люди изгнали бы меня из дома моего отца".

Они удивились его ответу, но не осмелились расспрашивать его дальше; и, видя, что ничто не заставит его отказаться от задуманного, они указали ему путь к скале Сфинкса, и весь народ вышел вместе с ним к воротам с молитвами и благословениями. У ворот они оставили его, ибо тот, кто поднимается к Сфинксу, должен идти один, и никто не может стоять рядом и помогать ему. И вот он прошел через Кренийские ворота и перешел через поток Дирсе на широкую равнину, а на другой стороне темной и ясной высилась гора Сфинкса. Тогда он взмолился Палласу Афине, сероглазой богине мудрости, и она убрала весь страх из его сердца. И он смело поднялся на скалу, где сидело чудовище, ожидая, когда оно набросится на свою жертву; но при всей его храбрости сердце его учащенно забилося, когда он взглянул на нее. Ведь сначала она была похожа на могучую птицу с огромными крыльями из бронзы и золота, и солнечные лучи играли вокруг них, создавая ореол света, а посреди ореола сияло ее лицо, бледное и прекрасное, как звезда на рассвете. Но когда она увидела его приближение, в ее глазах зажегся алчный огонь, и она выпустила жестокие когти и замахала хвостом из стороны в сторону, как разъяренный лев, поджидающий добычу. Тем не менее Эдип заговорил с ней ласково и нежно,

"О, госпожа, я пришел, чтобы услышать твою знаменитую загадку и ответить на нее или умереть".

"Глупый птенец, лакомство, посланное богами в этот день, с твоим прекрасным юным лицом и свежими молодыми конечностями".

И она облизала свои жестокие губы.

И почувствовал Эдип, как закипела в нем кровь, и захотел он убить ее тут же, на месте; ибо та, что была прекраснейшей из женщин, стала теперь мерзейшим из зверей, и увидел он, что своей жестокостью и похотью она убила в себе женскую душу, и на ее место пришла душа зверя.

"Подойди, Расскажи мне свою знаменитую загадку, неистовая фурия, что ты есть, чтобы я мог ответить на нее и избавить землю от этого проклятия".

"На рассвете она ползает на четырех ногах, в полдень - на двух, на закате и вечером - на трех. Что это за существо, никогда не меняющееся, но не много, а одно?"

"Она выпустила свои жестокие когти и забила хвостом из стороны в сторону, как разъяренный лев, поджидающий свою добычу".

Так она медленно напевала, и глаза ее сверкали жестоко и холодно.

Тогда задумался Oedipus внутри себя,

"Сейчас или никогда моя образованность и смекалка не помешают мне, или напрасно я беседовал с мудрейшими из людей и постигал тайны Финикии и Египта".

И боги, даровавшие ему понимание, послали свет в его сердце, и он смело ответил,

"Что может быть этим существом, кроме человека, о Сфинкс? Ибо, будучи беспомощным младенцем на заре жизни, он ползает на руках и ногах; в полдень он ходит прямо, опираясь на силу своей мужественности; а вечером он поддерживает свои шатающиеся конечности посохом, опорой и опорой старости. Разве я не ответил правильно и не отгадал твою знаменитую загадку?"

Тогда с громким криком отчаяния, не ответив ему ни слова, огромное чудовище поднялось со своего места на скале и бросилось с обрыва в зияющую внизу пропасть. Далеко на равнине люди услышали ее крик и увидели вспышку солнца на ее медных крыльях, подобную блеску молнии в летнем небе. Тогда они вознесли к небу великий крик радости и высыпали из всех ворот на открытую равнину, а некоторые подняли Эдипа на плечи и с криками и песнями триумфа понесли его в город. Там они единодушно сделали его царем, ибо старый царь не оставил после себя сына, а кто мог бы править ими лучше, чем убийца Сфинкса и спаситель их города?

И стал Эдип царем Фив, и правил он мудро и хорошо, и долгие годы страна процветала и в мире, и в войне. Но вот настал день, когда разразился страшный мор, и люди умирали сотнями, так что наконец Œdipus послал гонцов в Дельфы, чтобы спросить, почему боги разгневались и послали на землю чуму. И вот какой ответ они принесли,

"В Фивах творится нечистое. Никогда не был найден убийца Лая, и живет он, загрязняя землю. Мсть богов хоть и медленна, но приходит непременно, и пролитие крови не останется безнаказанным".

Тогда Эдип провозгласил по всей земле, что если кто знает убийцу, пусть отдаст его на верную гибель и успокоит гнев Неба. И он наложил страшное проклятие на любого, кто осмелится дать хоть корку хлеба или черпак воды тому, кто навлек на землю такие страдания. И вот по всей стране, далеко-далеко, велись поиски, чтобы вывести пятно крови и очистить город от загрязнения, но день за днем поиски были бесплодны, и мор свирепствовал непрерывно, и тьма опускалась на душу народа, когда его молитвы оставались без ответа, а всесожжения тщетно дымились на алтарях богов. И вот, наконец, Эдип послал за слепым провидцем Тейресием, который пережил шесть поколений смертных людей и был мудрейшим из всех пророков на земле. Он знал язык птиц, и, хотя его глаза были закрыты во тьме, его уши были открыты, чтобы слышать тайны вселенной, и он знал скрытые вещи прошлого и будущего. Но поначалу, когда он предстал перед царем, он ничего не сказал ему, а лишь попросил не задавать лишних вопросов.

"Ибо вещи будущего придут сами собой, - говорил он, - хотя я и окутаю их молчанием, и зло будет тебе, о царь, и зло дому твоему, если я изреку знание, сокровенное в сердце моем".

В конце концов Эдип разгневался на его молчание и насмехался над ним,

"Поистине, я думаю, что ты сам содействовал замыслению этого дела, и, видя, что ты не заботаешься о людях, сгибающихся под мором и мрачными днями, опустившимися на землю, да будет так, что ты сможешь защитить убийцу и спастись от проклятия богов".

Тогда Тейресиас, не выдержав, заговорил. "Ты сам будешь судим, о царь", - сказал он. "Ты сам убийца, ты сам загрязняешь землю кровью невинных людей!"

Тогда Œdipus громко рассмеялся,

"Воистину, старик, ты лжешь. Какой соперник побудил тебя к этой лжи, надеясь согнать меня с фиванского трона? По правде говоря, не только глаза твои, но и сердце твое окутано туманом тьмы".

"Горе тебе, Œdipus, горе тебе! Ты прозрел, но не видишь, кто ты есть, и не знаешь, что творит твоя рука. Скоро ты будешь бродить без зрения и слепоты, странник в чужой земле, ощупывая землю посохом, и люди будут в ужасе отшатываться от тебя, услышав имя твое и дело, которое ты совершил".

И притихли люди от слов старца, и не знали, что и думать. Но жена Эдипа, стоявшая рядом с ним, сказала,

"Не слушай его, господин мой. Ибо, поистине, ни один смертный не в силах постичь тайны Судьбы, что я могу доказать на примере слов этого же человека, которые он произнес в пророчестве. Ведь это он сказал, что Лаий, царь, который умер, должен быть убит рукой своего собственного сына. Однако бедный невинный так и не вырос до зрелого возраста, а был выставлен на бездорожье на склоне горы, чтобы умереть от холода и голода; а Лаия, как говорят люди, убили разбойничьи шайки в том месте, где сходятся три дороги. Так что не слушайте прорицателей, люди, и не верьте словам того, кто оказался лжепророком".

Но слова ее не утешили Œdipus'a, и в сердце его, как холодная, ползучая змея, закрался жуткий страх, когда он слушал. Он вспомнил о своем путешествии из Дельф и о том, как в ярости он сбил старика и его последователей в месте, где сходятся три дороги. Когда он расспрашивал ее дальше, все сходилось: и время, и место, и компания, только ходили слухи, что Лая убили разбойничьи шайки, в то время как он один сражался со многими.

"Неужели не осталось никого, - спросил он, - кто видел этот поступок и дожил до наших дней?"

"Да, один верный последователь вернулся, чтобы сообщить новость, но как только Сфинкс был убит и народ сделал тебя царем, он ушел со своими стадами на дальние пастбища, ибо не мог видеть чужака на месте своего господина, хотя тот и спас землю от беды".

"Иди, позови его", - сказал Эдип. "Если убийц было много, как гласит молва, то с его помощью мы сможем их выследить; если же он был один-одинешенек - да, пусть даже это был я сам, - то он будет изгнан из страны, чтобы чума не распространялась среди людей. Воистину, королева моя, сердце мое сжимается, когда я вспоминаю свой гнев и поступок, совершенный мною на перекрестке".

Напрасно она пыталась утешить его, ибо безымянный страх овладел его сердцем.

И вот, пока они ждали пастуха, из Коринфа поспешно прибыл гонец с известием, что Полиб умер и что царем страны избран Œdipus, ибо слава о нем, как об убившем Сфинкса и мудрейшем из царей Эллады, распространилась далеко и широко. Услышав эту новость, Эдип склонил голову в печали, узнав о смерти любимого отца, и, обратившись к вестнику, сказал,

"Долгие годы сердце мое стремилось к тому, кто умер, и, поистине, душа моя скорбит, что я больше не увижу его в приятном свете солнца. Но ради оракула я остался в изгнании, чтобы рука моя не окрасилась кровью отца. И теперь я благодарю богов, что он скончался в зеленой старости, в полноте лет и чести".

Но посланник удивился его словам.

"Не знаешь ли ты, что Полибий не был тебе отцом по плоти, но за твою красоту и силу он избрал тебя из всей земли, чтобы ты стал его сыном и наследником Коринфского царства?"

"Что скажешь ты, носитель дурных вестей?" - вскричал Эдип. "Чтобы доказать, что та же твоя байка - клеветническая ложь, я отправился в Дельфы, и там жрица предсказала, что я должен убить своего собственного государя. Поэтому я не вернулся в родные края, а прожил в изгнании все свои дни".

"Во мраке души жил ты, о царь. Ибо я своими руками принял тебя младенцем от пастуха на диком Китероне, от одного из пастухов Лаия, который был царем до тебя в этой земле".

"Горе мне! Проклятие богов еще не нависло надо мной. Я не знаю своего отца и, невольно убив его, жалею о злом дне. И туча мрака нависла надо мной за убийство царя Лаия. Но вот привели пастуха, который видел, как это было сделано, и молю Небо, чтобы он очистил меня от всякой вины. Выведите его вперед, чтобы я мог его допросить".

Тогда они вывели человека перед царем, хотя он и уклонялся и пытался спрятаться. Когда вестник из Коринфа увидел его, то от удивления отпрянул назад, ведь это был тот самый человек, из рук которого он выхватил Идипса на склоне горы. И сказал он царю,

"Вот человек, который откроет тебе тайну твоего рождения. Из его рук я взял тебя младенцем на тусклом Китероне".

Тогда Эдип стал расспрашивать его, и тот сначала от страха отрицал, но наконец охотно признался.

"А кто отдал меня тебе на заклание на склоне бесплодной горы?"

"Молю тебя, мой король, не спрашивай больше. Есть вещи, о которых лучше не говорить".

"Нет, скажи мне и не бойся. Мне нет дела до того, что я - дитя позора и рабства, запятнавшее свое рождение. Сыном Фортуны сделали меня боги и даровали мне добрые дни вместе со злыми. Говори, молю тебя. Хоть я и сын рабыни, я смогу это вынести".

"Не сын раба ты, а из царского дома. Не спрашивай меня больше, мой царь".

"Говори, говори, человек. Ты доводишь меня до гнева, и я заставлю тебя рассказать, пусть даже силой".

"Ах! Не налагай на меня жестоких рук. Ради тебя самого я хотел бы скрыть это. От царицы, матери твоей, я родила тебя, а отцом твоим был Лаий, царь. На перекрестке дорог из Дельф ты встретила его на колеснице и невольно убила его в гневе своем. Горе мне! Ибо боги избрали меня невольным свидетелем истинности своих оракулов".

Тогда на всех людей опустилась великая тишина, как затишье перед бурей. Ибо слова пастуха были столь странны и ужасны, что поначалу они не могли понять их смысла. Но когда они поняли, что Эдип - родной сын Лая и что он исполнил страшное пророчество и убил своего отца, поднялся большой шум: одни говорили одно, другие другое; но над всем этим шумом раздался голос Эдипа,

"Ах, горе мне, горе мне! Проклятие богов на мне, и никто не может избежать их гнева. Вслепую я творил это зло, и когда я пытался спастись, судьба поймала меня в свои тайные сети. О, глупые сердца людей, думающие, что вы можете убежать от гибели богов, ибо вот!

Вы стремитесь в темноте, и сами ваши усилия связывают вас еще теснее в ловушке вашей судьбы. Изгоните меня из страны, люди; делайте со мной, что хотите. Ибо боги сделали меня проклятием и загрязнением, и только моей смертью земля успокоится от моровой язвы".

И народ поверил ему на слово, ибо непостоянно сердце народа, и колеблется оно то в одну, то в другую сторону от каждого дуновения бедствия. Они тоже были поражены мором и в гневе на его причину забыли об убиении Сфинкса и долгих днях мира и процветания. Но вот среди них поднялся слепой провидец Тейресий, и при его голосе народ умолк.

"Граждане Кадма, глупые и слепые сердцем! Неужели вы убьете спасителя вашего города? Неужели вы забыли о сфинксе, пожирающем людей, и о днях тьмы? Воистину, процветание притупляет остроту благодарности. А ты, Эдип, не проклинай богов за свою злую судьбу. Кто сунет палец в огонь, тот сгорит, сознательно или нет. Что касается твоего отца, то его ты действительно убил по неведению; но пролитие человеческой крови будет на твоей собственной голове, ибо это было плодом твоего гневного духа, который, не имея обуздания, вырвался наружу, как разъяренный зверь. Если бы ты никогда не убивал людей, ты бы никогда не убил своего отца. Но теперь ты загрязняешь землю, где родился, и долгими изгнаниями и скитаниями должен искупить свой грех и умереть чужаком в чужой стране. И все же мне кажется, что в темном зеркале пророчества я вижу твой облик, как бы хранителя земли твоего последнего пристанища, и в роще священных деревьев - вечное обиталище твоего духа, когда твои ноги пройдут пути искупления и закончатся дни твоих скитаний".

Так народ замолчал. Но Эдип не хотел утешаться и в своем стыде и страданиях выколол себе глаза, потому что они смотрели на невыразимые вещи. Тогда он облачился в лохмотья и взял посох пилигрима, чтобы в одиночку отправиться в странствия. И люди радовались его уходу, потому что чума ожесточила их сердца, и им не было дела до его седых волос и незрячих глаз, и они не помнили всего, что он для них сделал, а думали только о том, как бы остановить чуму. Даже Этеокл и Полиней, его родные сыновья, не проявили жалости, а отпустили бы его одного, чтобы он мог жить на тучных землях. За черствость сердца они были наказаны спустя долгое время, когда поссорились, кому быть царем, и обрушили на Фивы потоп войны, и пали каждый от руки другого в смертельной схватке. Из всех его детей только Антигона отказалась отпустить его одиноким странником и не слушала его уговоров, когда он говорил о том, как труден путь, который им предстоит пройти.

"Нет, отец, - вскричала она, - неужели ты думаешь, что я могу допустить, чтобы в старости ты блуждал без зрения и слепоты, и никто не мог бы остановить твои слабые шаги или одарить тебя светом своих глаз?"

"Дорога перед нами трудна и длинна, дитя мое, и никто не может сказать, когда моя душа обретет покой. Пути мира жестоки, и люди не любят проклятых богами. Что касается тебя, то Небеса благословляют тебя за твою любовь; но ты слишком хрупка и нежна, чтобы есть хлеб и пить воды скорби".

"Ах, отец, думаешь ли ты, что может быть что-то более горькое, чем сидеть в кресле королей, в то время как ты скитаешься нищим по лицу земли? Пусть я пойду с тобой и поддержу твои шаги в дни испытаний".

Ничто из того, что он мог сказать, не могло ее разубедить. Так они вдвоем отправились в странствия: старик - под тяжестью горя, а девушка - в свежести юности и красоты, с великой любовью в сердце - яркой, пылающей любовью, которая была светом, которым она жила, и

светом, который никогда не сбивал ее с пути. Любовь вела ее по пустынным местам и безлюдным дебрям, и в конце концов привела ее в цветущем девичестве к самым вратам смерти; но когда тучи земной печали нависли над ее головой, именно любовь приподняла завесу сомнений и одарила ее имя ореолом славы, который никогда не померкнет. А всю историю о ее любви и о том, как она похоронила своего брата Полинея, хотя знала, что это смерть - бросить на его тело хоть горсть пыли, вы можете прочитать в одной из самых благородных пьес, которые когда-либо были написаны.

И вот они с Эдипом отправились в странствия. Поначалу Oedipus был полон стыда и горечи, проклинал день своего рождения и свою злую судьбу; но со временем он вспомнил слова Тейресия о том, что после смерти он должен стать благословением для земли своего последнего пристанища, и в его сердце зародилась надежда, что боги не оставили его, а сотрут пятно его греха и вновь сделают его имя славным среди людей. С каждым днем эта надежда становилась все сильнее и ярче, и он чувствовал, что дни скитаний и искупления подходят к концу, и таинственная сила направляла его шаги, он не знал куда, но только к цели его освобождения. И они пошли по Фиванской равнине и по тусклому Китерону, пока не пришли к освещенному факелами берегу Элевсиса и священному святилищу Деметры, и к широкой равнине Раруса, где Триптолем впервые научил людей прокладывать борозду и сеять золотое зерно. И шли они по Священному пути, ведущему в Афины, с кружащимися горами слева, а справа - голубым Сароническим заливом и вершинами морского Саламина. И много могил героев миновали они, и много святынь, ибо на всем протяжении этого пути древние люди воздвигали памятники неугасающей славе погибших и наследию чести, которое они оставили нерожденным поколениям. И всегда Антигона поддерживала слабые шаги старика и дарила ему свет своих юных глаз, пока, наконец, они не пришли в белый Колон и рощу Эвменид. Там она усадила его на камень, чтобы он отдохнул. Мягкий весенний ветерок шумел вокруг них, и чистые воды Кефиса струились, искрясь, у их ног на плодородную равнину внизу. В темных укрытиях и на зеленых полянах соловей пел свою сладкую песню, а на траве распускались золотые крокусы и белые нарциссы. Когда он сидел там, сердце старика наполнялось спокойствием, ибо он чувствовал, что дни его скитаний закончились. Но пока они отдыхали, мимо проходил человек из деревни и, увидев их, закричал,

"Эй, нечестивые странники, не знаете ли вы, что сидите на священной земле и посягаете на освященное?"

И тогда Oedipus с большей уверенностью, чем когда-либо, понял, что настал день его освобождения.

"О, чужеземец!" - воскликнул он, - "Добро пожаловать, о чем ты говоришь. Ибо здесь сбудутся слова пророка, сказавшего, что в роще священных деревьев дух мой найдет покой".

Но человек не успокоился и позвал группу своих соплеменников, которые были в поле неподалеку. Они подошли и грубо обратились к Oedipus'у, спросили его имя и дело. Когда он рассказал им об этом, их охватил ужас, ведь все люди слышали об убийстве Лаия, и они хотели выгнать его силой. Но Иудип поднялся с камня, на котором сидел, и, несмотря на нищенские лохмотья и незрячие глаза, в его лице и фигуре чувствовалось величие, которое выдавало в нем не простого человека.

"Люди Колонуса, - сказал он, - вы судите о зле, которое я совершил, а не о добре. Разве вы забыли времена, когда имя Эдипа почиталось по всей земле? Правда, наступили дни тьмы, и пятно моего греха обнаружило меня. Но теперь мой гневный дух обуздан, и боги вновь сделают меня благословением для людей. Пойдите, скажите вашему царю Тесею, который

правит в священной цитадели Афины, что Œdipus здесь, и попросите его прийти со всей скоростью, если он хочет получить хранителя для этой земли, вечную защиту для своего города в дни бурь и бедствий."

И они поспешили отправить гонца, ибо в престарелом страннике была какая-то таинственная сила, которой никто не мог противостоять. И вскоре прибыл Тесей, могучий герой, сделавший Афины великим городом и избавивший страну от многих бедствий. Он приветствовал Эдипа вежливо и любезно, как подобает великому принцу, и предложил ему гостеприимство. Но Œdipus сказал,

"Гостеприимство, которого я прошу, о царь, не для краткого пребывания в этой земле. Нет, я прошу вечного дома. Ибо рука Неба надо мной, и я прекрасно знаю, что в этот день моя душа покинет это бренное и разбитое тело. И только тебе одному дано знать, где упокоятся кости мои - тебе и потомству твоему после тебя. До тех пор, пока кости мои будут пребывать в земле, до тех пор дух мой будет охранять ее, и люди будут призывать мое имя, чтобы переломить ход битвы и остановить поток моровой язвы и войны. Пойдешь ли ты со мной, о царь, куда поведут боги, и узнаешь ли тайну моей могилы?"

Тогда Тесей склонил голову и ответил,

"Покажи дорогу, и я пойду".

Повернулся Идип и направился в рощу, а Тесей и Антигона последовали за ним. Ибо таинственная сила, казалось, направляла его, и он шел, как тот, кто видит, и шаги его были сильны и тверды, как у мужчины в расцвете сил. Он шел прямо в рощу, пока они не пришли в самое сердце леса, где под дуплистым грушевым деревом находился священный колодец. Рядом находилась огромная пропасть, уходящая глубоко в недра земли, и люди называли ее вратами Аида, царством мертвых. Здесь же поклонялись Ужасным богиням под новым, более мягким именем. Ибо после того, как они изгнали убийцу Ореста за его грех по всей земле, он наконец пришел в Афины, чтобы предстать перед богами и людьми. И милосердие умерило справедливость и освободило его от кровавой вины, а фурии отложили свой гнев и больше не преследовали его. Афинский народ воздвиг им святилища и святыни и поклонялся им как Эвменидам, добрым девам. И вот теперь снова странник должен был найти там отдохновение от своих грехов.

Когда они добрались до колодца, Эвменид сел на камень, подозвал к себе дочь и сказал,

"Антигона, дитя мое, твоя рука служила мне в изгнании и сгладила путь для ног странника. Пойди, принеси воды и вознеси возлияния и жертвы богам внизу. Это последнее, что ты можешь сделать для меня на земле".

И Антигона принесла воды из колодца, и одела его, и ухаживала за ним, и возносила возлияния богам. И когда она закончила, Œdipus привлек ее к себе, нежно поцеловал и сказал,

"Не горюй обо мне, дитя мое. Я знаю, что сердце твое будет болеть, ибо любовь облегчила бремя трудов. Но для меня день жизни окончен, и я иду на покой. Ищи братьев своих и будь с ними, как со мной. Дитя мое, дитя мое, труден путь, лежащий перед тобою, и душа моя тоскует по тебе из-за злого дня, который придет. Но смотри на свое чистое сердце, на котором боги поставили печать истины, не меняющейся с годами, и не слушай советов людей".

И он крепко прижал ее к себе, а она с рыданиями прижалась к его шее. Когда они сидели, на рощу опустилась тишина, соловьи умолкли, и из глубины рощи послышался голос, подобный раскатам далекого грома.

"Œdipus, Œdipus, почему ты медлишь?"

Услышав его, они испугались. Но Œdipus поднялся и мягко отстранил от себя дочь, сказав,

"Твердым, непоколебимым шагом он снова пошел по дороге, и Тесей последовал за ним".

"Вот голос Зевса, который зовет меня. Прощай, дитя мое; ты не можешь идти со мной дальше. Только Тесею суждено увидеть, как я умру, и мы с ним одни должны идти в лес".

Твердым, непоколебимым шагом он снова пошел по дороге, и Тесей последовал за ним. И что там произошло, никто не может сказать, ибо Тесей хранил эту тайну до самой смерти. Но люди говорят, что, когда он вышел из леса, лицо его было как у того, кто видел вещи, не поддающиеся смертной речи. Что же касается Эдипа, то великие братья-близнецы Сон и Смерть отнесли его кости в Афины, где люди воздвигли ему святилище и долгие годы почитали его как героя земли Аттики. И хотя грех, который он совершил в гневе и невежестве, был велик и ужасен, жизнь его принесла радость многим людям и процветание не одной земле. Мудростью и любовью он направлял свои дни, печалью и слезами стирал пятна своего греха, так что, несмотря на все его страдания, люди любят рассказывать о славе и мудрости Иудипа и о том, как он разгадал загадку Сфинкса.

Эрос и Психея

I

В голубых водах Эгейского моря, на полпути между Грецией и Египтом, лежит плодородная земля Крита. Здесь, давным-давно, когда боги еще ходили по земле в человеческом облике, а сыновья людей были детьми, играющими в прекрасном саду, правил царь, который был отцом трех прекрасных дочерей. Они жили во дворце на богатой Омфалийской равнине, под сенью снежной Иды, в окружении улыбающихся садов и плодоносящих виноградников, а вдали, на юге, виднелось сверкающее Средиземное море. Красота этих трех девиц была столь велика, что слава о них разнеслась по всей земле, и богатые женихи стекались издалека, чтобы добиться их руки в браке. Две старшие сестры вскоре стали невестами двух великих принцев и проводили дни под солнцем любви и восхищения своих мужей, украшая себя золотом и драгоценностями и слушая похвалы своей красоте из уст мужчин. Ибо боги наделили их изяществом форм и черт, но души их были тщеславны и глупы, так что в последующие годы, когда они нашли своих сестер более благословенными, чем они, их тщеславие и зависть привели их к дурному концу.

Младшая сестра, которую звали Психея, продолжала жить дома еще долго после того, как две другие вышли замуж. Лицом и формой она была так же прекрасна, как и они, а душа ее внутри была так чиста и прекрасна, что излучала небесное сияние, так что, когда мужчины смотрели ей в лицо, все мысли о любви и ухаживаниях исчезали из их сердец, и они

поклонялись ей как одной из Бессмертных. Где бы она ни проходила, голоса затихали, а головы склонялись в молитве, и в конце концов прошел слух, что сама Афродита, царица любви, пришла жить к людям. Храмы опустели, на алтарях не было жертв, а к Психее издалека стекались люди с дарами, гирляндами и хвалебными песнями.

Тогда рожденная из пены Афродита, царица любви, преисполнилась ревности и гнева из-за того, что смертный узурпировал ее место и имя, и стала искать способ отомстить.

"Воистину, я должна заставить эту критскую деву пожалеть о том дне, когда первые мужчины положили к ее ногам мои подношения. Я поражу ее таким страшным недугом, что ее красота станет презренной, а высоты, на которые вознесла ее нечестивая гордыня, окажутся ничтожными по сравнению с глубиной ее позора и страданий".

Тогда она послала за своим сыном, великим богом Эросом, который властвует над богами и людьми. Яд его огненных дротиков никто не может выдержать, и ему подвластно сжечь сердца людей жаром неудовлетворенного желания или так умерить яд его стрел, что он течет по венам, как небесный нектар. Однако радость, которую он дарит, сродни безумию, а муки его гнева - неугасимому бешенству.

"Возлюбленный сын, - сказала она, - если тебе безразличны имя и слава твоей матери, поспеши сейчас же исполнить мою просьбу. В центре Крита живет дева - Психея по имени, чья нечестивая гордыня опозорила мое божество. Подношения, принадлежащие мне по праву, брошены к ее ногам. Мои храмы лишены поклонников, которые стекаются, чтобы отдать ей дань; и все это не на одном только Крите, но и с самых дальних берегов Эллады люди пересекают море на белокрылых кораблях, чтобы взглянуть на ее лицо. Ступай же, молю тебя, и порази ее отравленной стрелой из твоего лука. Заставь ее полюбить какое-нибудь отвратительное чудовище, обезображенное душой и телом, и со страстью столь бесстыдной и всепоглощающей, что люди будут отвращаться от нее, как сейчас они спешат исполнить свои обеты. Так как ты любишь меня, иди со всей быстротой и исполни мою просьбу".

И Эрос отправился в путь, чтобы исполнить повеление Афродиты и поселить в сердце Психеи образ темного и страшного чудовища и заставить ее полюбить его. Когда она спала, он пришел и встал рядом с ней, вооружившись луком и отравленными стрелами. Но когда он взглянул на нее, рука его безжизненно упала на бок, а стрелы выскользнули из руки, ибо никогда еще он не смотрел на такую прекрасную; и ее красота поразила его сердце так же сильно, как когда-либо одно из его собственных древков пронзило грудь смертного. С того момента он полюбил ее всей душой и поклялся, что никогда не причинит ей зла, но женихом ее должен стать он сам и никто другой, будь то человек или чудовище. И он поднял стрелу и вложил ее обратно в ножны.

"Если она может мне доверять, - сказал он, - то никогда не почувствует раны от такой стрелы. Я унесу ее, и она будет моей; но пока боги не примирятся с тем, что я должен жениться на смертной, и гнев моей матери не утихнет, я должен навещать ее только ночью, и она не должна знать, кто я, и не должна видеть моего лица. Когда же боги испытают ее и признают достойной меня, тогда я откроюсь ей, и благодаря моей любви она станет бессмертной и будет вечно жить со мной в сияющих небесных чертогах".

И, наклонившись, он нежно поцеловал ее в губы. Она улыбнулась во сне и протянула к нему руки, и он понял, что его поцелуй зажег в ее сердце свет любви.

Тем временем Афродита, успокоившись, шла по усыпанному ракушками изгибу песчаного залива, и смеющаяся рябь играла музыку у ее ног. Солнце медленно опускалось на свое ложе в потоке Океана, а Ночь ехала в своем полумесяце по спокойному зеленому своду небес. От ног Афродиты широкая золотая дорожка света вела прямо в закатные царства Гелиоса, бога Солнца, и пока она ждала на берегу, навстречу ей по морю проплыла группа дельфинов. За ними следовали тритоны, дующие на мягкоголосые конхи, а кто-то притащил за спиной жемчужную раковину, подтолкнул ее к берегу и велел войти.

"Великий Гелиос приглашает тебя на свое полуночное веселье, о царица любви, - кричали они, - а мы пришли провести тебя по золотому пути к сияющим дворцам Закатной страны".

Когда богиня ступила в раковину, они громко затрубили в свои конки, распустили над ее головой шелковый парус и с музыкой и смехом пересекли сияющее море к золотым залам Гелиоса.

II

Тем временем Психея, совершенно не сознавая, какой гнев она вызвала в груди Афродиты, тосковала дома в одиночестве сердца. Ее мало заботило поклонение мужчин и подношения, которые они клали к ее ногам. Она жаждала любви мужа, и ее душа изнывала от голода в окружении богатых даров и восторженных, обожающих взглядов поклонников. Ее тоска охватила царя-отца и весь дворец, а прорицатели и авгуры толпились у дверей со знамениями, чарами и загадочными словами и пророчили всякое зло.

Наконец царь не выдержал, отправился в паломничество к святилищу Аполлона в Дельфах и обратился к оракулу с вопросом.

"Постановили ли боги, чтобы Психея, моя дочь, умерла незамужней, хотя и была самой прекрасной девой на земле, или же ее ожидает жених, который долго медлит? О бог Света, открой его имя и спаси мое дитя от смерти".

Тут треножник задрожал, и из среды благовоний и испарений жрица ответила,

"Не думай о брачных песнях, о царь, и о свадебных факелах. На одинокой скале на заснеженной Иде ты должен оставить свое дитя, невесту ни одного смертного. Но придет дикое чудовище, ужас богов и людей, и унесет ее в свои земли, и глаза твои больше не увидят ее. Приготовьте же погребальный пир. Наденьте траурные одежды из соболя и попросите менестрелей спеть траур по умершей. Ибо так было угодно богам".

И пошел король печальный домой, и тяжело было у него на сердце. И весь народ скорбел вместе с ним, ибо любил прекрасную принцессу с ее прекрасным печальным лицом и добрым и благородным сердцем. О чудовище, за которое она должна выйти замуж, ходили самые разные легенды: одни говорили одно, другие - другое. Но большинство людей считало, что это должен быть Талус, великан, охранявший Крит. Трижды в день он обходил остров, и горе тому, кто попадался ему на пути или пытался высадиться, когда он был рядом. Ибо от макушки до пят он был сделан из раскаленного металла - золота, серебра, бронзы и железа, а через все его тело проходила одна-единственная жила, наполненная огнем и скрепленная в голове гвоздем. Если кто-нибудь пытался помешать ему, он брал его в свои огромные бронзовые руки и прижимал к своей груди, раскаленной огнем в жиле, а когда тот прожаривался насквозь, пожирал его. Много долгих лет спустя, когда Ясон проплывал мимо с героями Золотого руна, Талус бросился вниз и не дал бы им полить корабль водой, и они бы дрейфовали по соленому морю, чтобы их замучила жажда. Но Медея, темная жена-колдунья Ясона, соблазнила его честными обещаниями и заставила его остудить свое горящее тело в

море, прежде чем она приблизится к нему. А когда она околдовала его, то тихонько выдернула гвоздь из его головы, и огонь вытек из его жилы, и все его силы покинули его, и он умер с проклятием на устах за Медею и ее коварство. Но она лишь громко рассмеялась и велела Ясону поливать корабль водой и благодарить бессмертных богов за то, что у него в женах оказалась женщина-колдунья. Однако это было уже давно, а Талус был в расцвете сил и наводил ужас на всю округу.

Тем временем страна погрузилась в траур, а во дворце царили суэта и неразбериха, готовясь к похоронным обрядам. Целыми днями старый король сидел в своих покоях и смотрел на одинокие высоты Иды, где должна была остаться его дочь.

"Лучше пусть она умрет в девичестве, - воскликнул он, - чем выйдет замуж за это ужасное чудовище".

Психея одна во всем дворце была спокойна и пыталась утешить отца.

"Сир, - сказала она, обнимая его за шею, - смотреть на твои слезы для меня горьче, чем моя судьба. Не плачьте обо мне, ибо что-то внутри меня велит мне утешиться, и я слышу сладкий голос, говорящий: "Радуйся, возлюбленная, и пойдем со мной". Темным был тот день, отец мой, когда первые люди положили свои подношения к моим ногам, и сердце мое пребывало в одиночестве. И теперь, если только на один день я смогу взглянуть на лицо моего жениха, я с радостью умру. Ибо, как мне кажется, я должна выйти замуж не за чудовище".

Но король думал только о словах оракула и не желал утешаться.

Наконец наступил день свадьбы, и печальная процессия медленно двинулась из дворца в сторону Иды. Хоры певцов возглавляли торжественные песнопения по умершим, а за ними следовал некоронованный царь со своими вельможами, облаченными в доспехи и держащими в руках пылающие факелы. Следом шла Психея, вся в белом, в свадебной фате и гирляндах, окруженная белоснежными девами; и последними шли жители города с громкими стенаниями и причитаниями. Они поднимались по крутой горной дороге, и путь их становился шаг за шагом все более неровным и узким. По обеим сторонам темные скалы нависали над ними, то и дело отражая причитания людей, а над ними на фоне летнего неба возвышалась заснеженная вершина Иды, словно одинокий дозорный, стерегущий равнину внизу. Постепенно тени от скал удлинялись на бесплодных склонах, и погребальные факелы бледнели в лучах закатного солнца. Наконец они добрались до назначенного места под нарастающим снегом, усадили деву на бесплодный камень и скорбно попрощались с ней. Каждый раз, спускаясь по горной тропе, они оборачивались, чтобы взглянуть на нее, и всегда она махала им на прощание. Наконец тени легли на все склоны горы, и только покрытая снегом вершина сверкнула в последних лучах солнца, как рубин, и, оглянувшись в последний раз, они увидели, как Психея преобразилась в золотом свете. Ее белое платье переливалось, как радуга, а золотые волосы рассыпались по плечам, словно огненный поток, и когда она подняла руку, чтобы помахать им, то выглядела не смертной девой, а богиней во всей ее красоте, так что люди затихли и склонили перед ней головы. Вскоре свет померк, и они перестали ее видеть. С грустью они пошли своей дорогой, а все ниже и ниже по горной тропе и равнине факелы сияли, как бледные мерцающие звезды во тьме.

А Психея, оставшись одна, грустно размышляла о своей судьбе и гадала, что принесет ей ночь. И пока она сидела и размышляла, подул легкий ветерок, наполнив ее вуалью и одеянием, и она почувствовала, как ее поднимают со скалы и несут по воздуху, пока она не опустилась на травянистый берег, благоухающий ароматом тимьяна и фиалок. Здесь на нее опустился глубокий сон, и она больше ничего не знала.

Когда Психея проснулась, уже наступил рассвет, и в ярком воздухе жаворонки пели свой утренний гимн солнцу, призывая птиц, зверей и цветы проснуться и радоваться дневному свету. Сначала она ничего не помнила о случившемся и недоумевала, где находится; потом постепенно в памяти всплыла вся печальная церемония прошедшего дня - похоронная процессия на горе Ида, одинокий камень, на котором она была оставлена, и мягкий западный ветер, уносивший ее прочь. Она поднялась с зеленого берега, на котором проспала всю ночь, и огляделась вокруг, чтобы понять, в какой местности находится.

Оказалось, что она стоит на холме посреди плодородной равнины. Со всех сторон возвышались крутые скалы, словно охраняя мирную долину и не давая проникнуть в нее всякой нечисти. Лишь на востоке в горной цепи был разрыв, и долина расширялась к морю. Пока Психея смотрела, золотой диск солнца медленно поднимался из воды, и его яркие лучи освещали серое утреннее небо и рассеивали серебристый туман, висевший на верхушках деревьев. По обе стороны от нее был лес, а между ними зеленая поляна, уходящая вверх к мраморному храму, который сверкал в лучах восходящего солнца, как драгоценный камень. Психея была поражена этим зрелищем, ибо оно казалось слишком прекрасным, чтобы быть делом рук человеческих.

"Конечно, - подумала она, - это, должно быть, дело рук хромого бога огня Гефеста, ибо он строит для бессмертных богов, восседающих на высоком Олимпе, и никто не может соперничать с ним в мастерстве и искусстве".

Затем она огляделась, нет ли кого поблизости. Но вокруг было тихо и спокойно, никаких признаков человеческого жилья. Задумавшись еще больше, она приблизилась к храму и поднялась по мраморной лестнице, ведущей ко входу. Когда она поднялась наверх, ее тень упала на золотые ворота, и пока она стояла, сомневаясь, что делать, они медленно повернулись на своих петлях, открылись перед ней сами собой, и она вошла через них в храм. Она оказалась в мраморном дворе, окруженном колоннами и портиками, из которых доносилась тихая музыка фонтана, расположенного посередине. Через открытые двери дальней колоннады она увидела прохладные темные комнаты, украшенные резьбой из кедрового дерева, серебром и шелковыми занавесками. И вот уже воздух наполнился музыкой и сладкими голосами, зовущими ее по имени.

"Психея, госпожа Психея, все принадлежит тебе. Входи".

И она, набравшись смелости, вошла. Весь день она бродила по заколдованному дворцу, открывая для себя новые чудеса на каждом шагу. Таинственные голоса, казалось, угадывали каждое желание ее сердца. Когда она хотела отдохнуть, они усаживали ее на мягкую кушетку. Когда она проголодалась, перед ней поставили стол, уставленный всевозможными лакомствами. Они вели ее в ванну, одевали в мягчайшие шелка, и все это время воздух был наполнен песнями и музыкой.

Все это время она не произносила ни слова, так как боялась прогнать добрые голоса, которые ухаживали за ней. Но наконец она не смогла больше молчать.

"Богиня ли я, - спросила она, - или это значит быть мертвой? Неужели те, кто проходит через врата Смерти, не чувствуют изменений, не страдают за содеянное, а лишь желают чего-то, чтобы получить желаемое сердцем?"

Голоса не дали ей ни слова в ответ, но привели в покои, где ее кушетка была устлана вышитыми покрывалами. Стены по всему периметру были покрыты диковинными картинами,

повествующими о деяниях богов и героев: золотая Афродита любила бога войны Ареса, а Аполлон - нимфу Дафну, которую он превратил в лавровое дерево, никогда не увядающее. Там же, на острове, жила Ариадна, которую нашел и утешил в горе юный бог Дионис, и Адонис, прекрасный пастух, прекраснейший из смертных мужчин.

Психея, утомленная всеми чудесами, которые она видела в течение дня, опустилась на свое ложе и вскоре уснула. Но не успел сон сомкнуть ее веки, как ее разбудило какое-то движение в комнате. Занавеска над головой зашелестела, как будто кто-то стоял рядом с ней. Она лежала неподвижно, почти теряя сознание от ужаса и не смея дышать, когда услышала голос, мягко позвавший ее по имени.

"Психея, моя родная, моя любимая, наконец-то я получил тебя, моя дорогая".

Две сильные руки обхватили ее, а на губах застыл поцелуй. Тогда она поняла, что наконец-то жених, которого она так долго ждала, пришел за ней, и в своем счастье ей было все равно, кто он, главное - чувствовать его объятия и слышать ее имя на своих губах. И вот она снова заснула. Проснувшись утром, она первым делом взглянула на лицо мужа, пришедшего темной ночью, но нигде его не обнаружила. Весь день она провела в обществе таинственных голосов, которые прежде прислуживали ей; но, хотя их доброта и любезность не ослабевали, она в тоске бродила по пустым залам, тоскуя по ночному времени и гадая, придет ли ее возлюбленный снова. Как только стемнеет, она снова отправлялась в свои покои, и там он снова приходил к ней и клялся, что она его навеки и ничто не должно их разлучить. Но всегда он уходил от нее до рассвета и приходил снова с наступлением ночи, так что она никогда не видела его лица и не знала, каков он на самом деле. Но она так любила и доверяла ему, что не решалась спросить его о его тайне. Так быстро пролетали дни и ночи, ведь днем Психея находила множество развлечений в заколдованном дворце и саду и не думала об одиночестве, когда каждую ночь могла вести сладкие беседы со своим возлюбленным.

Но однажды вечером, когда он пришел к ней, он был встревожен и сказал,

"Психея, дорогая моя, великая опасность грозит нам, и я должен спросить тебя о том, что огорчит твое нежное сердце".

"Господин мой, - сказала она, - что я могу сделать для тебя?"

"Я знаю, возлюбленная, что ты отдашь за меня свою жизнь. Но то, о чем я попрошу, сильно огорчит тебя, ибо ты должна отказаться от блага, о котором попросят тебя твои сестры".

"Сестры мои! Они не знают, где я. Как же они могут просить меня о милости?"

"Даже сейчас они стоят на одинокой скале, где ты была оставлена для меня, чтобы посмотреть, смогут ли они найти тебя или узнать что-нибудь о твоей судьбе. И они будут звать тебя по имени сквозь эхо скал, но ты не должен отвечать им ни слова".

"Что, господин мой! Неужели ты хочешь, чтобы мои сестры вернулись домой в унынии, думая, что я умерла? Нет, конечно, вы не будете так жестоки сердцем? Но позвольте мне попросить мягкий западный ветер, который принес меня сюда, принести и их, чтобы они могли посмотреть на мое счастье и передать весть моему престарелому сиру".

"Психея, ты не знаешь, о чем просишь. Глупые сердцем твои сестры, они любят атрибуты и внешние проявления горя, и своими скорбями они терзают больное сердце отца, пока он не может больше терпеть. Вот он и послал их узнать, не могут ли они услышать что-нибудь о

твоей судьбе. И, переполненные горем собственных сердец, они ищут тебя на склоне горы, думая найти твои кости, белеющие под лучами солнца. Если бы они увидели счастье твое, то сердца их наполнились бы завистью и злобой. Они стали бы злословить обо мне, насмехаться над твоим неведомым владыкой и предлагать тебе взглянуть на мое лицо и убедиться, не являюсь ли я каким-нибудь ужасным чудовищем. А Психея, жена моя, ночь, когда ты увидишь мое лицо, разлучит нас навеки, и первый твой взгляд будет последним. Поэтому не отвечай им, молю тебя, но оставайся со мной и будь моей невестой".

И смутилась Психея от этих слов, ибо считала, что муж обидел ее сестер. Тем не менее, не желая его огорчать, она сказала,

"Я исполню волю твою, господин мой, как ты скажешь".

Но весь день она думала о своих сестрах, бродящих по мрачному склону горы, о том, как они будут звать ее по имени и в конце концов печально пойдут домой к отцу и не принесут утешения. Чем больше она думала об этом, тем грустнее ей становилось, и когда муж пришел к ней, лицо ее было мокрым от слез. Напрасно он пытался утешить ее. Она только еще больше разрыдалась.

"Вся моя радость превращается в горечь, - говорила она, - когда я думаю о горе, которое сжимает сердце моего отца. Если бы хоть на один день я могла привезти сюда своих сестер и показать им свое счастье, они бы сообщили ему эту новость, и в моей радости он тоже был бы счастлив. Пусть они только приедут и посмотрят на этот мой прекрасный дом, и, конечно, он не причинит вреда ни мне, ни вам, мой дорогой господин?"

"У меня не хватит духу отказать тебе, Психея, - сказал он, - хотя это и противоречит моим намерениям. Я боюсь, что придет зло. Если они спросят тебя обо мне, не отвечай им".

Психея обрадовалась его согласию, поблагодарила его, обняла его за шею и сказала,

"Дорогой мой господин, все, что ты скажешь, я сделаю. Ведь если бы ты был Эросом, самым богом Любви, я не могла бы любить тебя сильнее".

IV

На следующий день, когда Психея осталась одна, она вышла в долину, чтобы посмотреть, не слышит ли она, как сестры зовут ее. И, конечно, не успела она уйти далеко, как высоко над головой, с вершины скалы, услышала свое имя: "Психея, о Психея! Где ты?" Она была вне себя от радости,

"О нежный Зефир!" - позвала она, - "О прекрасный западный ветер! Принеси, о, принеси моих сестер ко мне!"

Едва она произнесла эти слова, как увидела, что ее сестер бережно спустили со скалы и усадили на землю рядом с ней. Она прильнула к их шеям и поцеловала их.

"Ах, мои дорогие сестры, - воскликнула она, - как я счастлива видеть вас! Добро пожаловать в мой новый дом. Видите, меня не мучают, как вы думали. Нет, моя жизнь - это блаженство, как вы сами увидите. Идемте, войдите со мной".

И, взяв их за руки, она провела их через золотые ворота. Голоса служителей зазвучали в воздухе нежной музыкой, и перед ними развернулся богатый пир. Психея провела их по

всему дворцу, показала им все свои сокровища, принесла самые лучшие драгоценности и велела им выбрать и оставить себе столько, сколько они пожелают.

Все это время, хотя не было ни одного уголка дворца, который бы она скрывала от них, она ни словом не обмолвилась о своем таинственном муже. В конце концов они перестали сдерживать свое любопытство, и один из них осмелился спросить ее,

"Психея, ты живешь здесь не одна, это точно. Но где же твой господин? Все свои сокровища ты показала нам, но его, дарителя всего, мы не видели. Кто же он? Конечно, тот, кому повинуются ветры и бестелесные голоса, должен быть богом, а не смертным человеком. Расскажи нам о нем, молим тебя".

И Психея вспомнила предупреждение своего мужа.

"Мой господин, - сказала она, - отважный охотник, и по холмам и долам скачет он нынче за быстроногим оленем. Он прекрасен, как заря, и первый пух юности лежит на его щеках. Все солнечные часы он отправляется в погоню, а в назначенное время возвращается ко мне".

Уже близилась ночь, и тени долго падали на прохладные зеленые лужайки сада. Психея подумала, что сестрам пора уходить, пока они не успели засыпать ее вопросами. Поэтому, поцеловав их на прощание и передав множество любовных посланий королю-отцу, она призвала Зефира, чтобы он унес их на вершину скалы.

До сих пор удивление и изумление от всего увиденного и услышанного переполняли умы двух сестер. Но когда они вновь оказались одни на бесплодных горных склонах, у них появился досуг подумать и сравнить свою судьбу с судьбой сестры. До того как они увидели ее золотые залы, они были вполне довольны своими собственными дворцами. Но теперь они казались скромными по сравнению с тем великолепием, которое они только что покинули. Их неглубокие сердца были заполнены образом самих себя, и в них не оставалось места для сестры. Но теперь ее удача заставила их вспомнить о ней, и они прониклись к ней завистью и ревностью, которые победили даже их любовь к самим себе. Они не могли успокоиться тем, что снова вернулись в свои дома, и принимали почести от своих мужей и домочадцев. Они думали только о том, как испортить ее счастье. Ведь ненависть, порожденная самолюбием, - это всепоглощающая страсть, сжигающая все добрые и благородные помыслы, как лесной пожар сжигает высокие деревья, стоящие на пути его ярости.

"Как жестоко и несправедливо, - восклицал один из них, - что она, младшая, должна быть благословлена гораздо выше нас обоих. Мой господин - нищий по сравнению с тем, кто дарит Психее ее золотые залы для обитания".

"Да, а мой - старик рядом с этим безбородым юношей. Сестра, твое горе и мое - одно. Будем работать бок о бок, и, поистине, хитрость ее будет велика, если она сумеет выстоять против нас и сохранить свое незаконно нажитое богатство".

"Ты хорошо говоришь. Из гордости она приняла нас в свои залы, чтобы похвастаться перед нами своими богатствами. Сестра, я с тобой. Давай же поскорее придумаем какой-нибудь план, как лишить эту неотесанную девицу ее хваленного божества".

Тогда они договорились вместе не сообщать отцу о счастье Психеи. Они разорвали свои одежды и распустили волосы, как будто все это время бродили по суровым горным скалам.

"Ах, сир, - вскричали они, - как мы можем сообщить вам дурную весть? Мы нигде не можем найти нашу сестру, ни малейшего ее следа. Истинно, оракул не лжет, и она - невеста какого-то падшего чудовища".

Эти жестокие слова поразили отца в самое сердце и погасили ту слабую искру надежды, которая еще теплилась в его груди. А когда надежда покидает сердце человека, жизнь покидает и его. Так умер старый король, а его кровь оказалась на руках его собственных детей, и однажды они поплатились за это своей жизнью.

А Психея тем временем продолжала жить в счастливой долине в блаженном довольстве. Муж часто предупреждал ее, что сестры замышляют ее гибель, но она ничего не слушала против них. Наконец однажды ночью он сказал,

"Психея, завтра твои сестры снова будут искать тебя. На этот раз они не будут ждать, пока Зефир спустит их вниз, а, доверившись бесплодному воздуху, бросятся с обрыва и разобьются вдребезги о скалы внизу. Оставьте их на произвол судьбы. Это будет должное наказание за их преступление, и только так мы можем спастись, возлюбленные".

"Мой господин, - вскричала Психея, - твоя жестокость убила бы мою любовь к тебе, если бы она не была бессмертной. Но, по правде говоря, вся моя радость была бы убита, узнай я, что мои сестры погибли, когда я могла бы их спасти. О, дражайший супруг, любовью, которая делает нас единым целым, умоляю тебя, пошли Зефира еще раз, чтобы он доставил моих сестер сюда".

И она так жалобно рыдала и так истово молила, что у него снова не хватило духу отказать.

И вот около полудня следующего дня Психея услышала громкий стук и плач в дверь и поспешила открыть ее своим сестрам. Снова поцеловала она их и поприветствовала, а они обманули ее лестью и медовыми словами, и когда она отшатнулась, одна сказала,

"Скажи нам, Психея, имя мужа твоего. Где среди бессмертных богов он занимает свое место и почему его нет здесь, чтобы приветствовать нас?"

"Мой муж, - ответила она, - богатый купец. Много долгих лет ушло на то, чтобы сколотить все то состояние, которое ты видишь, ибо уже сейчас волосы на его висках припорошены снегом. А сегодня он отправился в дальний город в поисках богатого товара и вернется только к заходу солнца".

Затем она быстро позвала Зефира, чтобы тот унес их прочь, пока они не успели засыпать ее вопросами.

Когда в ту ночь пришел ее муж, он был еще более встревожен, чем прежде, и умолял ее больше не видеться с ними, а если они еще раз побеспокоят ее, пусть разбиваются насмерть о скалы. Однако ее чистое сердце не желало верить им ни в какое зло, и в этом она ослушалась своего господина.

V

Между тем второй визит сестер к Психее в ее прекрасный дом лишь подлил масла в огонь их зависти. Когда они вспомнили о ее смятении и разных историях, которые она рассказывала им о своем неизвестном повелителе, ревность шепнула им, что все ее счастье зависит от сохранения ее тайны, и они тут же решили узнать эту тайну.

"Странный это господин, - сказала одна из них, - который в течение одной луны превращается из безбородого мальчика в серьезного и благоговейного купца, чьи волосы припорошены снегом".

"Верно, сестра. И в этом кроется секрет ее счастья. Ее лживая история лишь доказывает, что она никогда не видела своего господина. И поистине, тот, кто скроет свое лицо от королевы своего сердца, должен быть дитя Бессмертных, чья любовь к земнородной деве должна быть скрыта от богов и людей".

"Да, и те, кого любят Бессмертные, сами тоже бессмертны, и их потомство после них. Воистину, сестра, то, что Психея должна стать богиней, выше моих сил".

"Я сочувствую тебе! Не должно быть так, чтобы младшая получила все. Давай придумаем какую-нибудь лживую сказку, которая заставит ее взглянуть на своего господина и разрушит чары, связывающие его с ней".

"Что ты скажешь о словах оракула, который обрек ее на брак с чудовищем? Пойдем к ней и скажем, что теперь мы знаем, что это правда, и умоляем ее бежать от столь мерзкой судьбы".

Так они снова доверились Зефиру, ибо Психея уговорила своего повелителя пообещать, что, пока сестры не причинят ей вреда, Зефир всегда будет ждать, чтобы перенести их от нее к себе и обратно.

На следующий день рано утром ее разбудил от сна плач и причитания у дверей дома, и она поспешила навстречу сестрам, опасаясь дурных вестей. И они упали ей на шею, восклицая,

"Увы, увы, злая судьба твоя!"

"Злая судьба моя, сестры? Что вы имеете в виду? Все хорошо со мной".

"Ах, так ты думаешь в невинности своего сердца. Так и голубь падает жертвой ястреба, который парит над ним".

"Что это за разговоры о голубях и ястребах? Пойдемте, сестры мои, не плачьте больше, ибо в этой приятной долине даже небесные ветры дышат на меня ласково, так добр и велик мой господин, повелевающий ими".

"Твой господин! Видела ли ты когда-нибудь его лицо, дитя, чтобы называть его добрым и великим?"

"Нет, - отвечала она, краснея от мысли, что они разгадали ее тайну, - правда, я не видела его лица, но что за нужда смотреть на него, когда все вокруг дышит его любовью ко мне?"

"Вы никогда не слышали о чудовищах, которые вступают в брак с дочерьми мужчин и приходят к ним только в ночное время, когда темнота может скрыть их уродство? Они накладывают чары на свои жертвы и своими хитростями и чарами заставляют все вокруг казаться прекрасным. Но однажды, когда они наедятся досыта и устанут от завоеванной ими девы, вот! По одному их слову приятные дворцы и сады исчезают в воздухе, и она остается в стыде и запустении, презираемая богами и людьми. Ах, сестра, будь предупреждена теми, кто желает тебе добра, и беги от своей гнусной участи, пока все не потеряно. Еще вчера, когда мы покидали тебя, мы увидели чудовищную фигуру, которая скользила за нами по лесу,

и мы в ужасе бежали, зная, что это твой господин, который не хотел, чтобы мы приближались к тебе. Пойдем же теперь с нами и спасемся".

Когда Психея услышала их слова, она очень встревожилась. Воистину, странно, что ее повелитель не желает, чтобы она видела своих сестер, если, конечно, все было не так, как они говорили, и она не стала жертвой какого-нибудь страшного зверя. Однако его добрые и любящие слова, его нежная забота о ее благополучии и всей той красоте, которая ее окружала, опровергали подобные мысли.

"Мои дорогие сестры, - воскликнула она, - я благодарю вас за ваши любящие опасения за меня, но это не может быть так, как вы говорите. Хотя я никогда не видела своего господина, эти прекрасные залы и сады отражают красоту его души, и я знаю, что он истинный".

"Тогда почему он скрывает свое лицо? По крайней мере, если ты не хочешь бежать с нами сейчас, испытай его, когда он придет этой ночью. Один взгляд на его облик скажет тебе, что наша история правдива; а если по какой-то странной случайности это не так, то какой вред может принести один взгляд?"

Так они искушали ее и заставляли сомневаться в своем господине, хотя и против ее воли. Так часто случается, что чистые сердцем люди мучаются от сомнений, которые нечестивцы зарождают в их груди. Так же мало птенец в зеленом лесу подозревает о ловушке охотника, как и Психея в своей любящей невинности подозревала злую зависть своих сестер.

Но они были полны радости от успеха своего замысла, и когда Зефир доставил их на вершину скалы, они не могли больше сдерживать свою радость и, упав друг другу на шею, целовались и танцевали от ликования.

Но Психея по их приказу приготовилась в эту ночь взглянуть на своего господина. Под стулом она поставила наготове зажженную лампу и накрыла ее, чтобы свет не проникал в комнату и не выдал ее замысла. С трепетом легла она в ту ночь в постель, ибо ненавидела поступок, который ей предстояло совершить. В обычный час пришел ее господин, с любовью говорил с ней и целовал ее, но слова замирали на ее губах, и она вздрагивала от его объятий. Со временем он уснул, и дыхание его было мягким и ровным, как у ребенка, видящего сладкий сон в невинности сердца. Тогда она бесшумно поднялась в полутьме ночи и, тихонько подойдя к креслу, взяла лампу с сайта и на цыпочках подошла к кровати. Высоко над головой она держала светильник, чтобы лучи мягче падали на спящего, и, затаив дыхание, приблизилась и посмотрела на него. Кровь бросилась в жилы, сердце учащенно забилося, а конечности словно превратились в воду, когда она наклонилась вперед, чтобы присмотреться. На кровати, погруженный в глубокий сон, лежал не ужасный монстр, как она боялась, а самый юный и прекрасный из Бессмертных - Эрос, великий бог Любви. Его золотые локоны сияли, как солнечный свет на летнем море, а конечности были подобны волнующейся пене. С его плеч спускались два могучих крыла, ярких, как радуга, а рядом лежали его колчан и дротики. Когда он беспокойно двигался в свете лампы, она услышала на его губах свое имя. С тихим криком она упала на колени рядом с ним, и в этот момент ее рука задела острие стрелы, неосторожно вложенной в ножны. Яд, словно жидкий огонь, пробежал по ее венам, зажег сердце, и она с пылающими щеками наклонилась и поцеловала его в губы. В этот момент лампа задрожала в ее руке, и капля горящего масла упала ему на плечо; он приподнялся и увидел, что она склонилась над ним.

"Ах, несчастная, несчастная Психея!" - вскричал он; "Что ты наделала? Неужели ты не могла довериться мне, подарившему тебе все счастье, которое ты когда-либо знала?"

"Мой господин, мой господин, простите меня! Я хотела доказать своим сестрам, что ты не чудовище, которого они боялись".

"Трижды глупая дева! Разве ты не знаешь, что сомнение изгоняет любовь? Разве я не говорил тебе, что твой первый взгляд станет последним? От страшной участи я спас тебя, когда Афродита велела мне поразить тебя своим древком и заставить полюбить какого-то ужасного зверя. Когда я отправился исполнять ее повеление, твоя грация и красота покорили меня, и я забрал тебя в невесты; и со временем, если бы ты оказалась достойной, моя мать и все великие боги, правящие наверху, простили бы меня и одарили бы тебя даром бессмертия, чтобы ты вечно жила со мной в небесных чертогах. Но теперь все потеряно, и я должен покинуть тебя".

"На ложе, окутанная дремотой, лежала самая юная и прекрасная из Бессмертных".

"Ах, мой господин, велик мой грех, но я люблю тебя, и душа моя принадлежит тебе. Хоть по всему свету я буду скитаться или стану рабом самого низкого из людей, лишь бы снова найти тебя. Ах, дражайший господин! Не говорите мне, что вся надежда потеряна".

Мгновение он молчал, словно сомневаясь в ее словах. Затем он ответил,

"Один путь лежит перед тобой, если твое мужество окажется сильнее твоей веры, единственный путь, по которому ты сможешь добраться до меня, - долгий неровный путь испытаний и печали. Небо и земля ополчатся против тебя, ибо не за один вздох люди

обретают бессмертие. И все же я помогу тебе, чем смогу. В одиночку ты потеряешь силы и умрешь на этом пути, но за каждый твой шаг я дам тебе силы на два. А теперь прощай! Я больше ничего не могу сказать тебе и не могу оставаться рядом с тобой. Прощай, прощай".

Когда он скрылся из глаз, Психея без чувств упала на пол и долгий час лежала, ничего не слыша и не видя, словно сама жизнь ушла из нее.

VI

Тем временем обе сестры с нетерпением ждали, увенчался ли успех их коварного замысла. Если бы сомнения, посеянные ими в груди Психеи, принесли плоды, и она осмелилась бы послушаться своего повелителя, они прекрасно понимали, что все ее счастье исчезло бы, как сон. Но, опасаясь гнева того, кому повинуются небесные ветры, они не осмелились довериться Зефиру, который и раньше уносил их вниз. Поэтому они беспокойно бродили из комнаты в комнату и заглядывали в окна, надеясь, что Психея в своих страданиях придет к ним и попросит помощи в своей злой судьбе. Не было ничего лучше, чем отшвырнуть ее от своих дверей и насмеяться над возмездием, постигшим ее тщеславие. Но весь день они ждали, а она все не приходила, так что в конце концов они разошлись и легли каждый в свою постель.

Ночь была жаркой и знойной, и старшая сестра лежала на постели, беспокойно ворочаясь с боку на бок, и не могла заснуть. В конце концов она подошла к створке, откинула занавеску и посмотрела на звездную ночь, а когда остудила разгоряченное чело, вернулась на свою кушетку. Как раз в тот момент, когда она собиралась заснуть, между ней и светом из окна прошла тень, она открыла глаза, и сердце ее учащенно забило: прямо на пути лунных лучей стоял Эрос, великий бог Любви, и его крылья чернели на фоне звездного неба, когда он опирался на свой золотой лук. Хотя лицо его было темным в тени, глаза его, казалось, пронзали ее сердце, когда она лежала неподвижно и дрожала от страха. Но он мягко заговорил с ней, произнося фальшивые, медовые слова.

"Госпожа, сестра твоя Психея, которую я выбрал из дочерей человеческих, оказалась лживой и неверной, и вот теперь я обращаю свою любовь к тебе. Приди вместо нее и стань хозяйкой в залах моего дворца, и я подарю тебе бессмертие. Даже сейчас Зефир ждет тебя на вершине горы, чтобы унести тебя в мой дом".

Сказав так, он скрылся из виду. Злое сердце ее преисполнилось радости, когда она узнала о падении Психеи, и, встав в темноте ночи, она надела свое самое красивое одеяние и самые яркие драгоценные камни. Не взглянув на принца, своего мужа, она отправилась на вершину горы. Там она осталась одна и тихонько позвала Зефира,

"О Зефир, о Зефир, о прекрасный западный ветер, унеси меня, о унеси меня к моей любви!"

Не дожидаясь ответа, она смело бросилась вниз. Но воздух под ней расступился, и с ужасным криком она падала все быстрее и быстрее, вниз, вниз, в пропасть внизу, и разбилась вдребезги о камни; и с четырех сторон неба собрались стервятники и питались ее плотью.

Что же касается второй сестры, то и ей явился бог и произнес фальшивые медовые слова, и она тоже отправилась в путь одна; а утром ее кости лежали на камнях внизу, сверкая белизной рядом с костями ее сестры.

VII

Когда Психея очнулась от обморока, она в недоумении огляделась вокруг, ибо картина, представшая ее глазам, была той же самой, но такой разной. Лесные деревья нежно махали руками и шептались друг с другом в лучах утреннего света, а в живых изгородах птицы пели радостные песни, ибо небо было голубым, трава зеленой, а над землей царило лето. Но Психея сидела с тоскливой печалью в сердце, чувствуя над собой тусклую тень полузабытого горя, которое встречает тех, кто пробуждается ото сна. Сначала она удивилась, где находится, ведь ее одежда была мокрой от росы, и, оглядевшись вокруг, увидела зеленую поляну в лесу, но никакого сияющего дворца на вершине. И тут, как вспышка, вспомнилась ей эта ночь, и как своими сомнениями она лишилась всего своего счастья, и она легла на землю, рыдая и молясь, чтобы умереть. Но вскоре, устав от рыданий, она успокоилась и вспомнила слова своего господина о том, что сможет найти его только после долгих скитаний и испытаний. И хотя колени у нее подкашивались, а сердце замирало при мысли о том, что ей придется одной отправиться в жестокий мир, она решила немедленно приступить к поискам. Она шла через темный лес, солнце прятало свое лицо за верхушками сосен, и огромные дубы бросали тени на ее путь в странных фантастических формах, словно дикие руки, протянутые, чтобы схватить ее, когда она проходила мимо. С торопливыми шагами и бьющимся сердцем она продолжала свой путь, пока не вышла на мрачный склон горы, где камни резали ее нежные ноги, а заросли нещадно рвали ее. Но она все дальше и дальше пробиралась по каменистой дороге, пока тропинка не стала мягкой и не спустилась полого к равнине. Здесь через зеленые поля и улыбающиеся пастбища река медленно текла к морю, а за дальним берегом виднелись дымки домов, поднимавшиеся в синее вечернее небо. Она ускорила шаг, потому что тени от деревьев уже падали на поля, и трава золотилась в свете угасающего дня. А между ней и ночлегом было еще много широких лугов и серебряных ручьев, которые нужно было пересечь. Приблизившись, она огляделась в поисках брода, но, не увидев его, собрала все свое мужество и, вознеся молитву богам, шагнула в воду. Но она была слаба и измождена постом, и с каждым шагом вода становилась все глубже и холоднее, а ее силы все слабее, и в конце концов ее снесло с ног и унесло стремительным течением. В агонии она воскликнула,

"О бог Любви, смилуйся и спаси меня, пока я не умерла, чтобы я могла прийти к тебе!"

В тот момент, когда она уже готова была утонуть, ее схватила сильная рука и вытащила на противоположный берег. Некоторое время она лежала в обмороке, задыхаясь; но когда к ней вернулись силы, она услышала рядом с собой тихие ноты музыки и открыла глаза, чтобы посмотреть, откуда доносятся эти сладкие звуки. Она обнаружила, что лежит под ивой, к которой прислонился странный музыкант. Его голова, плечи и руки принадлежали человеку, но ноги и ступни были тонкими и копытными, а рога и хвост - как у козла. Уши у него были заостренные, нос - широкий и плоский, а волосы неухоженно спадали на лицо. Вокруг тела он носил шкуру леопарда, а на дудке из тростника играл сладкую музыку. Сначала она ужаснулась при виде этого странного существа, но когда он увидел, что она смотрит на него, то перестал играть и улыбнулся ей; а когда он улыбнулся, то сморщил свое лицо в тысяче морщин, и глаза его весело сверкнули сквозь дикие эльфийские локоны, так что никто не мог смотреть на него и грустить. Несмотря на все свои беды, Психея рассмеялась, когда он начал кружить вокруг нее на своих веретенообразных ногах, наигрывая при этом дикую мелодию танца. Он бежал все быстрее и быстрее, поднимался и опускался, кружил и кружил, пока с последней пронзительной нотой на своей трубе и безумной пляской в воздухе не опустился на траву рядом с ней.

"Согрел ли я кровь в твоём сердце, прекрасная дева?" - спросил он, - "или мне снова танцевать тот безумный танец, который прогоняет холод и отчаяние?"

"Нет, веселое чудовище, даже сейчас у меня бока болят от смеха. Но скажи мне, кто ты такой, что спасаешь девиц, попавших в беду, и прогоняешь их печаль своими дикими песнями и танцами?"

"Я бог лесов и перелесков и широких пастбищ. Мне молятся пастухи, чтобы дать приплод своим стадам, и охотники - о хорошем дне. Вечером, когда луна сияет высоко над головой, а небо усыпано звездами, я беру свою трубу и играю на дудочках на темных лесных полянах. Под звуки моей музыки сладко журчит ручей, тихо шепчутся листья над головой, нимфы и наяды забывают о своей робости, а гамадриада сползает со своего дерева. Тогда открываются глаза простых людей, и на прохладной зеленой траве у серебряного ручья козодой, козленок и молодой пастух танцуют рука об руку с нимфами, а поэт, глядя из окна, восклицает: "Как сладки трубы Пана!"

Он мчался все быстрее и быстрее, то вверх, то вниз, то по кругу.

"Но когда над небом проносится темная грозовая туча, и потоки несутся, набухшие дождем, я с быстротою ног мчусь через леса и лощины, и над мрачными вершинами гор; стук моих копыт по камням звучит для людей как гром, а вопль моей трубы - как шквал дикого штормового ветра. И я мчусь в гущу битвы, когда трубы призывают к оружию; но над звуками горна люди слышат пронзительный крик моих труб. Тогда лучник бросает свой лук, и рука копьеносца слабеет, и сердца их слабеют от паники при звуках труб Пана. Не отворачивайся от меня в ужасе, госпожа, - добавил он, когда Психея сделала вид, будто собирается бежать,

- ибо я не желаю тебе зла. Это боги, более могущественные, чем я, сделали меня козлоногим, с рогами и хвостом зверя. Но сердце у меня доброе, иначе я не спас бы тебя от потока".

Он снова улыбнулся своей приветливой улыбкой, и лицо его покрылось рябью, как рябь на озере при дуновении ветерка,

"Скажи мне, кто ты и чем я могу тебе помочь?"

Тогда Психея рассказала свою историю, а когда она закончила, Пан на некоторое время замолчал, словно погрузившись в раздумья. Наконец он поднял голову и сказал,

"Ты ищешь великого бога Эроса? Я бы хотел помочь тебе, госпожа, но любовь, которую однажды потеряли, трудно найти снова. Легче вернуть мертвого к жизни, чем вернуть любовь, которую сомнение обратило в бегство. Я не могу помочь вам, ибо не знаю, как и где вы можете его найти. Но если ты отправишься дальше и преодолеешь много длинных миль пастбищ и лесов, то придешь к богатым кукурузным полям и святилищу Деметры, великой Матери Земли. Она знает, как растет кукуруза и как созревают богатые плоды в свой сезон, и она сжалится над такой девой, как ты, из-за ее дитяти Персефоны, которую Аид похитил с ее цветущих лугов и утащил вниз, чтобы сделать царицей мертвых. Три месяца живет она с ним, невеста Смерти, в темном мире теней, и вся земля оплакивает ее. Деревья проливают на ее могилу свои листья, как слезы, и ветер поет ей заунывную песнь сквозь голые ветви. Но весной она возвращается к своей матери, и земля при ее появлении надевает свое самое красивое одеяние, а птицы поют свои самые яркие песни, приветствуя ее возвращение. От ее поцелуя миндальное дерево расцветает, ручей весело журчит по камням, а примула, фиалка и танцующий нарцисс распускаются везде, где ступала ее нога. Ступай же в святилище Деметры, ибо если любовь твою нужно искать на земле, она скажет тебе, куда идти; если же, чтобы найти его, ты должна пересечь темную реку смерти, тебя примет ее дитя Персефона".

Затем он указал ей дорогу к деревне, где она могла бы укрыться на ночь, и Психея, поблагодарив его, отправилась в путь, радуясь в душе приветливой улыбке дикого лесного бога.

В ту ночь она переночевала в пастушьем домике, а утром дети вышли с ней, чтобы указать дорогу, по которой она должна идти. Жена пастуха, стоявшая у дверей, помахала ей рукой с полными слез глазами. У нее были свои девицы, и она жалела нежную странницу, ведь прекрасное лицо Психеи пролило в грубой пастушьей хижине свет, который ее обитатели никогда не забудут.

VIII

Так Психея отправилась в путь, часто слабея и падая в обморок от нехватки еды, а грубые люди смеялись над ее разорванной одеждой и кровоточащими ногами. Но она не обращала внимания на их насмешки и оскорбления, и часто те, кто громче всех смеялся, когда она была уже далеко, первыми утихомиривали своих грубых спутников, когда видели ее рядом. Ибо лицо ее было светлее зари и чище вечерней звезды, так что нечестивец при виде ее отвращался от своего греха, а сердце наблюдателя утешалось, когда он сидел у постели больного.

Наконец, как и говорил Пан, она пришла в богатые кукурузные земли, где находится святилище Деметры. В долинах уже стояли густые заросли кукурузы, ибо близилось время сбора урожая, а на склонах холмов под высокими ветвями вязов тяжелыми гроздьями висел пурпурный виноград. Когда она приблизилась к храму, оттуда вышла группа сборщиков

урожая. Они только что положили в святилище первые плоды кукурузы, а теперь отправлялись на поля - веселая толпа юношей и девушек. Психея робко посторонилась, когда они проходили мимо, но они не обратили на нее внимания, а лишь бросили любопытный взгляд на ее потрепанную одежду и ушибленные ноги. Когда они прошли мимо нее и она услышала, как их веселый смех и болтовня утихли в переулке, она решилась войти в храм. Внутри все было темно и спокойно. Перед алтарем лежали снопы кукурузы и насыщенно-фиолетовые гроздья винограда, а пол был усыпан семенами и побитыми плодами, которые урожайщики рассыпали, когда несли свои подношения. Спрятавшись в темном углу, Психея нашла метлу храмового дворника и, взяв ее, подмела пол в храме. Затем, повернувшись к ступеням алтаря, она простерла руки и взмолилась,

"О Деметра, великая Мать-Земля, дарительница золотого урожая, - ты, которая набухает в колосе зеленой кукурузы и наполняет пурпурную лозу радостным соком, - смилуйся над согрешившим. Ради дитяти твоего, Персефоны, Девы, сжался надо мной и скажи мне, где в широком мире я могу найти Эроса, моего господина, или в темную землю я должна отправиться на его поиски".

Так она молилась и ждала ответа, но в храме все было тихо и темно, и тогда она с горечью отвернулась, прислонилась головой к колонне и заплакала. А поскольку в тот день она прошла много миль и не ела с самого рассвета, она обессиленно опустилась на землю, и постепенно рыдания ее становились все реже и слабее, и она уснула.

Во сне ей привиделось, что в храме больше не было темно, но в каждом углу сиял мягкий ясный свет, и, оглянувшись, чтобы понять, откуда он исходит, она увидела на ступенях алтаря женскую фигуру, но выше и величественнее, чем любая земная женщина. Ее одеяние из коричневого золота ниспадало величественными складками до самых ног, а на голове красовался венок из алых маков. Волосы ее лежали в толстых косах на груди, как спелая кукуруза во время жатвы, а сама она опиралась на большую двуручную косу. Большими мягкими глазами она смотрела на Психею, как человек, познавший горе и потерю близких, и умеющий читать печали в сердцах людей.

"Психея, - сказала она, - я слышала твою молитву и знаю твою печаль, ибо я тоже скиталась по земле, чтобы найти дитя своей любви. И ты тоже должна скитаться и нести бремя своего греха, ибо так распорядились боги. Многое могу я поведать тебе, и не более. Ты должен уйти еще дальше от земли, где ты родился, пересечь много суровых гор и пенящихся потоков, и пусть сердце твое не ослабевает, пока ты не придешь в храм Геры, жены Зевса Всевидящего. И если она сочтет тебя достойным, то расскажет тебе, как ты должен искать свою любовь".

Сказав так, она скрылась из виду, а Психея, проснувшись, обнаружила, что храм холоден и темен. Но в сердце своем она хранила образ великой Матери-Земли с ее большими глазами, полными жалости, и, утешенная, отправилась в путь.

Слишком долго было бы рассказывать обо всех ее странствиях и тяготах пути, но много лун прошло, прежде чем она оказалась на склоне холма и взглянула на сияющий храм Геры. Она спустилась с холма и поднялась по мраморным ступеням, и люди расступались перед ней, ибо лицо ее было прекраснее, чем прежде, и она больше не отступала назад, как затравленная тварь, а шла размашистой походкой тех, чьи ноги закалила добрая земля, а небесные бризы раздули огонь в их глазах. В душе она знала, что покорила и вынесла ужасы пути без трусливого страха, и молилась, чтобы Гера сочла ее достойной совершить великие подвиги, чтобы вернуть своего господина. Затем она встала перед алтарем и произнесла молитву,

"О Гера, златокудрая, восседающая по правую руку от Зевса, о ты, которая, когда зажигается брачный огонь, ведет жениха и невесту в их дом и осыпает благословениями их супружескую любовь, смилуйся надо мной и укажи мне, где я могу найти своего господина. Далеко я забрела и испила чашу печали, но сердце мое сильно для любой задачи, которая вернет мне мою любовь".

Так молилась она и склонила голову перед огромной белой статуей богини. Пока она говорила, статуя, казалось, изменилась и поднялась с трона из слоновой кости в облике высокой и прекрасной женщины. Одевания ее были подобны облакам на закате, а вуаль - горному туману; на голове у нее была золотая корона, и молнии играли у ее ног, когда она смотрела на Психею глазами, пронизывающими ее душу насквозь.

"Психея, - сказала она, - я слышала твою молитву и знаю, что ты правдива. Ибо я - жена Зевса, который все видит и ничего от меня не скрывает. Я знаю, что ты далеко странствовал и страдал от рук людей. Но еще большие испытания ждут тебя, прежде чем ты сможешь найти своего господина. Ты должен стать рабом пенорожденной Афродиты, безжалостной богини Любви. И она подвергнет тебя тяжким испытаниям, прежде чем простит тебя и сочтет достойным своего сына Эроса или божества, которое люди давным-давно подарили тебе. Но если ты преодолеешь ее гнев, ты победишь саму смерть, и ничто не сможет разлучить тебя с твоим господином. Ступай же туда, где она устраивает свой суд в приятной долине у моря, и не забывай, что боги удесятят благословение тех, кто не растрачивает данную им силу, какой бы слабой она ни была".

Сказав это, она медленно удалилась, пока Психея вновь не оказалась перед бледно-белой статуей. Тогда она повернулась, прошла через молчаливый храм, вышла на солнечный свет и стала искать дорогу, которая приведет ее к морю и приятной долине Афродиты.

IX

Долгий день она путешествовала, пока наконец не увидела вдали синее море и приятную долину, склонившуюся к берегу. Здесь волны со смехом разбивались о берег, а листья на деревьях весело танцевали под мягким западным ветром, ибо Афродита, рожденная из пены, прекраснейшая из всех богинь, держала здесь свой двор, окруженная своими нимфами и девами. Когда она восседала на своем золотом троне, они танцевали вокруг нее, сверкая белыми руками, и увенчивали ее розами, распевая при этом песню ее красоты.

"О пенорожденная Афродита, царица любви, прекраснейшая из бессмертных дочерей времени! Тебя целуют златокудрые Часы, когда они проходят, и кружащие Времена года венчают благодатью. До тебя все было огнем и хаосом, но с твоим приходом подобное стало подобным. Земля украсилась цветами, и соловей запел своему товарищу на ветке, и в бледных лунных лучах юноша и дева рука об руку пронесли по поляне. Улыбка твоя - как солнечный свет на ряби, но вспышка глаз твоих - как смертоносный блеск молнии, ибо не всегда ты добра. Сердце презрителя ты сокрушаешь, и ревнуешь к обрядам твоим. Поэтому север и юг, восток и запад поклоняются тебе, и ныне, и присно, о богиня десяти тысяч имен!"

Когда Психея приблизилась, нимфы заметили ее. С громкими криками они бросились вперед и, набросив на нее цепи из роз, потащили к трону.

"Пленница, пленница!" - кричали они, - "Смертная, о царица, осмелившаяся войти в твою священную долину! Какая судьба постигнет ее?"

И Психея с трепетом опустилась на колени перед троном. Она не смела поднять глаз, ибо чувствовала на себе взгляд богини, и гнев ее пылал до самого сердца.

"Психея, что ты здесь делаешь? Не знаешь ли ты, что давным-давно я не любил тебя, потому что твоя красота заставляла людей забывать о моих заслугах, а моего собственного сына ты заставила послушаться моего слова? По глупости своей ты потерял его; и я рад, что он избавлен от твоих мук. Не думай, что слезы твои тронут меня. Те, кто входит в мою священную долину, становятся самыми низкими из моих рабов, и горе им, если они не справятся с задачей, которую я перед ними поставил. Воистину, ты не должен быть светлым, иначе я не царица любви и красоты".

"О госпожа, - отвечала Психея, - я пришла в твою священную долину, чтобы стать твоей рабыней и исполнить твою волю, если только я смогу обратить твой гнев в любовь и доказать, что я недостойна твоего сына. Велик был мой грех, о богиня, когда я усомнился в нем; но много слез я пролил, и утомлен был мой путь в поисках его - да, даже в темный подземный мир я бы отправился, если бы мог найти его там. Что же касается поклонения, которое оказывали мне люди, то Зевс, который знает все сердца, знает, что я не возвышал свое в гордыне над тобой. Не от тебя ли, о могущественная, исходит всякий дар красоты? Если и есть у моего лица справедливость, так это то, что оно оттеняет твой образ. Слабы сердца людей, госпожа, и трудно им взирать на солнце в его могуществе. Так не гневайтесь же, если через смертный образ, который погибает, они протягивают слепые руки к красоте, которая не исчезает. А теперь на коленях умоляю тебя, о царица, поставить передо мной самые трудные задачи, чтобы я могла доказать свою любовь или умереть за свое достоинство".

Пока Психея говорила, лицо богини смягчилось, и она ответила ей более мягко.

"Твои слова радуют меня, дева, ибо боги любят тех, кто не отступает перед испытаниями. Три задачи поставлю я перед тобой, и если ты не оплошаешь в них, то дам тебе одну, труднее всех остальных, и тогда ты завоеешь свою любовь и бессмертие. Идите, девы, и приведите ее к моей жатве, чтобы она сортировала золотые зерна, пока первые лучи солнца не позолотили верхушки сосен".

X

По приказу богини нимфы собрались вокруг Психеи и, связав ей руки цепями из роз, отвели ее к зернохранилищу. Там они освободили ее и с веселым смехом попрощались с ней.

"Моли сторукого, дева, чтобы он помог тебе, - кричал один из них, - с твоими двумя руками далеко не уйдешь".

"Нет, сто сотен рук не смогут рассортировать зерно до восхода солнца", - сказал другой.

"Лучше работать двумя руками, - сказала Психея, - чем вхолостую молиться о десяти тысячах".

Но при всем ее мужественном ответе сердце ее замирало, когда она смотрела на стоящую перед ней задачу: она стояла в самом большом житнице, какую ей когда-либо выпадало видеть, - широкой и высокой, как дворцы ее отца, и весь пол был усыпан семенами и зернами всех видов - пшеницы, овса и ячменя, проса, бобов и маиса, которые она должна была

рассортировать каждый по своему виду в отдельную кучу еще до восхода солнца. Но она усердно принялась за работу, и минута за минутой, час за часом проходили быстро, а куча все росла и росла рядом с ней, но за все ее труды она расчистила лишь крошечный уголок житницы. Она лихорадочно работала дальше, не смея взглянуть на то, что еще оставалось сделать. Спина болела, руки затекли, глаза стали тяжелыми, как свинец, но она работала как во сне, а голова то и дело падала на грудь от усталости, и наконец она не выдержала и заснула на холодном каменном полу.

Пока она спала, произошло удивительное событие. Из каждой дыры и трещины появилась целая армия муравьев - черных, белых, рыжих, - которые торопливо копошились и перепрыгивали друг через друга. Они разбежались по всему дну зернохранилища, и каждый нес по зернышку, которое клал на свою кучу и быстро бежал обратно за другим. Их было так много, и они так быстро работали, что к тому времени, когда первый луч солнца заглянул в окна, пол был чист, если не считать кучи отсортированного зерна, наваленного посередине. Яркий свет, льющийся из окна, упал на спящую Психею, она проснулась и начала лихорадочно искать зерно. Когда ее глаза привыкли к свету, как велика была ее радость и благодарность, когда она увидела перед собой аккуратные кучки! А когда она огляделась вокруг, гадая, кто же мог быть таким добрым другом, то увидела, как последние муравьи спешат прочь из всех щелей и трещин.

"О добрые маленькие люди, - воскликнула она, - как я могу отблагодарить вас?"

Она не успела ничего сказать, как дверь распахнулась, и в золотом потоке солнечного света в танце влетели нимфы. Увидев расчищенный пол и яркие кучи, лежащие на полу, они остановились в изумлении.

"Воистину, дева, ты сработала не зря", - сказала одна из них.

"Нет, она никогда не смогла бы сделать это сама", - сказал другой.

"Верно, о светловолосые!" - ответила Психея. "Я трудилась и трудилась, и труд мой лишь насмеялся надо мной, и в конце концов силы мои иссякли, и я уснула на полу. Но маленький народ сжалился надо мной, вышел мириадами и сортировал зерно, пока все не закончилось. И вот! Задача выполнена".

"Посмотрим, что скажет на это наша королева", - ответили они.

И, снова связав ее своими розовыми цепями, они привели ее к Афродите.

"Подмела ли ты, Психея, мое зерно и рассортировала ли его по сортам?" - спросила она.

"Зерно твое выметено и рассортировано, госпожа, - ответила она, - и в нем я сделала то небольшое, что могла вынести моя слабая сила. А когда я не справился, пришли маленькие люди и выполнили задание".

С трепетом ждала она ответа, ибо боялась, что в первом же испытании потерпела неудачу. Но Афродита ответила,

"Почему ты дрожишь, Психея? Задание выполнено, и это все, о чем я прошу; ведь я хорошо знаю, что маленькие люди помогают только тем, кто помогает себе сам. Прежде чем я подвергну тебя окончательному испытанию, ты должна выполнить еще два задания. Видишь ли ты блестящую реку? На другом берегу пасутся мои стада и отары. Драгоценны они до невозможности, ибо шкуры их из чистого золота. Ступай и принеси мне один золотой локон до заката".

Сказав так, она велела нимфам отпустить Психею, и та сразу же отправилась к потоку с легким сердцем, ибо эта задача, как она думала, не будет трудной после предыдущей.

Подойдя к реке, она увидела, что на дальнем берегу кормится скот - овцы и быки, коровы и козы, их золотистые шкуры блестели в лучах солнца. Оглядевшись в поисках переправы, она заметила маленькую лодку, пришвартованную среди камышей. Войдя в нее, она отвязала веревку и выплыла в поток. В этот момент один из быков, пасшихся на другом берегу, поднял голову и увидел ее. С яростным фырканием он понесся галопом по полю, а за ним и все остальное стадо. Они спустились к самой кромке воды, хлеща хвостами и подгоняя рогами, и Психее пришлось бы несладко, если бы она добралась до берега. Поспешно отступив в камыши, она задумалась о том, что ей делать, но чем больше она думала, тем мрачнее становилась ее участь. Чтобы добыть хоть один волос из золотого стада, она должна была переправиться через ручей, а если она переправится, дикие быки задрали бы ее до смерти. В конце концов в отчаянии она решила встретить свою судьбу, хотя бы для того, чтобы показать, что ее любовь сильнее смерти. Когда она наклонилась над лодкой, чтобы отвязать веревку, легкий ветерок заставил тростник зашептать, и один из них, казалось, заговорил с ней.

Она отвязала веревку и выплыла на берег.

"Прекрасная леди, не покидайте нас, ибо те, кто достигает дальнего берега, больше к нам не возвращаются".

"Тогда прощай навсегда, нежная тростинка, ибо у меня есть дело, которое я должна выполнить, пусть даже я погибну в тщетной попытке".

"Ах, леди, оставайтесь здесь и поиграйте с нами. Вы слишком молоды и прекрасны, чтобы умереть".

"Труссы не бывают молодыми и справедливыми, добрая тростинка. До захода солнца я должна получить локон от золотого руна там, иначе я никогда больше не найду свою любовь".

И она отпустила веревку.

"Останься, останься, нежная дева. Там я смогу помочь тебе, ибо всю свою жизнь я наблюдала за золотыми стадами и знаю их пути. Весь день они кормятся на приятных пастбищах, и горе тому, кто перейдет их, когда солнце высоко в небе. Но ближе к вечеру, когда оно опускается на дальний запад, приходит пастух Афродиты и загоняет их на ночь в стойла. Тогда ты сможешь безопасно переправиться и получить локон от золотого стада".

Но Психея громко рассмеялась над его словами.

"Ты просишь меня украсть яблоки, когда дерево уже обнажено. Сердце твое доброе, о тростник, но языку твоему не хватает мудрости. Прощай".

"Не так быстро, леди. Не видишь ли ты высокого барана вон там, у тернового куста? Под его сенью растет сладкая трава, но чтобы добраться до нее, он должен оставить золотую дань на терновнике. Даже сейчас в ветвях зацепился локон его руна. Оставайся с нами, пока стада не уйдут, госпожа, и тогда ты сможешь получить золотой замок".

"О добрейшая из тростников, прости мою слепоту. Ты спасла мне больше, чем жизнь, ибо, не справившись с заданием, я навсегда потеряла бы свою любовь".

Так весь день она просидела и разговаривала с камышами, и они рассказали ей, что часто люди спускались к ручью и переправлялись на другой берег. Но когда скот с яростью бросался к кромке воды, они в страхе поворачивали назад и, не смея больше выйти, уходили домой разочарованными. Так и не услышали они шепота камышей и не узнали тайну завоевания золотого замка.

Тени быстро сгущались, и вот вдалеке Психея услышала рог пастуха и его голос, зовущий скот домой. На этот звук они подняли головы и направились к воротам на дальней стороне поля. Как только они благополучно проплыли, Психея вытолкнула лодку и переправилась на другой берег. Быстро добравшись до тернового куста, она сорвала с ветки золотой замок, и пока лодка плыла обратно к камышам, солнце опустилось за холмы. Совсем рядом послышался смех нимф, которые пришли посмотреть, все ли сделано. Улыбнувшись, она достала из груди золотой локон, и, изумленные, они повели ее к Афродите.

"У тебя храброе сердце, Психея", - сказала богиня, глядя на золотой локон у своих ног.

"Самое храброе сердце не смогло бы завоевать этот замок, госпожа, если бы не знало тайны, которую мне нашептали тростники".

"Мне это хорошо известно, Психея. Но только чистые сердцем могут понять голос ветра в камышах, и потому я вдвойне испытал тебя. Возьми эту хрустальную чашу для третьего задания. За этой приятной долиной ты попадешь на темную и бесплодную равнину. На дальнем берегу возвышается к небу могучая гора, а с ее вершины бьет источник и низвергается с обрыва в пропасть внизу. Пойди и принеси мне глоток этого потока, но смотри, чтобы ты не разбил по дороге кубок, ибо его ценность не поддается никакому описанию".

И вправду, когда она протянула его, хрусталь засверкал ярче радуги. Психея взяла кубок, и первые лучи солнца застали ее уже на равнине. Далеко-далеко на другой стороне высились бесплодные и черные на фоне неба горные пики, и она поспешила дальше, не торопясь, чтобы не наступила ночь, пока она не наполнила кубок. Она шла все дальше и дальше, и наконец приблизилась к горе и огляделась в поисках тропинки, ведущей на вершину. Но ничего не было видно, кроме скал, валунов и массы осыпавшихся камней, и ей ничего не оставалось, как начать карабкаться по неровному склону горы. Крепко сжимая в одной руке кубок, другой она изо всех сил цеплялась за камни, боясь при каждом шаге поскользнуться и разбить свою драгоценную ношу. Как ей удалось добраться до вершины, она так и не узнала, но в конце концов она стояла, израненная и измученная, на вершине. Каков же был ее ужас, когда она увидела, что вершину горы разделяет мощная расщелина, а через пропасть она увидела поток воды, низвергающийся с отвесной скалы на сто футов и более ниже вершины! Даже если бы она спустилась вниз и поднялась на другую сторону, скала обрывалась так плавно и отвесно, что и горному козлу не нашлось бы уступа, на который можно было бы поставить ногу.

Психея присела на камень, чтобы подумать, что ей делать, и чем больше она думала, тем сильнее чувствовала, что настал ее последний час.

"Ибо единственный способ добраться до воды - это броситься в бездонную пропасть, где поток течет глубоко в недра земли; и я должна разбиться вдребезги, но, может быть, царь подземного мира смилостивится надо мной и позволит моей душе вернуться на землю, чтобы отнести хрустальную чашу Афродите".

Сказав так, она встала, попрощалась с землей, приятным солнечным светом и прекрасными цветами, которые любила, и приготовилась броситься со склона горы. Когда она уже собиралась сорваться с края, над ее головой послышалось жужжание крыльев, и могучий орел слетел вниз и уселся на скалу рядом с ней.

"Далеко в небе над твоей головой я наблюдал за тобой, Психея, и видел твои труды на склоне горы. Ты слишком храбра и правдива, чтобы идти на смерть. Дай мне кубок, и я наполню его. Знаешь ли ты, что вон тот поток - это струя, вытекающая из темного Коцита, Реки Плача, орошающей берега мертвых? Ни один смертный не может прикоснуться к этой воде и остаться в живых, ни унести ее в земном сосуде. Но этот кубок - дар Зевса всемогущего, а я его посланник - единственная небесная птица, которая может взирать на солнце в его могуществе. Дай же мне кубок, я наполню его и отнесу к подножию горы, чтобы ты мог донести его в целостности и сохранности".

Со слезами радости и благодарности Психея отдала ему кубок, и когда он улетел через темную пропасть, стремительный, как стрела из лука, она повернулась и помчалась вниз по склону горы, не обращая внимания на камни и валуны, так радостно было у нее на душе. У подножия ее ждал орел.

"О могущественнейшая из птиц, как мне отблагодарить тебя?" - воскликнула она.

"Служить тебе, госпожа, - вот и вся моя благодарность. Прощай, и пусть боги благословят тебя в твоём последнем великом испытании".

И он расправил свои могучие крылья и улетел. Психея смотрела ему вслед, пока он не превратился в крошечное пятнышко на фоне голубого неба. Тогда она повернулась и поспешила через равнину со своим драгоценным кубком воды.

Нимфы, как и прежде, танцуя, вышли ей навстречу и привели ее к Афродите.

"Я вижу, что ты бесстрашна и верна, дева", - сказала она, когда Психея рассказала свою историю. "Дважды ты встречала смерть, не дрогнув, а теперь должна спуститься в его страну, ибо ни одна женщина не достойна любви моего сына, если она не обладает красотой бессмертной, не меркнувшей с годами. И только она, Королева Мертвых, может дать тебе этот дар. Возьми же эту шкатулку, встань перед ней на колени и умоляй ее дать тебе в ней сущность этой красоты. Когда получишь ее, смотри, чтобы ты быстро вернулся и не открывал ларец, ибо если его испарения вырвутся наружу и одолеют тебя в нижнем мире, тебе придется навеки остаться с тенями".

Так Психея взяла ларец, и сердце ее замирало при мысли о том страшном путешествии. А нимфы печально помахали ей вслед, ибо никогда еще они не смотрели на того, кто вернулся из темной страны теней.

XI

Пошла Психея прочь из приятной долины, ибо прекрасно знала, что нигде в этом прекрасном месте она не сможет найти дорогу в нижний мир. В детстве, когда она жила в отцовских покоях, кормилица рассказывала ей странные истории о темных и страшных пещерах, которые люди называли устьем Аида, и о том, что те, кто спускался в них, никогда не возвращались; а если один, более благосклонный, чем остальные, возвращался на солнечный свет, лицо его было бледным, силы покидали его, и он безудержно говорил о странных вещах, которых никто не мог понять.

Далеко по стране бродила она и просила врата Аида, и кто-то жалел ее слабость, кто-то смеялся над ее глупостью, а все люди считали ее безумной.

"Для нищего и короля, для мудрого и глупца дорога в Аид одна, - говорили они, - и все должны пройти ее рано или поздно. Если ты ищешь ее, то, так и быть, сбросься с высокой башни, и ты быстро найдешь ее".

С грустью пошла она и встала на башню, ибо не видела другого пути. Она снова попрощалась с землей и солнечным светом и уже собиралась прыгнуть с вершины, как вдруг ей показалось, что она слышит голос, зовущий ее по имени, и она, затаив дыхание, прислушалась.

"Психея, Психея, - услышала она, - зачем ты оскверняешь кровью мои камни? Я не сделала тебе ничего плохого, но ты хочешь заставить людей ненавидеть меня и сторониться камня, на котором я стою. Что до тебя, то это ничего не даст, ибо душа твоя навеки поселится в Царстве Мертвых, а тень тебя самой, блеклая и бесформенная, будет скользить по моим стенам и тонким голосом оплакивать твою потерянную любовь; Люди, услышав это, бежали бы от меня, и за недостатком заботы строителя камни мои рассыпались бы, и от всей моей гордой красоты не осталось бы ничего, кроме кургана поросших мхом камней и скорбной опеки духа твоего."

Тогда Психея опустилась на колени и поцеловала камни.

"Бедная башня, - сказала она, - я не причиню тебе вреда. Может быть, ты подскажешь мне лучший способ, ибо я должна отнести этот ларец Царице Мертвых и просить о даре красоты бессмертной, чтобы вернуться на землю достойной моего господина".

"Если бы ты бросился за край, то никогда бы не пришел к Царице Мертвых, но с плачем и тоской бродил бы по берегам Страны, которой нет имени, ибо между той землей и Аидом течет широкий Стигийский поток. Только одна лодка может пересечь его, и в ней сидит

Харон, паромщик душ. Жаден он до наживы и черств сердцем, и не перевезет он никого, у кого во рту не было бы золотой монеты. И бледные призраки тех, кто умер вдали от своих близких, когда некому было совершить обряд погребения умерших и вложить им в рот золотую монету, - все они снуют вокруг него и с душераздирающими воплями умоляют переправить их через поток. Но на все их мольбы он отмалчивается и отбивается от них веслом. И если бы ты одолел его и пришел во дворец бледной Персефоны, ты не смог бы войти туда, ибо у ворот сидит Цербер, трехглавая гончая ада, и никто не может пройти мимо него без лепешки ячменного хлеба. Но душа его любит вкус выращенной на земле кукурузы, и пока он пожирает ее, даритель может пройти мимо невредимым".

"Золотую монету и ячменную лепешку я могу достать, - сказала она, - но как мне добраться до подземного мира живой, я не знаю".

"Недалеко отсюда ты найдешь пещеру, которую пещерные люди называют Вратами Аида. Они называют их по незнанию, ибо никто не доказал, куда они ведут. Все долгие годы, что я простоял на этой скале, я наблюдал за входом в пещеру, и люди подходили и заглядывали внутрь, и самые смелые входили туда; но всегда они быстро возвращались назад, шатаясь, как пьяные, с бледными лицами и дикими глазами, полными страха, и вокруг них витал запах гнусных испарений, поднимающихся от ворот мертвых; и старые жены, сидящие у костра, дружно кивали своими седыми головами. Это сказка, которую рассказывали нам наши матери и их матери до них, - бормочут они. Это точно врата Аида, и тот, кто решится зайти слишком далеко, уже никогда не вернется". Они угадали, дева, и в эту темную пещеру лежит твой путь".

"Но если те, кто отважится зайти слишком далеко, никогда не вернутся, как же я унесу в шкатулке сущность неувядающей красоты?"

"Вместо одного золотого возьми два, и два хлеба из свежее испеченного ячменного хлеба. Одну золотую монету паромщику и один каравай гончей ты должен отдать, когда пойдешь, а остальное оставь для возвращения, и от жадности они снова пропустят тебя назад. Завяжи ларец на груди твоей, положи золотые монеты в рот твой, а ячменные буханки возьми по одной в каждую руку. Смотри, не бросай их на землю, иначе бледные призраки выхватят их, ибо вкус земной пищи придает их холодным формам подобие тепла, и на короткое время они вновь ощущают сияние жизни. Многими хитростями они будут пытаться заставить тебя отложить хлеб; но ты не отвечай им ни слова, ибо тот, кто прикасается к ним или отвечает им, становится таким же, как они".

Психея поблагодарила его за совет и пошла просить две золотые монеты и ячмень, и за любовь к ее светлому лицу люди с радостью давали ей. Когда все было готово, она отправилась к пещере. У ее устья росли высокие и густые заросли, а плющ свисал длинными фестонами, потому что никто не решался войти туда уже много долгих лет. Как могла, она пробралась сквозь колючую изгородь и встала в тени пещеры, а капающая с крыши вода слабым эхом отдавалась под сводами. Она шла через темные лужи, через грязь и трясину, и зеленая слизь висела на стенах, как промозглая пелена. Она шла все дальше и дальше, пока голова ее не закружилась, а сердце не заболело; вокруг нее плыл ядовитый пар, от которого она задыхалась, а мимо проносились чудовищные фигуры - фурии, гарпии и стоглавые чудовища, охраняющие ворота в Аид. Их крики и вопли наполняли воздух, и каждый миг она отступала назад, боясь, что они разорвут ее на части, когда они надвигались на нее с жужжанием своих могучих крыльев и развевающимися на ветру дикими локонами. На другой стороне тропы они стояли и махали ей в ответ, и сердце ее похолодело от страха; но она

торопливо шла вперед, и вот, когда она подошла к ним, их фигуры рассеялись, как туман перед солнцем, и она прошла сквозь них, обнаружив, что они всего лишь дым.

И вот она пришла в безымянный край, что лежит между землей и Аидом; бесплодная, бескрайняя равнина, где нет ни деревца, ни кустика, чтобы нарушить унылую грязь. Вверх и вниз по ней бродят тени тех, чьи тела никогда не покрывала добрая земля, и они воздевают руки и взывают к своим близким наверху, чтобы те даровали им погребение и обряды мертвых. А Харон, мрачный паромщик, отталкивает их от своей лодки, потому что у них нет монет, и они обречены вечно жить в стране, у которой нет имени.

Когда она пересекала мрачную равнину, навстречу ей шел старик, ведя за собой груженого осла. Старый и немощный, он с трудом держался рядом с животным, и когда он подошел к Психее, порвались веревки, связывавшие ношу на спине осла, а поленницы, которые он нес, разлетелись во все стороны. И поднял он горестный плач, и затряслись его бледные иссохшие руки.

"Милостивая госпожа, сжался над стариком и помоги мне еще раз нагрузить осла".

Но Психея помнила слова башни и еще крепче вцепилась в буханку хлеба, хотя ей очень хотелось помочь немощной тени.

"Помогите, помогите! Я тону в этом потоке!"

Она шла вперед, пока не пришла к берегам Стикса, могучей адской реки, которой клянутся великие боги. Девять раз она огибает берега Аида, и по ее свинцовым водам Харон, лодочник мертвых, вечно переправляет их то туда, то сюда. Увидев Психею, он окликнул ее и попросил монету. Не ответив ему ни слова, она протянула губами одну монету, и, когда он взял ее, задрожала. Ибо дыхание его было подобно северному ветру, дующему на снег, а глаза - как у рыбы, холодные и тусклые.

"Добро пожаловать, милая дева. Не часто мы с лодкой встречаем таких, как ты", - и он рассмеялся жестким, тонким смехом, похожим на треск льда в оттепель, и лодка под ее весом заскрипела в такт.

Выйдя в поток, он подтолкнул ее шестом, а затем взялся за весло, и взмахи лопасти не издавали ни звука в этих тусклых свинцовых водах. Когда они приблизились к середине потока, Психея увидела две бледные руки, поднявшиеся над волнами, и голову старика, который жалобно зывал к ней,

"Помогите, помогите! Я тону в этом потоке! Ах, ради жалости протяни хоть один палец, чтобы спасти меня!"

И Психея отвернулась, чтобы скрыть слезы; ведь это было лицо ее отца, и его крики пронзили ее сердце. Когда лодка проплыла мимо, он со стоном погрузился в волны, и больше она его не видела.

Наконец они достигли берега Аида, и она увидела перед собой три тропинки, ведущие вверх от площадки. Когда она стояла, не зная, по какой пойти, старик обратился к ней.

"Я не знаю, куда ты направляешься, госпожа, ибо на тебе нет знака мертвых. Души злых я знаю, ибо вокруг них летают фурии, мстители за грех, и гонят их по левому пути, через Перифлегетон, огненную реку, вниз, в самые глубины Тартара. А души храбрых сияют, как звезды во тьме, и идут по правому пути к Елисейским полям света, где дует яркий и свежий ветер и сияют золотые цветы. Средний путь ведет во дворец бледной Персефоны, но туда могут идти только боги и дети богов, или те, кто имеет при себе какой-нибудь знак от Бессмертных".

Тогда Психея показала ему ларец Афродиты и свернула на среднюю тропу. Пройдя через темный лес, она вышла на равнину. Здесь она увидела трех пожилых женщин, ткавших на станке, и они слабыми, дрожащими голосами зывали к ней,

"О, дева, глаза твои молоды, а пальцы гибки. Приди и помоги нам распутать нить".

Но в третий раз она отвернулась и быстро пошла дальше, а когда оглянулась через плечо, ткацкий станок и ведьмы уже исчезли.

И вот наконец она подошла к дворцу Персефоны. Крыша и колонны были из чистого серебра, которое бледно светилось сквозь мрак и темноту, как мерцание бледных лунных лучей в пасмурную ночь. Над головами колонн шел фриз странного устройства. Он рассказывал о Ночи и Хаосе, о рождении Времени, о том, как сыны Земли восстали против богов в смертельной битве и были низвергнуты в глубины Тартара громовыми молниями Зевса. И рассказывалось, как титан Прометей дал огонь смертным людям, и они научились всем ремеслам, стали хозяевами всего живого и сравнялись с богами в мудрости. Но правили они по закону сильнейшего, считали, что сила - это право, и породили мерзкие формы моров, войн и убийств с поличным. Другая сторона рассказывала о том, что произойдет, когда Времени и Смерти больше не будет, а Любовь будет править Вселенной. На этой стороне все формы были прекрасны, все лица красивы, и ветерок играл в приятных местах, где цветы никогда не увядают. В центре фронтона, с могучими крыльями по обе стороны, стояла могучая фигура Ананке, великой Необходимости, матери богов и людей. С одной стороны она выглядела мрачной и страшной, и мир трепетал от ее хмурого взгляда, но с другой стороны она была прекраснее дня и по неизменному закону влекла за собой все вещи, пока они не станут совершенными.

На ступенях дворца перед входом сидел Цербер, трехголовый сторожевой пес. Увидев приближающуюся Психею, он зарычал, и его рык был похож на раскаты грома вдалеке. Когда она приблизилась, он яростно залаял и зарычал на нее, обнажив белые сверкающие клыки. Она быстро бросила ему один из ячменных хлебов и, пока он поглощал его, осторожно проскользнула мимо и оказалась во внутреннем дворе дворца. Все было тихо и пустынно, и ее шаги, падая на мраморный тротуар, не отдавались эхом в колоннадах, ибо казалось, что даже звук должен умереть в этом безжизненном воздухе. Она прошла через огромные бронзовые двери в возвышенный зал. В его тенистой глубине она увидела огромный трон, на котором восседала Королева Мертвых. Около нее стояли две служанки, и звали их Память и Сон. Одна из них обмахивала ее большими маковыми листьями, и по мере того как она это делала, глаза царицы становились тяжелыми и тусклыми, и она сидела как в трансе. Но когда одному надоедало обмахивать ее веером, то другой вскоре ставил перед ней большое зеркало из полированной стали, и когда она смотрелась в него, то краска бросалась в ее бледные щеки, а глаза светились, как угли, ибо во вспышке стали она видела цветущие луга земли и вспоминала, что всего три месяца жила во мраке и полумраке; И еще она знала, что однажды кружащиеся времена года остановятся, тление и смерть уйдут, и когда придет это время, она больше не вернется в мрак и полумрак, а будет вечно жить под солнцем и цветами. Волшебное зеркало - это то, что хранит Память, и мало кто может вынести его яркость, но те, чьи глаза сильны, заглядывают в его глубины и узнают, что знание и память - одно.

Робкими шагами Психея пересекла зал и опустилась на колени перед троном.

"Дитя Земли, что ты здесь делаешь?" - спросила царица. "Это не место для живых душ".

"О могущественная, я прошу у тебя милости", - сказала Психея и достала из груди ларец Афродиты. "Дай мне, молю тебя, дар неувядаемой красоты в этом ларце, чтобы я могла вернуться достойной своего господина".

"Велика милость, о которой ты просишь. Тем не менее, ради храбрости твоей я дам тебе его. Ведь многие отправляются на поиски, но мало у кого хватает духу зайти так далеко".

Тогда она взяла ларец в руки и вдохнула в него, и дыхание ее было как дым ладана на алтаре.

"Возьми его и быстро возвращайся, откуда пришел, и смотри, не открывай его, пока не придешь на землю. Ибо в стране мертвых мое дыхание - смерть, а над ней - жизнь и красота бессмертная. Счастливо оставаться".

С радостным сердцем поднялась Психея с колен и понеслась по безмолвному дворцу. Она бросила Церберу второй каравай, а за вторую золотую монету Харон снова переправил ее на своей лодке. На этот раз ни один из печальных призраков не взывал к ней о помощи, и она знала, что именно ради земной пищи они встали на ее пути.

Наконец она снова стояла в лучах солнца, и радость окрыляла ее ноги, когда она мчалась через равнину к приятной долине Афродиты. С ларцом в руках она опустилась на колени перед троном, но Афродита протянула руку и подняла ее.

"Больше не преклоняй передо мной колени, Психея, ибо теперь ты одна из нас. Но открой ларец и влей в свою душу жизнь и красоту, которые никогда не умрут".

Ее улыбка была ярче солнечного света на переливающихся волнах, а прикосновение ее руки заставило кровь Психеи бежать по жилам, как огонь. Не понимая, что делает, она открыла гроб. Испарения поднялись облаком над ее головой, и она не знала, что делать дальше, пока

не почувствовала, что движется вверх, вверх. Постепенно возвращаясь к жизни, она открыла глаза и посмотрела в лицо Того, кого видела всего один раз. Его радужные крылья распростерлись над ней, сильные руки обняли ее, и он посмотрел ей в глаза тем взглядом, который соединяет две души в одну.

"Любимая, - прошептал он, - Любовь победила все. В самый мрачный час испытаний я присматривал за тобой и давал тебе силы, и теперь мы вдвоем будем вечно жить в небесных чертогах и учить сердца людей любить так, как любим мы".

Геро и Леандр

Однажды солнечным апрельским днем давным-давно в одинокой башне сидела дева и смотрела на Геллеспонт. У ее ног голубая рябь лениво омывала берег и играла на камнях успокаивающую колыбельную, а по течению из Сестоса медленно плыли корабли с белыми парусами, везя свои богатые грузы кукурузы и товаров. На севере

виднелся порт Сестоса с великими стенами, спускающимися от города к гавани, и мачты кораблей, стоящих на якоре у причала. Через воду, напротив башни, стоял Абидос с его дворцами и домами, белеющими у подножия невысоких зеленых холмов. Море между Сестосом и Абидосом такое узкое и быстрое, что древние считали его великой рекой, вытекающей из Пропонтиса и бурного Эвксинского моря и впадающей в широкое Эгейское море. Поэтому они называли ее широким Геллеспонтом, ведь рядом с ним реки Греции были лишь узкими ручейками.

Глядя на освещенные солнцем воды, дева вздохнула и устало повернулась к старой даме, которая сидела и прjala в углу комнаты.

"Добрая матушка, - сказала она, - сколько лет, по твоим словам, мы вдвоем живем в этой омываемой волнами башне?"

"Уже почти двадцать лет, моя дорогая, с тех пор как я принесла тебя сюда крошечным младенцем на руках".

"Двадцать лет!" - вздохнула дева. "Двадцать веков пронеслись бы быстрее в ярком оживленном мире за горами. Как долго длится жизнь женщины, добрая кормилица?"

"С благословения Небес она может прожить четыре десятка лет, дитя мое".

"Четыре года - в четыре раза больше, чем я уже прожила! Я вполне могу обойтись без благословения Небес".

"Нет, тише, тише!" - вскричала старуха и поспешно остановила свое вращение. "Что с тобой, Геро? Ты никогда не говорила таких страшных слов".

Девушка бросилась на колени рядом с ней, положила голову ей на колени и зарыдала. Старая няня нежно провела пальцами по ее длинным черным волосам и ждала, когда буря страстей утихнет.

"Я устала от этой одинокой жизни, - всхлипывала девушка. "Почему я заперта здесь, совсем одна?"

"Ты прекрасно знаешь причину, дитя мое. Если ты выйдешь в мир, тебя постигнет великое горе, и ты умрешь в расцвете юности". Таково было прорицание богов относительно тебя. Твоя мать - бедняжка! - недолго прожила, прижимая тебя к груди, а когда умерла, отдала тебя мне на руки. Унеси ее, кормилица, подальше от обиталищ людей, и никогда не выпускай ее в жестокий мир. Пойди, поселись с ней в какой-нибудь одинокой башне на берегу моря и сделай ее жрицей безжалостной, рожденной из пены Афродиты. Днем и ночью, как только она сможет прошептать детскую молитву, пусть возносит благовоения к алтарю богини, и, возможно, она смиростивится над ней и спасет ее от гибели. Я прекрасно знаю, что именно от нее зависит, погубит она мое дитя или спасет его, так же как и она, богиня Любви, наложила на меня свою жестокую руку, и теперь я лежу при смерти. Ах, спасите мое дитя от той участи, что постигла меня". Я сделала, как она велела, и, конечно, мы не были несчастны, ты и я, вместе, все эти годы?"

Она нежно погладила девочку по щеке и вздохнула, вспомнив, как на протяжении многих месяцев она бледнела с каждой неделей.

"Ах, не сочтите меня неблагодарной!" - воскликнула Геро. "Ты знаешь, что я люблю тебя и никогда не покину. Но сердце мое беспокоит, и я жажду ступить за пределы этой башни и увидеть большой город, улицы и лица моих соотечественников".

Затем она поднялась с колен и подвела старую няню к окну.

"Вон там!" - крикнула она, указывая в сторону Сестоса; "Видишь ли ты, как белое шоссе спускается в город, как толпа паломников теснится у ворот? Видишь также крутую дорожку, которая вьется вверх от гавани, - народ движется все время в одну сторону, вверх, вверх, к храму Афродиты на холме! Как часто я наблюдал за ними из года в год, когда они собирались вместе на великий праздник Адониса! И все же я, всю свою жизнь бывший жрецом Афродиты, никогда не был в ее храме и не присоединялся к тем, кто стекается к ней издалека, чтобы поклониться ей в этот радостный сезон. Воистину, богиня имеет все основания гневаться на меня, если я пренебрегаю ее заслугами. Добрая кормилица, позволь мне завтра пойти и присоединиться к процессии дев, и пусть я положу свою дань цветов перед ее алтарем, чтобы она благословила меня и спасла от злой судьбы".

Но старая кормилица была очень встревожена ее словами.

"Дитя мое, у тебя есть своя святыня в доме, где ты можешь возжигать благовония и возносить цветы Афродите. Она ответит на твои молитвы и отсюда, и из многолюдного храма в городе".

"Зачем же люди строят ей большие храмы с колоннами и стекаются издалека на ее праздники, если святыня у костра и простая молитва угодны ей не меньше? Она любит богатые дары, музыку и пение, и многих, склонивших головы перед ее образом. Ах, сестра, отпусти меня, отпусти меня".

"Дитя мое, зачем тебе идти, если ты знаешь, что мир может принести тебе только горе? Останься здесь со мной в мире".

"Нет, здесь нет покоя для меня. Афродита разгневана, и она убьет меня медленной и жестокой смертью, если я не справлю ее праздник в этом году. Должна ли я, ее жрица, оставаться в стороне, когда даже самые жалкие люди собираются в ее честь? Все эти годы я не уходила, и теперь она не оставит своей руки. Что же касается мира и его жестокости, то не бойся. Ты сама пойдешь со мной и будешь рядом со мной, пока я не присоединюсь к процессии жриц и девиц. Тогда я поднимусь с ними в храм, и среди них я буду так же далека от мира, как в этой башне. Я жажду стоять в огромном белом храме и слышать песнопения жрецов. Я хочу увидеть сверкающий образ богини, статую воскресшего Адониса, алтари с благовониями и цветами. Ах, сестра, отпусти меня, и весь остаток года, пока снова не наступит радостное время года, я буду жить с тобой в этой башне и больше не буду тосковать".

Она так жалобно просила, что у старой кормилицы не хватило духу отказать, хотя она и боялась, что из этого может выйти. Но она старалась утешить себя мыслью, что, возможно, дева права и Афродита убивает ее медленной и жестокой смертью за то, что она никогда не соблюдала свой торжественный день.

Следующий день выдался ярким и светлым, и Геро, глядя в окно, преисполнилась радости. На сером рассвете она поднялась и сидела, с тревогой глядя через узкое море на Абидос и низкую линию холмов на дальнем берегу.

"О Гелиос, - молилась она, - светлый и прекрасный, освети в этот день землю и наполни сердца всех радостью, ибо это торжественный праздник Афродиты и самый великий день в моей жизни".

И ее молитва не осталась без ответа. Медленно серый рассвет превратился в шафрановый, и золотой диск солнца поднялся над безмолвными холмами и рассеял перед собой розовеющие облака на север и юг. С радостным криком Геро отвернулась от окна и побежала будить старушку в другой комнате.

"Сестра, сестра!" - кричала она, - "солнце светит, и мир пробудился ото сна. Пора собирать розы и свежие от росы лилии и плести из них гирлянды для богини. Поднимайся, поднимайся и выходи со мной в сад".

Не дожидаясь ответа, она, спотыкаясь, спустилась по башенной лестнице и вышла в сад, а старая кормилица вздохнула и медленно пошла следом. Золотым утром они собрали розы и лилии, сплели их в гирлянды и букеты, а распустившиеся цветы собрали в корзины. Когда все было готово, они отправились в город. Хотя было еще рано, улицы были заполнены паломниками и людьми, спешащими то в одну, то в другую сторону к домам своих друзей и родственников. И все же, несмотря на суету и неразбериху, мало кому было недосуг обернуться и посмотреть на девицу и старуху, спешащих по дороге.

"Это Геба, спустившаяся с небесных кущ, - говорили они, - та, что дарует бессмертным богам вечную молодость и радость. Никто не может смотреть на ее лицо и грустить".

И действительно, весь солнечный свет утра отразился на лице Геро, так радостно было у нее на душе. Неудивительно, что люди оборачивались и смотрели на нее, ведь она шла как одна из Бессмертных, полная достоинства и грации. Ни одно зло не коснулось ее и не оставило своего следа в ее душе. Но в прекрасном саду она выросла до женского возраста, где ветерок шумел в платанах и волны бились о берег, а на холме за спиной высокие темные кипарисы молча наблюдали за ней. Ни одно сердитое слово не долетало до ее ушей, но пока она жила, любовь одного верного сердца защищала ее. И вот теперь, хотя она этого не знала, зов жизни пришел к ней, как приходит к каждому живому существу, и она с готовностью, с распростертыми объятиями ответила на него. Среди шумной городской толпы она была похожа на прекрасный цветок, который приносит в комнату беспокойного больного аромат залитых солнцем лугов и журчание танцующих ручьев. По дороге она весело смеялась и разговаривала со старой сиделкой, стоявшей рядом с ней, и то и дело из корзины, которую она несла, на землю падал цветок, и кто-нибудь из толпы быстро подхватывал его и клал себе на грудь, унося в сердце музыку ее смеха и солнечный свет ее глаз. Старая кормилица, увидев это, преисполнилась страха и поспешила дальше; но Геро не видела ничего подобного и не знала, что она отличается от других людей.

Наконец они достигли храма на холме и вошли в комнату, где должны были собраться жрицы и девы Афродиты; они облачили ее в длинные белые одежды и возложили на голову гирлянду. Когда все были готовы, они пошли и предстали перед жрецом храма, и он сказал им, в каком порядке они должны идти. Первыми шли маленькие дети, которые разбрасывали по дороге листья роз, а за ними - девы, игравшие на дудках и певшие гимн Адонису и Афродите. Далее шел сам жрец, а по обе стороны от него шли две девы и держали над головой большие веера из павлиньих перьев. За ним следовала длинная процессия жриц и девиц, благовоний и хранителей священных голубей. Последней шла Геро, неся в руках гирлянду из роз и лилий, чтобы возложить ее к ногам огромной белой статуи богини. Каждый год для этой цели выбирали самую прекрасную из дев, и во всей этой толпе юности и красоты не было никого прекраснее ее. Устремив взгляд на сверкающую статую, сияющую

из темной ниши над головами поклоняющихся, она шла как во сне. Над ней поднимался дым благовоний, и до ее слуха доносились низкие и далекие голоса певцов,

"Приветствую тебя, Афродита, пенорожденная королева любви! Адонис, все приветствуют тебя! Ты воскресла - воскресла в этот радостный день. Ни Смерть больше не держит тебя в своих темных владениях, ни Персефона не окутывает тебя туманами печального подземного мира. Но ты вернулся к дневному свету и цветам, и Афродита осушила свои слезы. И снова рядом с тобой, о прекраснейший из смертных, она бродит по зеленым полянам и гулким пещерам, по берегу серебряного моря. Радость ее любви зажгла свет летних солнц, и, подобно западному ветру в розах, ее дыхание нежно волнует сердца людей, а в глазах каждого живого существа отражается яркость ее улыбки. Слава тебе! Афродита! Адонис и Афродита, слава тебе!"

По мере того как они пели, хор дев расступался то в одну, то в другую сторону, и Геро шла между ними, неся в руках гирлянду. Когда она возложила ее к ногам статуи, процессия снова собралась, и под музыку и пение они прошли вокруг колоннады к святилищу Адониса, а за ними последовал весь народ. Геро шла как во сне, а когда процессия остановилась, свернула в небольшое углубление и прислонилась к колонне, чтобы отдохнуть; ведь ее роль была выполнена, а люди так тесно обступили ее в проходе, что она была рада отойти в сторону, пока процессия не двинется снова. Закрыв глаза, она вдыхала сладкий аромат ладана и цветов и слушала пение хора, воспевавшего любовь Адониса и Афродиты. Как Адонис, прекрасный пастух, прекраснейший из смертных, был любим царицей красоты, и все долгие летние дни они вместе пасли свои стада на тенистых склонах Иды. Но наступило время, когда жители страны устроили большую охоту и гнали кабана по рощам и долинам, пока не загнали его в зеленый лес; и первым из тех, кто бросился на смерть, был Адонис. Но весть в агонии обернулся к нему и пронзил его в бедро своим клыком, и, израненного до смерти, его последователи отнесли его и положили в тени дуба. С диким воплем Афродита опустилась на колени рядом с ним и попыталась вернуть его к жизни, но его голова безвольно упала ей на грудь. Красные капли его крови смешались с ее слезами, и обе они, упав на землю, превратились в цветы: его кровь - в пунцовую розу, а ее слезы - в бледный, поникший цветок ветра. По всему лесу и холмам эхом пронесся траурный плач: "Адонис, Адонис! Оплакивайте Адониса! Адонис умер". Но хотя дух его переплыл мрачную реку и скрылся в темных чертогах Аида, Смерть оказалась недостаточно сильна, чтобы удержать его. Голос его любви и голос Афродиты прозвучали вместе, и небо и земля, и весь мир мертвых были тронуты их молитвой. Даже сердце Плутона, чернобрового бога Смерти, было тронут, и он сказал, что только четыре месяца в году Адонис должен жить под землей, а остальные восемь он мог бы жить прежней жизнью с Афродитой при свете солнца. Поэтому он выбрал сезон цветущей весны, чтобы каждый год возвращаться к своей любви, и только холодные темные месяцы зимы он проводил в земле под землей. Так великая любовь победила и покорила даже черного властелина Смерти.

Когда Геро слушала эту известную историю, сердце ее дрогнуло, и она почувствовала, что если когда-нибудь полюбит, то ее любовь будет такой же, как любовь Адониса и Афродиты, - сильнее смерти; и она вздохнула, вспомнив, как ей придется одиноко прожить все свои дни в башне у моря.

Словно в ответ на ее вздох, она почувствовала легкое прикосновение к руке и, подняв голову, оказалась лицом к лицу с молодым человеком. Она уже собиралась в гневе отвернуться и вернуться на свое место в процессии, но взгляд его глаз заворожил ее: в них было столько огня и в то же время столько печали. На мгновение она замерла, глядя на него, и огонь его глаз, казалось, зажег еще один огонь в ее сердце и заставил запылать все ее тело. Горячая

кровь прилила к ее лицу, и она в смятении опустила глаза, а ее конечности задрожали, и она прислонилась спиной к колонне, чтобы получить поддержку.

"Прошу прощения, госпожа, - сказал мужчина, - простите мою грубость. Хотя вы меня не знаете, я знаком с вами уже много долгих лет и день и ночь молю богов о том, чтобы встретиться с вами лицом к лицу. Сегодня Афродита услышала мою молитву. Если я показался вам самонадеянным, простите меня. Это богиня заставила мою руку прикоснуться к тебе".

И он стоял перед ней со склоненной головой, ожидая ее ответа.

Она опустила глаза в смятении, и конечности ее задрожали, так что она прислонилась спиной к колонне.

"Кто ты, незнакомец?" - спросил Геро. "Ты, конечно, принимаешь меня за какую-то другую девушку. До сегодняшнего дня я никогда не ступала за пределы своей башни, а в это одинокое место не приходит ни один человек, и я никогда не говорила с такими, как ты".

"Меня зовут Леандр, - сказал незнакомец, - и я живу в белом Абидосе за водой. Я хорошо знаю твою одинокую башню, ибо, курсируя по делам отца между Сестосом и Абидосом, я прохожу под ее стенами и изо дня в день вижу, как ты сидишь у своего окна и смотришь на море. Ах, госпожа, не сердись на меня! В первый день, когда я увидел вас, ваша красота воспламенила мое сердце, и с тех пор я живу только для вас".

"Странно волнуют меня ваши слова, сэр", - ответила Геро. "Я не знаю, что ответить тебе".

"Значит, ты не сердишься?" - воскликнул он. "Ты позволишь мне сказать о своей любви? Ах, дева, все эти годы я любил тебя с искренней сердечной преданностью! Если бы моя любовь нашла хоть слабый отклик в твоём сердце, я был бы доволен".

И он поднял к ее лицу глаза, полные надежды и радости. Но она откинула голову, чтобы скрыть ответный огонь своих глаз.

"Увы, сэр! - сказала она, - мое сердце не должно биться ни для одного живого человека. Я обречена одиноко жить в этой башне все свои дни, ибо если я выйду в мир, то умру от проклятия Небес раньше срока".

"Я слышал вашу историю, леди; ведь даже о самых тайных вещах ходят слухи. Далеко от того, чтобы навлекать проклятие на твою голову. Если бы ты могла подарить мне свою любовь, тебе не было бы нужды появляться на свет. Я уже думал об этом. Каждый день мы жили бы так, как жили до сих пор. Но по ночам, когда никто не будет скучать по мне, я буду приходить к тебе. Ни одна живая душа не должна знать моей тайны - ни безжизненные доски моей лодки, ибо даже тупая древесина может рассказать историю, если понадобится. Вот эти две руки понесут меня. Не бойтесь, леди. Они не раз переносили меня через это узкое море из любви к спорту. С вами в качестве приза они пронесут меня вдвое дальше".

Он протянул их ей, и действительно, это были прекрасные руки, а его лицо и фигура ничуть не позорили их.

Тогда Геро подняла глаза и посмотрела ему прямо в лицо.

"Леандр, - сказала она, - я не знаю, какие чары или волшебство ты применил, но я как глина в твоих руках. Не слова твои покорили меня; в твоих рассуждениях я могу найти множество изъянов. Хотя еще час назад я никогда не видел тебя, теперь мне кажется, что я знал тебя всегда и что жизнь в разлуке с тобой была бы хуже смерти".

"Ах, Геро!" - воскликнул он и взял ее руку в свою; "Боги услышали мою молитву. Хотя глаза твои никогда не видели меня, голос моего сердца давно дошел до тебя, и душа твоя вышла навстречу моей. В ответ на мой зов ты пришла сегодня на праздник, ибо я молил Афродиту тронуть твое сердце, иначе я не знал бы, как мне говорить с тобой. Этой же ночью, возлюбленная, я приду к тебе, и свет, который ты горишь в своей комнате, будет моей путеводной звездой".

"Ах, как бережно я прилажу этот факел сегодня ночью!" - сказала она, - "чтобы он ярко горел для тебя. Каждый вечер я ставлю его там как маяк для кораблей, проплывающих в ночи; но сегодня он будет гореть для тебя - для тебя одной".

Служба перед святилищем закончилась, и вереница людей снова двинулась в путь. В последний раз взглянув друг на друга и сжав руки, они расстались, и Геро вернулась на свое место в процессии.

Когда все закончилось, старая кормилица поспешила в опочивальню. В толпе внутри храма она потеряла Геро из виду, и сердце ее было полно страха за девицу. Помогая ей отложить праздничные одежды и гирлянду, она с тревогой смотрела на нее.

"Довольна ли ты тем, что вернешься домой со мной, дитя мое, - спросила она, - или тебя околдовал мир?"

"Ах, няня!" - радостно воскликнула она, - "никогда, никогда я так не любила свою башню. Давайте поспешим домой, и в тишине вечера я расскажу вам о том, чем полно мое сердце".

Старая дама обрадовалась, увидев, что она так готова идти домой, и они молча поспешили по людным улицам. Когда солнце зашло за холмы, а тени на склонах сада опустились прохладные и длинные, Геро села у ног своей кормилицы и рассказала ей историю любви Леандра и о том, как в эту ночь они станут мужем и женой. Закончив рассказ, старуха взяла ее лицо в свои руки и посмотрела ей в глаза.

"Герой, - сказала она, - этого не может быть. Я не оправдала доверия. Я прислушалась к твоим мольбам и выпустила тебя в мир, и теперь через этого человека исполнится проклятие богов. Не думай больше о нем. Пусть этот день пройдет для тебя, как будто его и не было, и ты еще сможешь избежать своей гибели".

Но Геро вскочила на ноги.

"Что! - вскричала она, - ты хочешь лишить меня единственной радости в жизни, когда я только что обрела ее? Никогда! Проклятие или не проклятие, но Леандр будет моим суженым. Ах, сестра! - добавила она, снова падая на колени, - я думаю, что над всеми радостями жизни боги нависли проклятием, и не нам, бедным смертным, выбирать между ними. Мы должны взять и то и другое и жить, или ни то ни другое и быть мертвыми все наши дни на земле. Теперь ты не сможешь удержать меня; я выбрала свой жребий".

Ничто из того, что могла сказать старая дама, не могло изменить ее намерения, но с сердцем, полным радости, она надела свои самые яркие одежды и села у зажженного факела в своей комнате, глядя на море и ожидая ночи. Верный своему слову, Леандр пришел, как только наступила темнота, и старая дама впустила его через башенную дверь. Она осторожно заслонила лампу рукой, чтобы свет падал на его лицо и можно было разглядеть, что он за человек. Он высушил себя, как мог, листьями и травой из сада, но его волосы висели влажными пучками на голове, а туника облепила его. Но, несмотря на все это, он был прекрасен на вид - настоящий бог силы и красоты. Увидев его, старая дама обрадовалась: ведь он преодолел опасности и неудобства, чтобы завоевать невесту, и при этом был достойным мужчиной, достойным такой прекрасной девы, как Геро. Она проводила его наверх и переодела, а когда он был готов, отвела в покои Геро. Там перед святилищем Афродиты они скрепили свои узы, и лишь одна верная душа была свидетелем их клятв, а музыка ветра и волн была их брачным гимном. Ночь пролетела для влюбленных на крыльях молнии, и слишком скоро им пришлось проститься, ведь еще до рассвета Леандр должен был добраться до дальнего берега. Но расставание было сладкой печалью для тех, кто так скоро встретится снова.

Так в течение многих дней их жизнь текла гладко. Каждую ночь Геро зажигала свой факел, каждую ночь Леандр ориентировался на его свет и, верный своему слову, переплывал узкое море, разделявшее его с женой. К щекам Геро вернулся цвет, а к глазам - яркость, и она больше не жаждала покинуть башню и выйти в мир. Увидев, как она счастлива, старая дама

обрадовалась, что все так сложилось, и стала молиться, чтобы еще долгие годы боги благословляли их супружескую любовь.

Тем временем Леандр думал, что никто не знает о ночном путешествии, кроме Геро и ее кормилицы, но, несмотря на всю его скрытность, была одна, которая каждую ночь следила за ним с такой же тоской, как и сама Геро. В глубинах синего Эгейского моря живут дочери Нерея - прекрасные нимфы океана. Весь день они играют под водой, танцуют рука об руку на желтых песках и в морских впадинах, усыпанных ракушками. А ночью, когда глаза людей темнеют, они поднимаются над водой и, прижавшись к лону волн, плавно покачиваются в такт летнему воздуху; и белый блеск их рук - это блеск ряби в лунном свете. Но когда над морем проносится дикий штормовой ветер, а небо темнеет и опускается, они забывают о своих страхах, и их охватывает безумие. Тогда они гоняются друг за другом по черным водам с развевающимися на ветру дикими локонами, и горе тому, кто окажется в открытом море, когда nereиды танцуют в бурю, ибо их танец - это танец смерти. Огонь молний пылает в их жилах, когда они летят на крыльях вихря, и куда бы они ни летели, волны шипят за ними белым и злобным шипением. На гребнях бурь они поднимаются и опускаются, и голосом штормового ветра они громко кричат и призывают все сущее присоединиться к их танцу; и они прыгают на палубы рождающихся кораблей, и мужчин, женщин и детей они сжимают в своих жестоких белых объятиях, взывая: "Идите, танцуйте с нами над морем". С силой, которой никто не может противостоять, они несут их прочь, кружат в танце Смерти, пока они не повисают безжизненными в их руках. Затем они отбрасывают их в сторону, ни о чем не заботясь, чтобы их выбросило на берег в слабом утреннем свете или чтобы они погрузились в безымянную могилу в глубинах океана. Где бы они ни проходили, за ними остаются обломки и руины; но они мчатся дальше, пока буря не утихнет, и они в изнеможении опускаются к своему дому в море. Иногда в спокойных зеленых водах внизу они находят тела тех, кого утопили в своем неистовстве, но они их не знают; ведь все, что они делали, когда дух бури был на них, они забывают, и это уходит из их памяти, как уходит сон на рассвете. Поэтому, когда они видят тела, лежащие неподвижно и безжизненно, они зовут их подойти и поиграть с ними воде, а когда не получают ответа, подплывают ближе и обнаруживают, что глаза их закрыты. Тогда они понимают, что, сколько бы они ни звали, им никогда не ответят, потому что они узнали, что те, чьи глаза закрыты, не имеют ни жизни, ни голоса, а подобны скалам и камням. Но nereиды не знают ни сна, ни смерти, и когда они смотрят на мертвого, то думают, что он всегда был таким; и они не скорбят и не плачут о нем, ибо боги создали их не для скорби, а для того, чтобы они приносили красоту, куда бы они ни шли, и превращали все нечистое в прекрасное. И они собирают раковины и яркие водоросли, и покрывают тело, где оно лежит, и оно спит в красоте и покое в морских впадинах.

Одна из этих nereид увидела Леандра, когда он каждую ночь переплывал Геллеспонт, и полюбила его за красоту и захотела иметь его своим товарищем по играм. И вот она подплыла к нему на гребне танцующих волн и тихонько позвала его,

"Дитя зеленой земли, иди, иди со мной, поиграй со мной и моими сестрами в глубинах синего Эгейского моря".

Но он не видел ее и не слушал ее мольбы, ибо глаза его потемнели. Для него блеск ее рук был лунным сиянием на воде, а звук ее голоса - западным ветром на волнах.

Тщетно следовала она за ним по каналу, а когда он поднялся в башню, села внизу на камень и стала ждать, когда он появится в окне; и увидела Геро, сидящую у факела и ожидающую своего возлюбленного, и услышала ее радостный крик, когда она побежала приветствовать его, когда он пришел. Тогда она снова тихонько позвала их,

"О дети зеленой земли, придите и поиграйте со мной . Я увенчаю ваши головы белыми морскими жемчужинами, и вы сядете на коралловые троны под волнами, и будете царями и царицами над всеми морскими нимфами".

Но, стоя рука об руку у окна, они не видели ее, а слышали лишь шорох ряби на берегу. Так и просидела она всю ночь, тщетно вызывая к ним. Перед рассветом седого утра Леандр спустился вниз и, дойдя до берега, повернулся и позвал,

"Прощай, Геро!"

И Геро, высунувшись из окна, ответила,

"Леандр, прощай!"

Так морская нимфа узнала их имена и каждую ночь сидела, грустно зовя их, а они ее не слышали.

Но однажды ночью все небесные ветры ослабли, с диким воплем пронеслись над водами и разбушевались белыми волнами. Гром с оглушительным треском разнесся по холмам, а бледные вилообразные молнии озарили небо от востока до запада. С белыми щеками и сердцем, полным страха, Геро опустилась на колени перед святилищем в своих покоях и стала молить богов о милости к морякам в море, а главное - о том, чтобы Леандр не отправился в путь до того, как началась буря.

Тем временем Леандр с другой стороны видел приближение бури и прекрасно знал, что при сильном волнении моря ни один человек не сможет переплыть канал и добраться до другого берега живым. Поэтому он сидел у окна и с нетерпением ждал, когда шторм утихнет и рассветет, ведь ночь без Геро была для него сущим несчастьем. Через ручей он видел, как в штормовом ветре неровно горит факел.

"Дай боги, чтобы она не сочла меня неверным, - сказал он, - за то, что я не пошел к ней этой ночью".

Пока он сидел и смотрел, буря становилась все более дикой и страшной. В бурлящих водах Нереида танцевала с безумием бури в сердце, вздымаясь и опускаясь над гребнями волн, и штормовой ветер свистел в ее волосах. В отблесках молнии она протянула руки к берегу и позвала,

"Приди и танцуй со мной. Леандр, о Леандр, приди!"

Когда она позвала, восточный ветер с диким воплем пронесся по воде и задул свет маяка в покоях Геро. Леандр из своего окна увидел, как бледный свет исчез и больше не возвращался. Ослепительная вспышка молнии пронзила небо, а раскаты грома звучали так, словно рушились земные горы. Тогда дух бури настиг и его, и он услышал голос морской нимфы, вызывающей с диким, неземным воплем,

"Леандр, о Леандр, приди!"

И ему показалось, что это голос Геро, зовущей его в смертельную опасность. Возможно, молния ударила в ее башню, и она, развалившись на куски, понесла ее вместе с падающими камнями в бурлящий внизу поток. В безумном исступлении, не зная, что делать, он бросился в бурлящие воды и боролся с волнами с силой отчаяния. С диким криком радости морская нимфа подхватила его на руки. "Наконец-то, наконец-то ты услышал мой зов", - сказала она.

Она несла его вверх и вниз по шипящим волнам, то погружая в спокойную зеленую воду внизу, то кружась в водовороте, то перепрыгивая с гребня одной белой волны в кипящую пену другой, пока он не обмяк и не задохнулся в ее объятиях. Она не обращала на него внимания, но несла его все дальше и дальше по воде, пока они не оказались под башней Героя. Тогда, поднявшись на гребень бьющихся о стену волн, она позвала,

"Присоединяйся к нам в танце бури! Приди, Герой, Герой!"

Под дуновением восточного ветра жгучая пена билась в окно, словно стуча в дикой тревоге, и эхо крика морской нимфы донеслось до девы, стоявшей на коленях перед святилищем. Охваченная ужасом, она бросилась к окну и посмотрела вниз на бурлящую воду. По небу пронеслась яркая вспышка молнии, и на мгновение все вокруг стало светлым как день. На лоне набегающей волны она увидела Леандра с беспомощно раскинутыми руками и откинутой назад безжизненной головой, а над ним стояла морская нимфа в одеянии из пены. С криком отчаяния Геро вскочила на подоконник и нырнула в ревущие волны, и, обняв Леандра, тоже закружилась в пляске Смерти, пока буря не утихла и нимфа не опустила их бок о бок на дно голубого Эгейского моря. Там, верная своему слову, она усадила их на коралловые троны, вплела в их волосы белые морские жемчужины, а со временем извилистые водоросли и цепкие океанские цветы соткали для них прекрасный саван, и их тела спали бок о бок в прекрасных океанских глубинах. Так исполнилось проклятие богов.

Но было ли это действительно проклятием или благословением, кто скажет? Ведь они жили и любили любовью, прославившейся среди людей, и умерли бок о бок. И разве не говорит нам поэт об островах блаженных, где вечно пребывают души храбрых и верных, где всегда дует яркий и свежий ветерок, сияют золотые плоды, а пунцовые луга перед городом полны тени ладанных деревьев? В той далекой стране нет ни смерти, ни разлуки, ни печали, ни слез, а те, кто был верен на земле, живут вечно бок о бок. Если поэт прав, Геро и Леандр там вместе, где их не настигнет никакая буря и никакое море не разлучит их никогда.

Жертвоприношение Алкестиды

I

Давным-давно, когда коварный царь Пелиас правил на Иолхосе у моря, пришел его племянник Ясон и попытался отвоевать у него землю, принадлежавшую ему по праву. Но Пелий отговорил его хитрыми словами и отправил в Колхиду на поиски Золотого руна, решив, что так он никогда больше не увидит его лица. Тогда Ясон, храбрый и крепкий сердцем, не боявшийся ни людей, ни зверей, разослал по всей земле воззвание, призывая всех, кто любит приключения, присоединиться к нему на добром корабле "*Арго*" и плыть с ним за Золотым руном. Со всех концов Эллады стекались герои и сыновья бессмертных. Среди них был и Адмет из Фере, в самом расцвете сил, и, отправившись с аргонавтами, он преодолел все ужасы этого страшного плавания и сел за весла, как человек, оказавшийся посреди смертельной опасности.

После долгих дней остатки героев, отплывших с Иолхоса, вернулись с Золотым руном и, стоя перед гордым Пелиасом, положили его к его ногам. В большом зале дворца он принял их, восседая на своем троне: по правую руку от него сидела Филомаха, его жена, а вокруг него стояли его дочери, Пейсидицея и Астеропея, Гиппотейя, Эвадна и Алкестиды - девы, красота которых порадовала бы сердце любого отца. Но прекраснейшей из прекрасных, как луна среди звезд, была Алкестиды. Когда Адмет взглянул на ее лицо, сердце его преисполнилось любовью к ней, и он дал великую клятву, что будет жить и умрет неженатым, иначе возьмет в жены Алкестиду.

Когда Пелий приветствовал аргонавтов, он велел приспешникам накрыть столы в зале, и вскоре царь с сыном Акастом и всем мужским населением сидели вместе с героями за хорошо накрытым столом. К колонне прислонился менестрель, который пел о великих делах и героях, о том, как добрый корабль *Арго* сражался с ужасами морей; а дочери Пелиаса несли вокруг сладкое темное вино в флаконах и наполняли золотые кубки. Алкестис выпало наполнить кубок Адмета, и когда он протянул его ей, их глаза встретились, и она покраснела под его взглядом и попыталась скрыть свое смущение в складках вуали. Она досадовала на себя за этот румянец и на него - за то, что он вызвал его. И все же сердце ее учащенно билось, и биение это не было вызвано гневом, ибо Адмет был достойным мужчиной в расцвете сил, плавал в открытом море и видел опасность лицом к лицу, а восхищение храбрым мужчиной всегда дорого женскому сердцу. И когда Адмет снял со своей груди локон Золотого руна, подаренный ему Ясоном на память, и протянул ей, она не отказалась, а взяла его и спрятала в складках своего платья, а когда Адмет уходил, доставала его и вздыхала, глядя на него.

Когда Адмет увидел, что она не пренебрегает им, он обрадовался, набрался храбрости, пошел и предстал перед царем, ее отцом, и смело попросил ее руки. Когда он заговорил, чело царя омрачилось, ибо он не любил ни Ясона, ни кого-либо из его дружины. Он послал их, как ему казалось, на смерть, а теперь они вернулись домой, чтобы отнять у него королевство и отдать его законному наследнику. И он стал искать оправдание, ведь Адмет был благородного происхождения и наследник великого царства, и он не мог сказать ему "нет" без веской причины. В тревоге он вспомнил о древнем прорицании, которое произнес прорицатель, когда Алкестис лежала младенцем на груди матери. До сих пор он не обращал на это внимания и считал прорицателя безумным пророком, чьи слова не имеют никакого значения. Но теперь, когда они могли послужить ему в нужде, он притворился, что всегда хранил их в сердце и намерен следовать им.

"Юноша, - сказал он, - тот, кто хочет посвататься к моему ребенку Алкестиде, должен свататься и завоевать ее так, как велят боги. Когда она лежала на руках у своей матери, пришел пророк, встал над ней и сказал: "Дитя злой судьбы! За кого бы ты ни вышла замуж, горе твоей супружеской жизни, если твой господин не приедет, чтобы увезти тебя на колеснице, запряженной львом и вепрем". Так говорил пророк богов, и слова его непременно сбудутся. Не думай же, что я отдам свою дочь несчастью, и что тебе достаточно взглянуть на ее красоту и возжелать ее, чтобы получить ее в свое владение. Нет, уходи и подумай, как тебе удастся так обмануть сердце льва, чтобы он покорно шел в ярме рядом со своей законной добычей. Тогда, и только тогда, когда ты приедешь за рулем этой странной пары, ты получишь Алкестиду в жены".

Опечалился Адмет, услышав слова царя, и с грустью отправился домой, в залы Фереса, своего отца, ибо думал он, что не под силу это смертному человеку и что всю жизнь ему придется жить в одиночестве души, не имея в женах Алкистис.

Услышав о возвращении сына, Ферес и Периклимена, его жена, вышли приветствовать его, припали к его шее и обняли его со слезами радости. Был приготовлен большой пир, от алтарей богов поднимался к небу ароматный дым жертвоприношений, и все люди вместе радовались возвращению героя, которого послала их земля.

После окончания пира и веселья Ферес отозвал сына в свои покои и сказал,

"Сын мой, пока ты был в чужих краях, рука Времени тяжело обошлась со мной. Колени мои слабеют, волосы поседели от старости, а все силы ушли. Год от года мне все труднее ездить среди своего народа, а люди на дальних рубежах больше не знают моего лица, и я не могу сказать, все ли у них хорошо. Пора мне отдать корону и скипетр молодому, и ты показал себя достойным править. Прими из моих рук королевство, чтобы мы с твоей матерью могли провести наши последние годы в мире. Могучее царство воздвиг я для тебя, достойное могучих царей. Итак, позаботься о том, чтобы взять в жены какую-нибудь принцессу из царского дома и воспитать сына, который будет править страной, когда ты умрешь".

И ответил Адмет,

"Царство я приму от тебя с радостью, отец мой, и буду править им хорошо и мудро, пока боги будут давать мне силы. Но что касается того, чтобы взять себе жену в моих залах, этого я никогда не смогу сделать".

Тогда он рассказал ему о своей любви к Алкестиде и о том, что никогда не сможет надеяться завоевать ее. Но отец рассмеялся и покачал головой.

"Это путь горячего юноши - думать, что во всем мире только одна женщина обладает прекрасным лицом и яркими глазами. Время и красота другой женщины излечат твой недуг, не бойся".

"Время и другая женщина могут довести меня до смерти, - горячо ответил он, - но никогда я не вступлю в брак ни с одной девой, кроме одной лишь Алкестиды, которую я люблю".

И он в гневе вышел из комнаты. Но Ферес засмеялся еще громче.

"Воистину, молодая кровь во всем мире одна и та же", - сказал он.

Так Адмет стал царем Феры и правил вместо своего отца; и от берегов моря под Пелионом до земли молоссов, горцев Дальнего Запада, его имя было в почете среди его народа; ибо в его дни в стране царил мир, и долины были усеяны кукурузой, а у текущих вод Боэбе пастухи играли на своих трубах, а их стада бродили по зеленым лугам. Ни один чужестранец не отворачивался от дверей дворца, но, каким бы бедным и оборванным он ни был, его принимали с радостью, пировали в залах и провожали в путь добрыми словами. Так и повелось, что по всей Элладе, когда люди говорили о веселье и гостеприимстве, они всегда поднимали кубок в честь Адмета, самого доброго из хозяев, одинаково любезного как для богатых, так и для бедных.

II

Однажды, когда Адмет сидел за мясом в большом зале вместе со своими родителями и всеми домочадцами, случилось событие, изменившее всю его жизнь. Внутри ярко горел огонь в очаге, а факелы на стенах посылали веселые отблески сквозь тенистый простор. Но снаружи ветер завывал по углам дворца, словно фурии в гневе, и вскоре стихал до всхлипов и стонаний, а дождь хлестал по стенам, как кнут разъяренного погонщика, подгоняющего своего скакуна. И вот из мрака бури появился человек, который стоял в дверях большого зала и оглядывал собравшихся. Должно быть, в тот день он прошел немало миль под напором шторма, потому что с головы до ног был забрызган грязью, а с его потрепанного плаща ручьями стекала вода, образуя на полу лужицу. В руке он держал посох; с ремня на его теле свисал странный инструмент, какого никто в зале прежде не видел; он гордо поднял голову и бесстрашно смотрел вокруг себя, так что при всей своей жалкой одежде он казался не обычным нищим, а молодым королем во всей его гордости. Люди замолчали, глядя на него, ибо глаза его сияли странно ярко, а в полумраке дверного проема его рост казался больше, чем у смертного человека. Насытившись и увидев, где сидит Адмет, он большими размашистыми шагами пересек зал, подошел и встал перед ним. Пока он шел, люди молча смотрели ему вслед, ибо не было более справедливого корабля, бегущего по ветру, чем он.

"О царь, - сказал он, и голос его прозвучал в зале чисто и мягко, - я стою перед тобой просителем, и рука моя красна от крови. Скажи, примешь ли ты меня в своих залах или отбросишь в бурю и тьму?"

И Адмет изумился его словам.

"Кто ты, чужеземец, чтобы обращаться с такой дерзкой просьбой? Когда рука человека запятнана кровью, он должен идти к алтарям богов, чтобы очиститься, а не приносить грязь во дворцы царей".

"Мое имя тебе лучше не знать, как и то, что я совершил. Пусть тебе будет достаточно того, что я скажу: еще не воздвигнуты алтари того бога, который имеет силу очистить меня от вины за

кровь. Я сам должен очиститься, и в течение двенадцати лун я должен служить смертному человеку. Возьмешь ли ты меня в свои пастухи - да или нет?"

На это Адмет изумился еще больше и пристально посмотрел в лицо незнакомцу, но глаза его упали под бесстрашным взглядом другого, как глаза собаки под взглядом хозяина; и он не ответил ему ни слова, ибо чувствовал, что мысли его сердца написаны под этим пронзительным взглядом так же ясно, как письма на скрижали. Тогда он подал знак своим слугам, и те вывели незнакомца, искупали его в теплой воде и, помазав, облачили в свежий виссон и шелковую тунику. Когда все было готово, они привели его обратно в зал; и если люди и раньше дивились его красоте, то теперь, глядя на него, их удивление удвоилось.

Насытившись мясом и вином, незнакомец обратился к Адмету и сказал,

"Мой благородный хозяин, как бы я хотел хоть в малой степени отплатить тебе и твоим домочадцам за доброту к страннику и просителю. У меня есть небольшое умение петь, и я смастерил себе инструмент, на котором играю сладостные гармонии, обрамляющие мелодию моей песни, как золотая оправка драгоценный камень. Разреши ли мне петь перед тобой в твоих залах?"

Когда Адмет склонил голову, незнакомец снял с пояса диковинный инструмент. Корпус его представлял собой полый панцирь черепахи, в обод которого были хитроумно вделаны два витых рога, соединенных в верхней части серебряной лентой. Пространство между лентой и крайним краем панциря пересекали семь золотых струн. С любовью провел он пальцами по струнам, и аккорды мягко и верно прозвучали в тишине зала, когда он сыграл прелюдию к своей песне, а затем возвысил голос и запел. Он пел странную, сладкую песню, какой никто из присутствующих никогда не слышал, но в глубине души каждый из них чувствовал, что знал ее еще до своего рождения. Ведь песня, которую пел незнакомец, была той самой песней, которую впервые спели звезды, когда зародилась вселенная и свет возник из тьмы. Мелодия, которую они создали в тот день, звучит до скончания веков. Музыканты, художники, поэты и те, кого любят боги, слышат ее и поют, каждый по-своему, для тех, кто забыл ее звучание. В глубине сердца каждого человека она лежит беззвучно, пока хотя бы раз в жизни рука божественного музыканта не заставит аккорды вибрировать и не откроет уши души, чтобы услышать небесные созвучия. Именно такую песню пел незнакомец, и люди затаили дыхание под его чарами и, вглядываясь в раскаленное сердце костра, видели странные сны и видения. Проснулись от сна и собаки, подползли ближе к музыке и, опустив головы на лапы, немигающими глазами смотрели на певца; и волшебный трепет пробежал по кругу слушавших, как людей, так и зверей, и соединил их души в одну, так что они почувствовали, что жизнь во всех них одна. Когда песня закончилась, воцарилась тишина - даже буря снаружи перестала бушевать; и время замерло, пока каждый сидел неподвижно на своем месте, с сердцем, слишком полным для речи. Но в конце концов чары были разрушены, и со вздохом и шепотом они удалились в свои покои, пока Адмет и незнакомец не остались лицом к лицу перед очагом.

"О божественный музыкант, - сказал Адмет, - я не знаю, кто ты. Знаю только одно: я мог бы поклониться тебе за божественную красоту твоей песни, следовать за тобой и служить тебе все мои дни".

"Нет, о царь; мне суждено служить тебе, и быть твоим слугой целый год. Завтра я отложу этот шелковый дублет, надену платье, соответствующее моему положению, и отправлюсь вместе с другими пастухами твоих стад".

"О чужеземец, этого не может быть. Кто я такой, чтобы ты был моим слугой?"

"Ты тот человек, который не отвращает странника от дверей своих, хотя руки его, как и мои, красны от крови. Что же касается меня, то я должен совершить свое очищение, как я уже говорил тебе. Ибо кровь - моя вина, хотя я и не согрешил в пролитии ее. Но даже сам Зевс, как ты знаешь, не достиг мудрости и могущества, если не боролся с силами, менее мудрыми, чем он. Счастлив я, если служением праведному человеку смогу очиститься".

С этого дня незнакомец стал пастухом в залах Адмета, и ничем не отличался от других слуг. Одетый в грубую домотканую одежду пастуха, он уходил на рассвете со стадами, а на закате возвращался и садился среди своих товарищей за нижний стол. Сердца всех домочадцев теплели к нему, и казалось, что в его присутствии не может жить ни одна злая вещь; ибо если возникала ссора или распря языков, то один взгляд незнакомца выбивал весь дух из сражающихся, и дело замирало между ними, как мяч у ног вялых игроков - казалось, он мог читать самые мысли их сердец, и вся злость и недоброжелательность увядали в солнечном свете его присутствия, как веточки, не имеющие корня. Рассказывали странные истории о том, как он пас свои стада, ибо парни-пастухи, отправлявшиеся с ним на рассвете, ложились у его ног в тенистой роще, пока стада паслись рядом; а он брал свою лиру и пел им обо всем на небе и земле, и при звуке его голоса сердца всех живых существ приходили в движение. Со скалистых высот Отриса спускался лев и кланялся ему в ноги бескровными клыками, а пятнистые рыси резвились со стадами. Робкие оленята, забыв о страхе, покидали укрытие высоких сосен и танцевали вокруг его лиры на сказочных ногах, ибо волшебство его пения роднило весь мир, а лук и стрелы в те дни были отброшены, и на высотах не стояли сторожа, охранявшие стада от хищных зверей. Но стада росли и множились, и земля давала богатые урожаи кукурузы и фруктов, и на всей земле был мир. Так Адмет любил и почитал своего странного пастуха превыше всех своих товарищей, советовался с ним и во всем следовал его советам.

III

Тем временем в Иолхосе на берегу моря умер старый царь Пелиас. Его сын Акаст вступил на престол и, по обычаю, устроил в честь отца большие игры. По всей Элладе он разнес весть об этом и велел всем сильным мужчинам прийти и принять участие в состязаниях по бегу, борьбе и метанию квоита. Победителям в каждом состязании он предлагал отдать в жены одну из своих сестер, но для Алкестис он сделал состязание вдвойне трудным, ибо она была самой прекрасной и благородной из дочерей Пелиаса, и он знал, что женихи будут стекаться к ней, если поставленная перед ними задача не окажется практически невыполнимой. Поэтому он постановил, что тот, кто завоюет ее, должен в этот день показать себя самым могучим из всех мужчин на поле, и, кроме того, он должен приехать, чтобы увезти свою невесту на колеснице, запряженной львом и вепрем, ибо так приказал царь, ее отец, повинаясь словам пророка.

Когда Адмет услышал эту новость, огонь его любви к Алкестиде разгорелся, и ему показалось, что он может покорить весь мир, чтобы завоевать ее. В ту ночь, ложась спать, он мечтал только о ней и о том, как все люди будут изумляться, когда увидят его, везущего ее на колеснице, запряженной львом и вепрем. Как он будет обучать эту странную пару, он не знал, но чувствовал, что Алкестис не из тех, кому боги суждено прожить без брака все свои дни. Со всех концов Эллады будут стекаться люди, чтобы посвататься к ней, и наверняка из всех найдется тот, кто совершит этот подвиг, и почему бы ему не стать этим человеком? Так рассуждал он и видел сладкие сны о любви и счастье. Но - может ли быть, что сладкие грезы отнимают у человека сердце, потому что во сне ему открываются видения, которые наяву кажутся лишь тенью, и он жаждет снова их обрести без труда и трудов, которые только на земле могут принести человеку счастье, - несомненно, что, проснувшись, Адмет

почувствовал, что задача безнадежна и что все его усилия напрасны. Сердце его было в смятении; тоска по Алкестиде была сильна, как никогда, но уверенность в том, что он ее завоюет, исчезла. Он вышел в лес и, бросившись на траву у ручья, угрюмо заглянул в темную глубину водоема. Безмолвная тишина так его взбесила, что он бросил туда камешек и смотрел, как он медленно тонет, чувствуя, что это образ его собственной жизни. Час или больше он просидел там, играя с камешками и водой, с тяжестью на сердце и поддаваясь нездоровым фантазиям. В конце концов его вывели из задумчивости звуки музыки вдалеке. Медленно приближаясь, из тени деревьев вышел странный пастух, играющий на своей лире, а за ним - его стада и дикие обитатели леса. Не говоря ни слова, он подошел и сел рядом с Адметом у кромки воды, а животные расположились вокруг. Затем он сменил ключ своей песни с веселого танцевального на торжественный, и темой его песни стала любовь - как любовь, если бы она была только сильной и чистой, могла бы покорить весь мир и совершить немыслимые подвиги. Когда Адмет слушал его, буйство его сердца утихло, и в его груди вновь распустился цветок надежды - не призрачный цветок, возникающий из праздных мечтаний, а яркий живой цветок, корни которого крепко укоренены в воле к свершению и смелости ради обещанного приза.

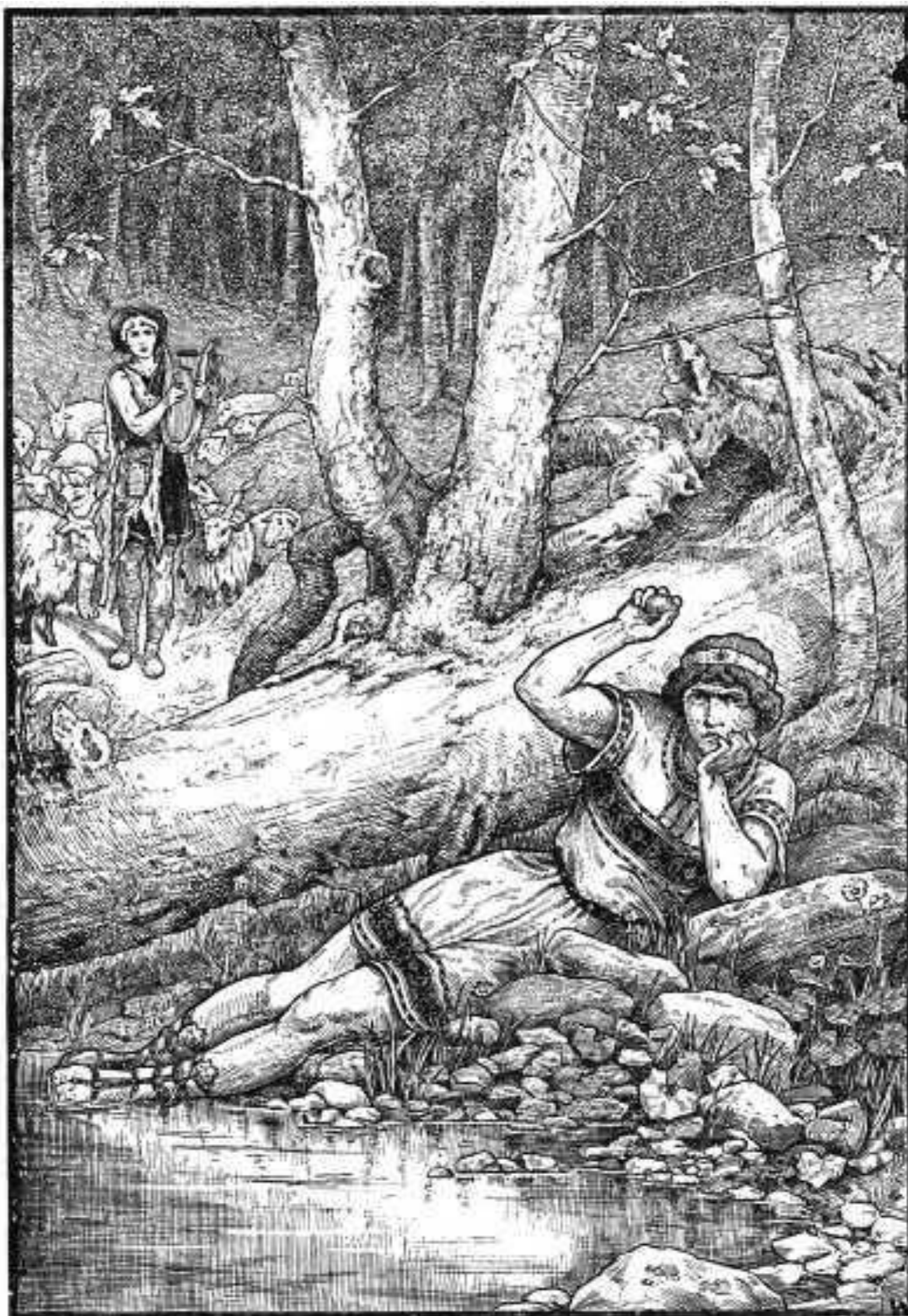
Закончив свою песню, пастух отложил лиру и взглянул на Адмета.

"Любишь ли ты эту деву всем сердцем и душой, Адмет?" - спросил он.

"Я готов сразиться со всем миром, чтобы завоевать ее", - ответил тот.

"Положишь ли ты за нее свою жизнь?"

"Зачем требовать столь ничтожной жертвы? Моя жизнь без нее была бы ничтожной".

Из тени деревьев вышел странный пастух, играя на своей лире.

Пастух снова взглянул на него и, казалось, прочел его душу.

"Я верю, что, если бы смерть стояла перед тобой, ты бы с радостью умер за нее. Тогда отправляйся и завоюй свою невесту, а я помогу тебе всем, чем смогу. Если ты выступишь первую часть испытания, я позабочусь о том, чтобы ты не потерпел поражения и во второй".

"Господин, - вскричал Адмет, - что ты имеешь в виду?"

"Пойди, запишись в списки для Алкестиды и покажи себя лучшим в поле в этот день. Когда же тебя провозгласят победителем и предложат прийти за невестой, как завещал ее отец, смело отвечай, что на следующий день в полдень ты приедешь на колеснице, запряженной львом и вепрем, и увезешь ее в свою страну. Тогда поспеши один в лес, что лежит на дороге в Фере, в пяти милях от Иолхоса, и там, у храма Гекаты, ты найдешь меня и готовую колесницу, запряженную в нее. Веришь ли ты, что я могу это сделать?"

"О господин, разве не вижу я перед собой льва, смиренно лежащего возле овцы, и волка возле ягненка? Как же я могу сомневаться в твоей силе?"

"Да будет так. Я хочу дать тебе один совет: в день твоего триумфа не забывай богов".

"С юных лет я почитал богов, о чужеземец. Как же в день моего триумфа я должен забыть их?"

"Да избавят они тебя в час богатства твоего, Адмет, и сохранят от слепоты и черствости сердца! Прежде всего, когда ты будешь возвращаться домой с невестой, остерегайся, чтобы в спешке не пройти мимо алтаря Гекаты без молитвы. Могущественна богиня, в ее руках жизнь и смерть. Солнце своими радостными теплыми лучами освещает лоно земли, вырывает из ее груди молодую кукурузу и любящей рукой окрашивает в пурпурный цвет виноград. Но когда летнее небо безоблачно, а дыхание бриза обдаёт землю жаром, люди молят о дожде и прохладной пелене тумана, чтобы укрыть иссохшие и измученные жаждой поля от жестоких ударов его лучей. Так и Геката: в одной руке она держит благословение, в другой - проклятие. Она может встать рядом с твоей женой в час ее нужды и с радостью принести в мир твоих детей (ведь жизнь всех молодых она любит); или же, если ей пренебречь, она может уничтожить родительское стадо еще до того, как оно успеет принести плоды, и оборвать прекрасное обещание рода".

"Конечно, я не забуду ее", - сказал Адмет.

"За час до полудня, на следующий день после состязания женихов, я буду ждать тебя в лесу. Да ускорят тебя боги в твоём испытании!"

IV

За день до начала игр Алкистис поднялась на крышу дворца и посмотрела вниз, на большой двор. Вокруг царили суэта и неразбериха. Бронзовые ворота широко висели на петлях, и по ним то и дело проходил поток людей. Колесницы женихов громыхали по мостовой. Через колоннады доносился стук копыт лошадей и звон цепей упряжи, а со своего поста у ворот стражник выкрикивал приказы пажам и слугам. Далеко за городом Алкистис смотрела и следила за белым полотном дороги, извивавшимся на лоне равнины. Тот, кого она искала, еще не вошел во двор, и она напрягла глаза, пытаясь понять, сможет ли она найти его среди всех тех, кто направлялся в город. Но дворец стоял высоко на холме, внизу приютились городские дома, а люди на дороге были похожи на мух, такими маленькими и черными они казались на пыльном шоссе. Много долгих часов она смотрела на крышу, а он все не приходил. Наконец солнце зашло за горы в пунцово-золотом великолепии, и пурпурные холмы бросили свою тень на безмолвную равнину. Тогда Алкистис положила голову на руку, и крупные слезы просочились сквозь ее пальцы и упали на холодный каменный парапет.

"Ах, боги жестоки!" - всхлипывала она. "Они посеяли в моем сердце семя любви, а теперь хотят, чтобы я вырвала его. Тяжела участь женщины. В горечи души она сидит внутри, а в огромном мире мужчины борются за ее красоту, словно она - некий нарисованный образ или безжизненный груз золота. От скольжения ноги или броска кубика может зависеть ее судьба - благо или горе, а счастье всей ее жизни - от одного мгновения".

Затем она нащупала в груди локон Золотого руна, подаренный ей Адметом, достала его и поцеловала.

"Увы, он забыл меня! Он теперь великий царь и не вспоминает о той деве, в чьи глаза он смотрел, когда впервые вернулся из плавания".

С грустью она положила замок обратно на грудь и, повернувшись, спустилась по башенной лестнице. Близился час, когда все женихи должны были пировать в большом зале, а она вместе с сестрами должна была петь пеанскую песню при возлиянии третьего возлияния. Много раз пела она ее в отцовских залах, ибо только незамужние девы, чистые и невинные душой, могли петь ее, просить благословения для своего дома и родни и благодарить великого Зевса, спасителя, за радость от хорошо накрытого стола и счастливых лиц друзей и родственников у очага. На сердце у нее было тяжело, когда она думала о том, что теперь эта задача предстоит ей в последний раз и что еще только одно солнце зайдет, прежде чем она окажется далеко в чужой стране, став женой человека, имени которого она еще не знала. Ее единственная надежда заключалась в словах пророка и воле отца, что она должна выйти замуж только за того мужчину, который может приехать и увезти ее на колеснице, запряженной львом и вепрем; и из глубины души она молилась, чтобы все сочли эту задачу невыполнимой.

"Лучше умереть девой, - думала она, - чем стать призом мужчины, которого я не люблю".

Спустившись по лестнице, она услышала, как сестры зовут ее.

"Алкестис, Алкестис, где ты? Пир уже близок к завершению, и все люди ждут, когда мы споем пеанскую песню. Не медли больше, а поспеши сюда".

"Я иду, иду", - отвечала она. "Но песня радости на моих устах отзовется в покоях моей души, как дирг".

Сестры дивились на нее и качали головами.

"У нее всегда свои фантазии, - шептали они, - и она не похожа на других людей".

Сердца их трепетали от надежды и радости, ведь завтра каждая из них выйдет замуж за храбреца, отправится в чужую страну и станет королевой в своем дворце. Не обращая внимания на ее слова, они радостно зашагали по галереям и заняли свои места в переполненном зале. За ними вышла Алкестиде. Медленно, с печальными, ничего не видящими глазами, она заняла место рядом с ними.

Тем временем Адмет оставался один за стенами города. Он отправил своих слуг с колесницей и снаряжением, чтобы они устроили стойло для его лошадей и спальное место для него самого в тесных альковах царского дворца. Но душа его жаждала покоя и тишины, и он чувствовал, что не сможет предстать перед шумной толпой раньше, чем в этом возникнет необходимость. Вдруг он проскользнет в большой зал, когда все соберутся на пир. Только тогда он сможет надеяться увидеть Алкестис. Поэтому он свернул в тихие поля и побрел вдоль извилистого ручья. Позади него белыми облаками поднималась пыль с большой дороги, по которой к дворцу мчались колесницы женихов, и Адмет знал, что многие храбрые и могучие герои будут противостоять ему на рассвете. Но в его сердце теплилась надежда, и он чувствовал, что его любовь к Алкестиде - это сила, которой не хватало его соперникам,

сила, которая нервировала его руку и придавала ему силу десяти. Желание его сердца вознеслось к трону Зевса, как дыхание молитвы доброго человека; и Зевс услышал крик его души, и в его жилы влился тот огонь, который течет в жилах бессмертных. На земле люди не знают, как назвать это "я", и называют его разными именами - вдохновением, гением, духом пророчества, а когда оно действует слишком далеко от их понимания, то называют его безумием.

Когда солнце опустилось на небо, Адмет свернул на крутую дорогу, ведущую к дворцу. Во дворе он нашел своих слуг, и они принесли ему воду, чтобы умыться, и смену одежды, и одели его, как подобает тому, кто пришел свататься к прекрасной принцессе. С наступлением вечера он вошел в большой зал, смешался с компанией и, когда столы были накрыты, занял свое место среди остальных. Но когда сосед обращался к нему, он отвечал невпопад, и все время его взгляд беспокойно блуждал по залу в поисках Алкестиды. Пир близился к концу, а женщины все не появлялись. Наконец один из слуг откинул занавеску, висевшую над дверью, и, когда дочери Пелиаса вошли, Адмет почувствовал, как сердце его забилось в груди, и он с нетерпением прислонился к столу. Мгновения, прошедшие до прихода Алкестис, показались ему вечностью, и когда она наконец вошла, ее глаза были устремлены в пол, и она не видела его. Но когда она заняла свое место, тихий голос его души пронесся по огромному залу и нашел отклик в ее сердце, и она подняла глаза и посмотрела на него, и на мгновение они остались вдвоем в этом многолюдном месте.

И вот вино смешали, и каждый протянул свой кубок для третьего возлияния. Тогда Алкестис поднялась со своего места, а ее сестры заиграли прелюдию на своих трубах. По окончании прелюдии она возвысила голос и запела.

"О всеблагий Зевс, отец всемогущий, за милости, которые ты оказал нам, за зло, которое ты отвратил, вот, с благодарными сердцами мы совершаем возлияние сладкого темного вина! О друг чужеземцев, выведывающий тайны людских сердец, среди вихря колесниц и пыли борцовского ринга встань рядом с храбрецом и правдолюбцем! Сделай твердой его ось, а землю под ним - надежной, и заковывай в цепи слепые руки Фортуны. Так приз достанется самым доблестным. Тем, чья жизнь складывается по чужой воле, даруй, Господи, терпение и разумную душу, и да будет желание их сердца согласно воле Твоей. Отец богов и людей, облачный престол, несущийся на крыльях вихря, радость и печаль у тебя слиты в одно гармоничное целое. Солнцем милосердия Твоего, палящим огнем гнева Твоего открой ослепленные глаза людей, чтобы они увидели славу дел Твоих. Слава тебе, Спаситель и Царь Высочайший!"

Когда она пела, народ дивился, ибо голос ее был подобен голосу жрицы богов, наполненному дыханием небес.

Когда пир закончился, пажи сняли со стен факелы и проводили гостей в тенистые альковы, где каждому было уготовано ложе, и в залах воцарилась тишина. На бесшумных крыльях Сон пронеслась по дворцу и встала рядом с каждым мужчиной. Нежными руками она успокаивала его усталые конечности и вселяла в его сердце новое мужество для предстоящего поединка. Но когда она подошла к Алкестис, то застала ее глядящей на звездное небо.

"Дочь моя, - сказала она, - приди в мои объятия, положи голову на мою грудь, и я облегчу беду твоего сердца".

"Ах, милая Сон, не сегодня, - ответила Алкестида, - ибо у Зевса горячая молитва смертного приносит много пользы. Я не могу стоять рядом с Адметом в списках, но, по крайней мере, он не потерпит поражения из-за отсутствия истинной сердечной молитвы этой ночью".

Так Сон прошел мимо нее, и до тех пор, пока на востоке не забрезжил яркий рассвет, Алкистис сидела у открытого окна. Когда стало светать, она пошла будить своих сестер, ибо рано утром они должны были возглавить шествие дев к храмам богов и возложить венки и гирлянды к святыням, а мужчины собрались на равнине, чтобы посмотреть на состязание женихов.

И снова в городе воцарилась суeta и неразбериха, а улицы заполнились жаждащими, спешащими к спискам. То и дело раздавался крик, и толпа расступалась то в одну, то в другую сторону, как земля перед лемехом, когда по камням проносилась колесница, везущая на игры какого-нибудь гордого жениха. Наконец, когда все было готово, появился царь Акаст и занял свое место под балдахином, а народ встал, как один человек, и приветствовал его радостными криками. Затем появился глашатай и затрубил в свою трубу, и один за другим женихи выходили и становились перед царем, и глашатай громким голосом объявлял имя и место каждого и состязание, в котором он будет участвовать в этот день. Воистину, это было прекрасное зрелище, когда они проходили мимо, сильные мужчины в самом расцвете сил. Плечи их были широки, а конечности прямые и смуглы, и ритм их марша был подобен морским волнам. Никогда еще с того дня, когда все герои собрались по призыву Ясона на поиски Золотого руна, не было в прекрасном Иолхосе такого большого скопления людей. Со всей широкой Фессалийской равнины стекались они, из обтянутой холмами Аттики и спартанских низин, из Арголиды и зеленых долин Аркадии, с морских островов.

Весь день народ сидел и наблюдал за играми, и то и дело раздавался крик, когда сильный человек побеждал своего противника, или один быстроногий обходил других на последнем круге забега. Здесь были и метание кеглей, и прыжки, и борьба, а под ногами боксеров тяжело топталась земля. Вдали по равнине проносились колесницы, и люди, заслонив глаза руками, напрягались, чтобы увидеть, кто из них впереди. Но пыль поднималась тучами у груди коней, и пока они не оказались рядом, никто не мог сказать, кто из них впереди.

Наконец великий день подошел к концу, и снова глашатай предстал перед королем и протрубил в свою трубу. Каждый из победивших женихов по очереди выходил вперед, и когда глашатай объявлял его имя и то, в каком состязании он победил, царь возлагал ему на голову венец из листьев и говорил, какая из дочерей Пелиаса должна стать его невестой. Все они были храбрыми мужчинами и отважно сражались в тот день, но самым могучим среди них был Адмет из Фере. Последним из всех победителей глашатай назвал его имя, и он пришел и встал перед троном; царь возложил на его голову венец из листьев и сказал,

"В знак того, что ты доказал, что ты самый могучий на поле, я возлагаю эту гирлянду на твою голову, Адмет. Истинно, боги стояли на твоей стороне и наполнили тебя небесным огнем, так что сила твоего противника превратилась в слабость перед твоей мощью. Да дадут они тебе выполнить и последнюю часть задания, ибо, по правде говоря, мне было бы горько видеть, как столь могущественный человек уходит без награды".

Тогда Адмет смело ответил,

"Но еще одно солнце зайдет, о царь, прежде чем Алкестида станет моей невестой. Завтра в полдень я приду, чтобы увезти ее на колеснице, запряженной львом и вепрем".

И все, кто его слушал, дивились его уверенности.

V

На следующий день ближе к полудню царь вышел и сел на трон в портике перед дворцом, а все вельможи и женихи стояли вокруг и ждали, выполнит ли Адмет свое слово. Когда солнце стояло высоко в небе, до его слуха донесся звук, похожий на стон моря вдали, когда надвигается буря. Он становился все громче и громче, приближаясь с каждым мгновением, пока наконец, подобно разрыву могучей волны, через огромные бронзовые ворота не хлынул поток ликующих горожан. Они влились в широкий двор, затем отступили по обе стороны, и по аллее, расположенной посередине, проехал Адмет на колеснице, запряженной львом и вепрем. Он проехал прямо через весь двор, и, как хорошо обученные кони, звери не смотрели ни вправо, ни влево, не внимая приветствиям людей. Под звон колокольчиков и бряцанье цепей они рысью пронеслись между рядами, подошли и встали перед царем.

"Я сдержал свое слово, о царь, и пришел проводить свою невесту, как велел пророк богов".

Тогда царь поднялся и приветствовал Адмета.

"Рад я видеть тебя, Адмет, - воскликнул он, - и рад, что моя сестра будет твоей невестой. Пусть боги благословят твою супружескую жизнь, как благословили они твой костюм в этот день!"

Тогда пажи распахнули двери дворца, и вышел хор девиц, играющих на трубах и поющих брачный гимн. Последней вышла Алкестис, облаченная в шафрановые одежды невесты, и Адмету она показалась солнцем, предвещающим рассвет. Нежно взял он ее за руку и поднял в машину, а народ свалил рядом с ними богатые гобелены и сосуды из золота и серебра в качестве брачных даров. С криками и взмахами рук колесница вновь пересекла двор и понеслась по гулким улицам, пока наконец они не остались вдвоем на белом шоссе. Радость, рожденная в их сердцах, озарила волшебным светом всю землю. Зеленая трава колыхалась на лугах, листья весело танцевали на деревьях, а из чащоб и кустов птицы пели радостные песни. Они ехали все дальше и дальше, как во сне, не обращая внимания ни на время, ни на расстояние. Блики пыльного шоссе сменились тенью лесной тропы с зелеными арками над головой и журчанием танцующих ручьев. Перед святилищем Гекаты пастух положил свое подношение и стоял с воздетыми руками в молитве. Но Адмет не обращал внимания ни на пастуха, ни на святилище и не помнил, когда в прошлый раз стоял здесь и брал у пастуха его странную упряжку. Не задумываясь, он прошел мимо алтаря. Когда сверкающая колесница скрылась вдали, пастух повернулся и смотрел ей вслед, пока изгиб дороги не скрыл ее из виду. Тогда он остановился и прислушался к звону колокольчиков, словно думая, что она еще может повернуть назад. Но звон становился все слабее и слабее, пока не стал слышен только звон, то и дело доносимый ветром, и наконец он перестал его слышать. С грустью он повернул назад и снова встал перед святилищем с распростертыми руками, а затем бесшумно скрылся в глубине леса.

Они шли, пока не наступила ночь, и на небе одна за другой стали появляться звезды. Вот они уже приблизились к Фере. Высоко на холме дворец сиял множеством факелов, потому что вестники уже отправились сообщить, что Адмет приезжает с невестой, и весь народ собрался, чтобы приветствовать его возвращение. Когда они вошли в городские ворота, навстречу им вышли хоры мужчин и девиц, и вверх по крутому холму понеслась радостная

процессия, распевая гимны и играя на трубах. Когда они достигли дворцовых ворот, девы подняли Алкестиду на руки и перенесли ее через медный порог, чтобы никакое дурное предзнаменование не постигло ее, когда она войдет в свой новый дом. Долго и весело длился брачный пир, и пока он закончился, ночь уже давно прошла. Но вот разлито последнее возлияние, последний кубок обошел вокруг стола, и девы стали ждать, чтобы отвести Алкестиду в брачные покои. Она встала и пошла с ними, и они нарядили ее в одежды, в которых впервые юная невеста встречает своего господина. Когда все было готово, они сняли факелы со стен и оставили ее. За дверью они образовали хор, чтобы петь любовную песнь, пока Адмет не придет к своей невесте.

Адмет не обратил внимания ни на пастуха, ни на святыню.
Не задумываясь, он прошел мимо алтаря.

Недолго ждали они. С нетерпением он подошел и откинул занавеску с дверного проема. Посреди комнаты стояла Алкестида, и никогда еще она не выглядела так прекрасно. Когда сладкие ноты любовной песни мягко проникли в дверь, она протянула руки к Адмету. Ее волосы рассыпались по плечам, а белый халат касался пола. Из окна падал бледный лунный свет, отбрасывая на нее ореол света. В серебряном блеске волос и сиянии протянутых рук она показалась Адмету посланницей богов, спустившейся по лестнице света. С криком радости он шагнул к ней. И тут случилось страшное событие. Между ним и его невестой встали две огромные змеи, и когда он бросился к ним, они обвинили Алкестиду своими сверкающими спиралями. Чем ближе он приближался, тем теснее они сжимали ее, а их вильчатые языки, словно молнии, сверкали над ее головой.

"Назад, назад!" - задыхалась она, - "или они задушат меня".

Бессознательно он попятился назад. Огромные звери ослабили хватку и, сверкая, упали на пол; но их головы мотались над землей, и когда он снова сделал шаг вперед, они снова поднялись над ней с гневным шипением.

"О, оставьте меня, оставьте меня!" - вскричала Алкестида. "Боги разгневаны и не позволят тебе прикоснуться ко мне. Не противься их воле, иначе змеи убьют меня".

"Нет, вот этими руками я задушу их", - вскричал Адмет.

Он снова бросился вперед, и снова, прежде чем он успел пересечь комнату, чудовища обхватили Алкестиду железной хваткой, так что она едва могла дышать. Вовремя Адмет отступил, иначе они выжали бы из нее жизнь. Со стоном он повернулся и выбежал из комнаты, и любовная песнь сменилась воплем ужаса, когда девы рассыпались перед ним в разные стороны. Склонив голову и широко раскрыв полные ужаса глаза, он зашатался, как пьяный, и исчез в темноте безмолвного зала. В ужасе девы прижались друг к другу, их шепот напоминал щебет испуганных птиц. Наконец одна, более смелая, чем ее спутницы, откинула занавеску с двери и заглянула в покои. В лучах луны на полу лежала Алкестида. Глаза ее были закрыты, а лицо бледно, как бледность смерти. Однако в комнате не было ничего, что могло бы заставить ее упасть в обморок. Дева позвала своих спутниц, и все вместе они подняли Алкестиду на кушетку и стали ухаживать за ней, пока та не открыла глаза.

Адмет тем временем пронесся через пустынный зал и вышел на залитый лунным светом двор. Все было тихо, лишь одна одинокая фигура ходила взад-вперед в тени колоннады. Когда Адмет, пошатываясь, пересекал двор, этот человек вышел и встал поперек его пути.

"Куда ты идешь, о царь?" - спросил он.

Подняв глаза, Адмет оказался лицом к лицу со своим странным пастухом.

"Моя голова горит от пиршества в переполненном зале, - сказал он, - и я вышел подышать прохладным ночным воздухом".

Пастух не ответил ему ни слова, но смотрел на него своими странными пронзительными глазами. Адмет смотрел то в одну сторону, то в другую, но не мог встретить этот непоколебимый взгляд.

"За что боги мучают меня?" - горячо воскликнул он. "Что я сделал, чтобы меня мучили в брачную ночь?"

"Нет, лучше подумай о том, что ты не успел сделать".

"Оставил?" - вскричал Адмет и указал на алтарь в центре двора. "Разве ты не видишь, что огонь еще красен от сожжения жертвы? Не только здесь, но и во всем городе от них идет ароматный дым".

"Алтари могут пылать, пока сердца холодны, Адметус. Одна горячая молитва перед уединенной святыней дает больше, чем гекатомбы быков, зарезанных без раздумий. Разве не стоял я сегодня перед тобой на тропе и не возносил руки в молитве к Гекате? Но ты, не видя глаз, прошел мимо меня, и богиня разгневана твоим пренебрежением, и ее гнев стоит между тобой и твоей невестой".

А Адмет стоял перед ним с опущенными глазами, не в силах вымолвить ни слова.

"И все же, поскольку я люблю тебя, я помогу тебе еще раз", - сказал пастух. "Вернись на свою дорогу и вознеси молитвы. Я тоже буду ходатайствовать за тебя, и думаю, что голос моих мольб она не оставит без внимания".

Медленно и печально возвращался Адмет по дороге, которую он прошел с таким легким сердцем. Три дня и три ночи его не было видно во дворце, и три дня и три ночи лежала Алкестиды на своем ложе, произнося дикое слово, а перед ее глазами стояли страшные фигуры, которые могла видеть только она одна. На четвертый день Адмет медленно поднялся на холм. Пыль дороги прилипла к его одежде, а на лбу выступил пот от усталости. Но сразу же он подошел и встал рядом с Алкестис, взяв ее руку в свою. Она открыла глаза и посмотрела на него, и впервые с брачной ночи перед ней предстало лицо с глазами, которые могли видеть. Страшные образы и видения улетучились, и она улыбнулась ему со слезами радости. Тогда Адмет понял, что его молитвы были не напрасны, Геката услышала его мольбу и вернула ему жену.

VI

Быстро проходили дни и ночи, и дворец был полон радости и счастья. Наконец наступило время, когда год назад к Адмету пришел странный пастух. В тот же день месяца он пришел и снова предстал перед ним.

"Двенадцать лун сменяют друг друга, о царь, - сказал он, - с того дня, когда ты впервые дал мне приют в своих залах. Время моего очищения подошло к концу, и я пришел проститься с тобой".

"Прощай?" - вскричал Адмет. "Это горькое слово для моих ушей. Как бы я хотел, чтобы ты всегда была со мной. Но у меня нет сердца просить тебя остаться, ибо ты могущественнее меня, и даже называть тебя гостем и другом было бы самонадеянно для моих ушей. Итак, прощай. Да воздадут тебе боги в десятикратном размере за благодеяния, которыми ты осыпал мой дом!"

Когда я впервые вошел в твои залы, ты сказал мне: "Чужеземец, кто ты такой и чья кровь на твоих руках? Не задашь ли ты мне этот вопрос еще раз, прежде чем мы расстанемся?"

"Господин, я задал его тогда, не зная тебя и твоих путей. Сегодня ты сам решаешь, говорить мне или нет, как пожелаешь. Если ты и дальше будешь скрывать от меня свое имя, я буду доволен".

"Нет, я скажу тебе, ибо тебе следует знать. Слава о подвиге, который я совершил, распространилась далеко по миру, где бы люди ни произносили с благоговением имя Дельф. Ты знаешь, как вначале Земля хранила священное святилище и из уст своей жрицы изрекала темные и страшные оракулы, и Хаос и Ночь были там, и бескрылые фурии, следящие за кровью. Вокруг страшного места горы вторили голосу причитаний и крикам человеческих жертв, приносимых в жертву; и чтобы в любой момент не пришел кто-нибудь сильный рукой и твердый сердцем, чтобы вырвать святилище у сил тьмы, перед воротами стоял страж, свирепый и ужасный - Пифон, бессонный дракон. Он входил и выходил из ворот, огибая их во всю свою чудовищную длину, и его чешуя отбрасывала свет, как острия раскаленной стали, а глаза были подобны красному языку пламени. Ни один человек в те дни не мог пройти через этот страшный портал, но, как тусклое, неясное эхо, до дрожащих людей внизу долетал голос жрицы. Наконец однажды появился сияющий человек, чей меч был солнечным светом, а стрелы - дротиками живого огня. Силой своей правой руки он сразил Питона, и растянулись его чудовищные обвития под жаркими лучами солнца, пока плоть не расплавилась и не сгнила, и только кости его лежали, сверкая белизной, на камнях, чтобы показать, как когда-то он охранял святилище от всех желающих; и победитель взял святилище и сделал его своим, и поместил туда свою жрицу, чтобы она произносила истинные оракулы людям, когда божественный дух наполнит ее грудь. Воды касталийского источника он очистил, чтобы пришедшие могли смыть с себя вину и с чистым сердцем предстать перед святилищем. А по зеленым лужайкам под Парнасом он вел хор Муз, светловолосых сестер поэзии, музыки и танца. Поскольку их ноги коснулись земли, где бьет источник Касталии, люди говорят, что те, кто пьет эти воды, наполняются их духом, так что слова, которые они говорят, и песни, которые они поют, бессмертны и будут вечно жить на устах и в сердцах людей. Тот, кто совершил это и превратил тьму в свет, стоит сейчас перед тобой".

"Аполлон!" - вскричал Адмет, - "господин и повелитель!" И он упал перед ним на землю и обнял его за колени. "Ах, прости слепоту и самонадеянность моего сердца!" - взмолился он.

"Нет, прощать нечего. Кто проливает кровь, тот должен за нее расплачиваться - да, пусть это будет кровь чудовища, справедливо пролитая на землю. Свет был ценой моего очищения, ибо ты добрый хозяин и благородный человек. Но теперь мои руки чисты, и я возвращаюсь на свое место на прекрасном Олимпе, где высоко над облаками вечно обитают бессмертные боги в ясном, ярком свете небес. И все же я люблю тебя и не забуду. Когда тень отчаяния опустится на твой путь, призови меня, и я помогу тебе".

Сказав это, он наклонился вперед, взял Адмета за руку и поднял его. И снова этот пронзительный взгляд пронзил его до самой души; затем незнакомец повернулся и зашагал прочь через дворцовый двор.словно превратившийся в мрамор Адмет стоял и смотрел ему вслед. Затем он бросился к воротам и с нетерпением стал смотреть на дорогу. Но как он ни затеял и ни напрягал глаза, знакомой фигуры больше не было видно. Лишь далеко-далеко на тусклом горизонте пелена облаков, нависшая над Олимпом, растаяла под яркими лучами солнца, и покрытая снегом вершина сверкнула на фоне летнего неба, как кристалл.

"Вот, даже грозный Олимп приветствует бога Света и Истины!" - сказал Адмет.

И, вздохнув, повернул обратно во дворец.

VII

Десять долгих лет Адмет и Алкестис правили в Фере, и боги даровали им радость и счастье и двух детей, чтобы благословить их супружескую любовь. И когда Адмет оглядывался на минувшие дни, он был доволен историей своей жизни. Разве не держал он весло на добром корабле "Арго", слава о котором дошла до самых пределов земли? Силой своей руки он взял в жены самую прекрасную девушку Фессалии и привел ее домой за такой парой, какую не осмеливался связать ни один человек ни до, ни после. Кроме того, по всей Элладе его дом славился как дом гостеприимства и веселья. Не только люди, но и великий Аполлон, светловолосый бог Света, был его гостем, а может быть, и слугой. Не он ли был царем богатой и плодородной земли, где из года в год земля давала обильные урожаи, потому что величие его имени сдерживало прилив войны, и мир с радостью ступал по полям и городам? Когда он вспоминал обо всем этом, сердце его разгоралось от тщеславия и гордости, и он начинал забывать о богах и смотреть на своих собратьев свысока, думая, что только он один из всего человечества совершил великие деяния и что без него мир был бы лишь жалким местом. Именно эта гордыня заставила его совершить подлый поступок, который омрачил всю славу его жизни.

Однажды Смерть пришла и встала рядом с ним, положила свою печать на его чело, и Адмет понял, что должен умереть. Когда он почувствовал, что теперь стоит на пороге Аида, тусклого мрачного мира мертвых, где высокие и низкие, богатые и бедные, сильные и слабые вечно бродят безголосыми тенями по бессолнечным рощам, где царизм и рабство едины, его сердце превратилось в воду, и дух его в страданиях громко воззвал,

"Аполлон, о Аполлон! Услышь меня в моем тяжком горе и избавь меня от смерти".

Далеко на освещенной солнцем вершине Олимпа Аполлон услышал его крик и, стремительно, как молния, пронесшаяся по небу, подошел и встал рядом с ним.

"Что ты хочешь от меня, Адмет?" - спросил он. "Я пришел в ответ на твою молитву".

Тогда Адмет поднял голову и указал на свой лоб, а Аполлон печально посмотрел на него. "Я вижу печать на твоем челе, друг мой, печать, которую никто не сможет сломать".

"Ах, не говори так, мой господин! Разве я не в расцвете сил, когда другие ждут долгих лет счастливой жизни? Почему я должен умереть раньше времени? Моя мать и мой престарелый отец еще живут и радуются солнечному свету, но ни одно королевство не устоит перед мощью их правой руки. Самый жалкий раб в моем дворце более удачлив, чем я. Почему же из всех них Смерть наложила руку на меня?"

"Он всего лишь слуга судьбы, Адмет, чьи пути не могут понять ни боги, ни люди".

"Судьбы? Неужели они ниже зверей и не желают прислушаться к голосу разума?"

"Голос человеческого разума для них - как крик шакалов в пустыне, Адмет".

"О бог Света, неужели нет ничего, что могло бы тронуть их сердца? Ты можешь своей музыкой обратить души людей и зверей, успокоить ярость вихря и плач дождя, но только над ними ты не имеешь власти? Ах! По любви, которую ты когда-то питал ко мне, иди, ударь перед ними по своей лире и спой свою волшебную песню. Конечно, они не устоят перед тобой, но отдадут мою жизнь в твои руки в обмен на красоту твоей песни".

"Потому что я люблю тебя, я пойду, Адмет. Но если я пойду, то только потому, что они зовут меня; и если я одержу победу или потерплю поражение, то только потому, что они давно завещали это. Прощай!"

И Аполлон умчался на крыльях ветра, далеко-далеко за пределы земли, за край нарастающих снегов и страну полуночного солнца, за вечно бурлящий поток океана и воздушные пустыни, пока не пришел в неизменную страну, где живут вместе три Великие Сестры, без начала и конца. В той земле нет ни севера, ни юга, ни востока, ни запада. Там нет ни солнца, ни луны, ни ночи, ни дня, ни времени, ни перемен. На трех великих тронах из тумана восседают могущественные Сестры, и формы их ни плохи, ни прекрасны. На их челах - короны власти, а в руках - судьбы людей, которые они прядут, вечно прядут, в могучую паутину Жизни. Первая из них - Лахесис Избирательница. Из спутанной массы рядом с ней она выбирает нити разного оттенка и передает их прядильнице Клото, которая на коленях сплетает их в паутину. С другой стороны сидит Атропос Непреклонная. В руках у нее ножницы, и когда концы нитей свисают с изнаночной стороны паутины, она отрезает их и бросает к своим ногам.

И вот Аполлон пришел и встал перед ними с лирой в руках. Мягко коснулся он золотых струн, затем возвысил голос и запел. Под звуки этой волшебной песни Лахесис забыла передать нити своей сестре, паутина опустилась на колено Клото, рука Атропос безжизненно упала рядом с ней, и до конца песни время остановилось. Пока волшебство его пения завораживало их, Аполлон обращался к ним с мольбой.

"Всемогущие сестры, со всех концов света пришел я, из обиталищ смертных, чтобы просить милости для той, кого люблю".

"Говори, Аполлон. Ты превратил наши сердца в воду волшебством своей песни. Что ты хочешь?"

"В плодородной земле Фере лежит Адмет и умирает. Он молод, и любовь к жизни течет в его жилах. Он также великий царь и правит своими подданными хорошо и мудро, и громким будет плач народа, если он умрет раньше времени. Если моя песня угодила вам, могущественные, дайте ему дожить до зеленой старости".

"Все смертные хотели бы дожить до зеленой старости, Аполлон, а ты любишь многих из сынов человеческих. Не было бы конца нашим щедротам, если бы за каждую песню мы дарили тебе жизнь. Не проси иного блага, ибо песня твоя достигла наших сердец!"

Но Аполлон печально отвернулся. "Я больше ничего не хочу просить у вас, великие сестры. Ради этого, и только ради этого, я пришел".

"Только при одном условии мы можем дать тебе благословение, Аполлон. Ты говоришь, что Адмет - великий царь и любим всем своим народом. Если среди них он найдет хоть одну душу, которая отправится в Аид вместо него, мы позволим ему дожить до зеленой старости. Конечно, мы просим не так уж много. Какой-нибудь раб, не любящий своей жизни, или старик, чьи седые волосы - обуза, с радостью умрет, чтобы такой мудрый и великий жил на радость своему народу".

"Да будет так, могущественные. И все же я думаю, что это пустое благодеяние, которое ты мне дал, ибо люди цепляются за жизнь и солнечные дни на земле, и Адметусу придется

долго искать, пока он не найдет того, кто отбросит это ради тьмы и мрака печального подземного мира. И в любом случае он не из тех, кто будет жить ценой чужой жизни".

"Мы не можем дать больше", - сказали они.

И пошел Аполлон обратно тем же путем, каким шел, и, подойдя, стал рядом с Адметом и сказал ему слово судьбы. Услышав его, Адмет обрадовался.

"О бог света, ты всегда был моим другом, а теперь я буду обязан тебе жизнью. Как мне отблагодарить тебя?"

Но Аполлон заглянул ему в самую душу. "Согласен ли ты принять это условие?" - спросил он.

"Что еще я могу сделать, господин?" - ответил он.

"Ты можешь умереть".

"Я знаю это, - вскричал Адмет, - но почему я должен умереть раньше времени? С аргонавтами я плавал по неведомым морям; в списках я сражался с цветком Эллады и победил его; двенадцать месяцев под крышей моего дворца жил бог. Конечно, моя жизнь стоит больше, чем жизнь большинства людей, и я хочу сохранить ее, пока могу".

"Да будет так", - сказал Аполлон, но лицо его было сурово и грозно, и Адмет вздрогнул от его хмурого взгляда. "Иди и найди того, кто умрет за тебя". И он повернулся и покинул его.

VIII

Когда Адмет остался один, сердце его забилося. Он чувствовал гнев Аполлона, как удар плети, и знал, что гнев его справедлив. Оглядываясь на свою жизнь, он стыдился перемены, которую произвели в нем долгие годы процветания и мира; по крайней мере, в нем осталось много мужественности. Когда он вспоминал о великих делах, совершенных им в юности, и о том, как, едва вкусив ее радости, он сотни раз был готов легкомысленно отбросить жизнь, он чувствовал себя вором, виновато крадущимся ночью домой, нагруженным добычей, которая сделает его богатым, а его друга оставит бедным и голодным. Если он возьмет чужую жизнь ценой своей собственной, то почувствует, что никогда больше не сможет смотреть человеку прямо в лицо. И все же он мог прожить свою жизнь только один раз, и жизнь, с ее процветанием и легкостью, солнцем и богатством, стала для него дороже чести, дороже любви и уважения ближних. Сами его доблестные деяния стали ловушкой, манящей его на путь подлости и бесчестия, заставляющей его считать чужую жизнь дешевой платой за такого великого человека, как он. Поэтому он погасил последнюю искру мужества, которая еще боролась за жизнь в его сердце, и разослал по стране воззвание, в котором просил всех, кто готов умереть, чтобы их король жил, прийти и предстать перед ним во дворце, чтобы он мог выбрать между ними, ибо он думал, что многие будут рады умереть за него. Много долгих дней он ждал, но никто не приходил. Тогда он послал надежных гонцов, чтобы они всколыхнули сердца людей, но они вернулись не с людьми, а со словами.

"Мы поедem в погоню, мы поплывем по бурным морям, мы будем сражаться с врагами нашей страны, и во всем этом мы будем рисковать своей жизнью, чтобы спасти короля. Но мы не оставим своих жен и малышей и приятную земную жизнь ни за что, кроме как за то, чтобы другой мог жить дольше положенного ему срока".

Таковы были слова народа.

Тогда Адмет послал за всеми своими домочадцами - рабами, которые родились и выросли во дворце. И они сказали, что будут трудиться для него все свои дни, но умирать за него не станут, ибо даже жизнь раба лучше, чем бесконечные годы мрака в царстве мертвых.

Тогда сердце Адмета ожесточилось, и он возненавидел мысль о смерти еще сильнее, чем прежде, когда узнал, что даже самая жалкая жизнь дорога сердцам людей. В отчаянии он обратился к своим престарелым родителям, думая про себя,

"Наверняка кто-то из них готов умереть за своего сына. В лучшем случае им осталось жить недолго, и если я умру раньше них, у них не будет сына, который похоронит их и совершит погребальные обряды и молитвы, как это может сделать только сын для своих родителей".

Тогда он отправился к Фересу, своему отцу, и попросил, чтобы тот умер вместо него. Но отец ответил ему,

"Неужели ты думаешь, что из-за того, что ты любишь солнечный свет, твой отец не любит его?"

"Нет, но в любом случае Смерть должна скоро наложить на тебя руку, пока я в расцвете сил".

"Потому что годы, которые мне остались, невелики, но от этого не менее сладостны. Никогда больше в стране Аида я не буду греть свои старые кости на солнце, глядя на плодородную землю. Так что оставшиеся годы вдвойне дороги".

"И когда ты умрешь, люди укажут пальцем презрения на твою могилу. "Вот трус, который, хотя волосы его поседели, а конечности ослабели, все же отказался умереть за собственного сына! Имя твое будет нарицательным по всей Элладе".

"Когда я умру, будет неважно, что скажут обо мне люди", - ответил Ферес.

"Да простят тебя боги за то, что ты сказал!" - вскричал Адмет и в гневе отвернулся. Ведь для грека было страшным делом сказать, что ему безразлично, что о нем подумают люди, когда он умрет.

Тогда Адмет пошел к своей матери. Но она, как и его отец, цеплялась за жизнь и отказывалась умереть вместо него.

В последнюю очередь он обратился к своей жене, Алкестис. С самого начала она была готова умереть за него, потому что любила его и ставила его жизнь выше своей собственной. Но он сказал, что незачем ей умирать и отнимать у него половину радости жизни, когда другая может сделать это с таким же успехом.

"Нужна великая любовь, чтобы пожертвовать жизнью ради другого, - ответила она, - и во всем мире нет никого, кто бы любил тебя так, как я".

Теперь он понял, что ее слова были правдой и что он должен либо умереть сам, либо отдать ее жизнь ценой своей собственной; и его самолюбие одержало верх, хотя он пытался убедить свое сердце, что он живет сверх положенного срока ради своей страны и блага своего народа. И все же в глубине души он не был удовлетворен, и в его сердце росла горечь против всех тех, кто отказался умереть за него, и он обвинял их в том, что они убийцы его жены. Но он прекрасно понимал, что это его собственная рука отправила ее в могилу в расцвете сил.

Наконец настал судный день, в который Алкистис должна была умереть. До этого момента она отбросила все мысли о смерти и жила так, словно над ней не витала никакая тень, ибо она думала про себя,

"По крайней мере, я буду счастлива в свои последние дни на земле. У меня будет достаточно времени, чтобы оплакивать свою жизнь в царстве мертвых".

Но вот настал последний день, и она уже не могла отбросить мысли о смерти. Еще до того, как на далеком горизонте забрезжил свет, она встала, чтобы приветствовать первые лучи солнца, ведь она была истинной дочерью Эллады и любила радостный солнечный свет и все светлое, а смерть, тьма и мрак печального подземного мира вселяли в ее душу ужас. В последний раз она смотрела на слабый отблеск на востоке и наблюдала, как он распространяется по небу, и видела красный диск солнца, поднимающегося с морского пути и заставляющего краснеть бледную зарю. Облака окрасились сиянием, и небеса наполнились светом, а земля проснулась с улыбкой цветов, танцующих под радостным утренним бризом. Тогда она умылась свежей водой из фонтана, надела свои самые нарядные одежды и, встав перед алтарем на очаге, произнесла свою последнюю молитву на земле.

"О госпожа богиня! Я ухожу далеко за темную реку Смерти и в последний раз обращаюсь к тебе с молитвой. Ах, когда меня не станет, смилуйся над моими детьми. Суровы пути мира, и они еще малы, чтобы остаться без материнской любви. Протяни правую руку твоей жалости, госпожа, и приведи их к счастливой старости. Пусть они не погибнут, как я, в расцвете сил, но дайте моему сыну любящую жену, а моей дочери - благородного мужа, и пусть они будут счастливы все свои дни!"

Затем она прошла по дворцу и попрощалась со всеми слугами. Каждому она подавала руку, даже самому захудалому рабу из всех, и говорила с ними ласковые слова. А они омывали ее руку своими слезами, потому что любили свою госпожу и знали, что после ее смерти они потеряют доброго друга. Когда она уходила, дети с плачем цеплялись за ее юбки, ибо они тоже знали, что она должна умереть.

В конце концов она пошла одна в свои покои, потому что больше не могла терпеть; она бросилась на кушетку и зарыдала так, словно ее сердце должно было разорваться. Она целовала подушки и нежно разглаживала их руками.

"Увы, увы! Счастливые дни на земле, - плакала она, - и счастливейшие из всех лет, что я прожила здесь в качестве жены Адмета! Прощай, моя кушетка, прощай навеки!"

Она пыталась вырваться, но снова и снова, дойдя до двери, оборачивалась и снова падала на диван, рыдая. Наконец она почувствовала, как к ней подкрадывается слабость смерти, и поняла, что если не покинет свою комнату, то уже никогда не выйдет из нее живой. Все ее слезы были израсходованы, и у нее больше не осталось сил плакать. Снаружи, в большом зале, сидел Адмет, опустив голову на руки, и плакал о своей жене, проклиная горечь своей судьбы. А она подошла и встала рядом с ним.

"Выведи меня на солнечный свет, Адмет, - сказала она, - тьма внутри меня угнетает. На воздухе я могу дышать свободнее".

Когда он взглянул на нее, то испугался: она была бледна как смерть. Нежно поднял он ее на руки и положил на кушетку в портике перед дворцом. И когда она увидела голубое небо и солнечный свет, то улыбнулась.

"О солнце и свет дня, - сказала она, - и вы, танцующие, вихрящиеся облака, прощайте!"

"О боги, смилуйтесь!" - вскричал Адмет. "Дорогая моя, посмотри вверх и не оставляй меня в полном запустении".

Но с криком страха она вскочила на ноги и указала вперед.

"Смотрите, смотрите! Лодка мертвых и паромщик душ с рукой на шесте - Шарон! Он зовет: "Алкистис, почему ты медлишь? Поспешь со мной".

"Ах, судьба, судьба, жестокая судьба!" - вскричал Адмет.

"Он уносит меня - о, спаси меня! - вниз, вниз, вниз, в темные залы смерти. Прочь, отпустите меня! Он хмурит свои темные брови. Ах, какое страшное путешествие мне предстоит!"

"Не оставляй меня, не оставляй!" - вскричал Адмет.

"Положи меня снова", - сказала Алкестида, и голос ее был едва ли больше, чем шепот. "Силы покинули мои конечности, а на глаза опустилась тьма. Дети мои, где вы? Подойдите сюда, мои малыши, и прижмитесь ко мне".

И дети бесшумно подползли к ней.

Затем она протянула руку Адметусу.

"Мой господин, - сказала она, - прощай. Мои ноги уже ступили на тропу смерти, и ты не сможешь удержать меня. Я была тебе любящей женой, Адмет; моя красота, моя молодость, моя радость жизни - все это я отдаю тебе. Ах, когда я умру, не забывай меня, ради детей, ради этих бедных малышей - обещай мне. Обещай мне, что не выйдешь замуж снова, ибо сердце мачехи будет жестоко к моим детям, и они будут страдать. Обещай, что станешь для них отцом и матерью в одном лице".

И дети бесшумно подползли к ней.

"Обещаю", - сказал Адмет.

"Тогда я отдам их в твои руки. Бедные малыши, что вы будете делать без меня? Сын мой, для тебя твой отец всегда будет крепкой защитной башней и воспитает тебя настоящим мужчиной. Но за тебя, маленькая дева, у меня сердце кровью обливается. У тебя не будет матери, чтобы одеть тебя в день свадьбы или утешить в горестях, когда нет такой любви, как материнская. Будь с ней вдвойне нежен, Адметус".

"Буду, буду. Все, что ты скажешь, я сделаю, и даже больше. Не один год, а всю жизнь я буду оплакивать тебя. Не забывай меня, молю тебя. Приготовь для меня место внизу, чтобы я мог быть с тобой, когда приду умирать".

"Нет, я не забуду тебя. Уложи меня на спину. Я больше ничего не могу сказать".

Он бережно положил ее на спину и опустился на колени рядом с ней, а все, кто стоял вокруг, молча склонили головы, ибо знали, что Смерть стоит среди них.

Наконец Адмет поднял голову.

"Друзья мои, - сказал он, - она ушла. Помогите мне внести ее в дом, чтобы девы облачили ее в одежды смерти".

Бережно и благоговейно, со склоненными в скорби головами, они внесли ее в дом. Фрейлины облачили ее в длинные белые одежды и положили на одр, а скорбящие стояли вокруг и пели зауспокойную песнь. На пороге дворца Адмет положил локоны, которые он сбрил со своей головы в знак того, что внутри лежит мертвый, надел длинные черные траурные одежды и снял с чела золотой циркуль. По всему городу он разослал воззвание о смерти царицы.

"Фессалийцы, - говорилось в нем, - все, кто владеет моей властью, придите, разделите со мной скорбь о моей жене, которая умерла. Сбрейте яркие локоны со своих голов и облачитесь в соболиные одежды. Запрягите ваши четырехконные колесницы, вложите удила в пасти ваших коней. Обрежьте длинные гривы на их шеях и следуйте со мной к ее могиле. Пусть не слышно будет на улицах ваших ни голоса флейты, ни звука лиры, пока не пройдут полные двенадцать лун; ибо она была благороднейшей из женщин и дороже всех на земле для меня. Она пожертвовала своей жизнью ради моей. Воздайте же ей высокие почести, ибо она достойнейшая".

IX

В то время как шли приготовления к похоронам, любой, кто случайно взглянул бы на дорогу, увидел бы незнакомца, направлявшегося ко дворцу. Он был крепким мужчиной и высоким - три локтя и более в высоту. Мускулы его рук и груди выделялись, как нити шнура. В руке он держал огромную узловатую дубину, а через плечи у него висела львиная шкура. Если ветер или солнце были слишком сильными, он накидывал пасть зверя на голову, как капюшон, и огромные зубы сверкали белизной и ужасом над его бровями и под подбородком. Он шел размашистыми шагами, балансируя дубиной на плече, словно это была легкая веточка, а не тяжелый саженец дуба. Когда он проходил через деревни, люди в изумлении отступали с его пути, и даже самый сильный из них шептал: "Да избавят меня боги от необходимости сражаться с ним в одиночном бою. В его мизинце - сила моей правой руки".

Но он шел, не обращая внимания на то, что думают о нем люди, то и дело напевая обрывки какой-нибудь застольной песни, чтобы скоротать время или пошутить с теми, кто встречался ему на пути; ведь у него было веселое сердце, и он желал добра всему человечеству. Те, кто испугался, увидев его дубину и львиную шкуру, забыли о своих страхах, как только разглядели его лицо, ведь глаза его были голубыми и смеющимися, как летнее небо, а улыбка - яркой, как весеннее солнце. И все же на его чертах виднелись морщины и шрамы, доказывающие, что он не бездельник, а тот, кто смотрел в лицо труду и опасности.

Так он приехал в Фере и поднялся по крутой тропинке к дворцу. Случилось так, что Адмет стоял в портике, направляясь внутрь. Увидев его, незнакомец воскликнул,

"Приветствую тебя, Адмет! Обернись и поприветствуй старого друга".

Услышав его, Адмет повернулся и подошел к нему.

"Добро пожаловать, Геракл", - сказал он и протянул руку для приветствия.

Но когда Геракл увидел его черные одежды и обритые локоны, он встревожился.

"Я пришел в недобрый час, Адмет, - сказал он, - ты оплакиваешь того, кто тебе дорог".

"Да", - ответил он, - "это правда".

"Может быть, это один из твоих детей или твой отец?"

"Нет, с ними все в порядке. Это женщина, которую я сегодня несу хоронить".

"Она чужая или из семьи?"

"Она не из семьи. Но она очень дорога нам, потому что после смерти отца она переехала и жила с нами. Она была прекрасной и благородной женщиной, и весь дом скорбит о ее смерти".

"Тогда я покину вас и пойду в другое место. Дом в трауре - не место для гостей".

"Нет, - вскричал Адмет, - умоляю тебя, не уходи. Никогда еще мои залы не отворяли путников от ворот. Мертвые мертвы. Что еще мы можем для них сделать? Им не стоит испытывать недостатка в дружбе к живым. Входите, входите, молю вас".

Несмотря на все уговоры, он заставил его войти и велел управляющему отвести его в отдельную комнату для гостей, где он мог бы есть и пить и не слышать траурных звуков, когда тело несли в гробницу; и он сделал все, чтобы скрыть от своего гостя, что это умерла Алкистис, ибо ему было стыдно, что Геракл узнал, что он позволил своей жене умереть за него.

Тем временем все было готово к похоронам, и вереница горожан стояла во дворе, ожидая, когда за ними вынесут груз. Их длинные черные одежды рассыпались в пыль, головы были обриты в знак скорби, и медленным шагом они шли за гробом, в то время как скорбящие пели заупокойную песнь.

"О дочь Пелиаса, прощай, прощай навеки! Да будет у тебя мир в нижнем мире и радость, какая только может быть в этих бессолнечных местах! О черноволосый бог Смерти, никогда не спускался в твои чертоги более благородный человек; никогда, о Харон, мрачный паромщик душ, никогда не переправлял ты через темный и страшный поток более драгоценную ношу! Часто будут петь тебе хвалу, госпожа, музыкальные менестрели во всех странах. На семиструнной горной лютне воспевают тебя, и в гимнах, без лиры и лютни, в Спарте, когда кружащиеся времена года приближают летний праздник, и всю ночь луна восходит высоко на небо. В светлых и сияющих Афинах тоже будут славить тебя, ибо ты одна, о светлейшая и лучшая, осмелилась умереть за своего господина и отдать за него свою юную жизнь. О мрачная Необходимость, окутывающая всех людей смертью, как тяжела рука твоя на этом доме! От тебя никто не может убежать, и сам Зевс склоняется перед тобой. Только у тебя, о богиня, нет храма, нет образов, к которым люди обращались бы с молитвой, и ты не слышишь голоса убитых. Алкестис ушла - ушла навсегда. Наши глаза больше не увидят ее. Да будет светла земля над тобой, госпожа. Дорогой ты была, когда была среди нас;

дорогой ты будешь и в смерти. Не просто курган мертвых будет твоей могилой, но почитание каждого прохожего, как святыня бессмертных". Странник, бредущий по извилистой дороге, склонит перед ней голову и скажет: "Здесь лежит та, что умерла за своего господина; теперь она - благословенный дух. Владычица, смилуйся надо мной! Так велика будет слава твоя среди людей во веки веков. Прощай, прощай, прекраснейшая".

Так они положили ее в полированную гробницу, а вокруг нее разложили богатые дары и принесли кровавые жертвы мрачному богу Смерти. Когда все обряды были совершены, они с печалью удалились.

Х

Тем временем Геракла отвели в отдельную гостевую палату, и слуги удовлетворили все его потребности, принесли ему воду для омовения и смену одежды. Пока они ждали его, он весело рассказывал им о своих приключениях в пути и смешил их, несмотря на то что они были опечалены горем своей госпожи. Только старый слуга держался в стороне и мрачно смотрел на незнакомца, осмелившегося веселиться в траурном доме.

Умывшись и одевшись, он сел за стол. Перед ним поставили обильную трапезу и принесли вина. Но в его глазах их щедрость была скудной, и он все время просил добавки, пока они не смогли сдержать удивления по поводу его аппетита. Наконец, наевшись досыта, он увенчал голову виноградными листьями и стал пить долго и глубоко. Вино согрело его сердце и разлилось веселым светом по всем жилам. Он был так счастлив, что не мог сидеть в тишине, а возвысил голос и запел, и пение его было подобно реву быка.

"Великий Зевс, сохрани нас!" - вздыхал старый официант, - "никогда еще я не слышал ничего более разноголосого и неприличного".

Но гость становился все веселее и веселее, а лицо слуги, за которым он наблюдал, становилось все длиннее и длиннее. Наконец Геракл и сам заметил его неодобрительный взгляд.

"Ну вот!" - воскликнул он, - "Почему ты так мрачен и угрюм, друг мой? Меня с таким же успехом мог бы приветствовать айсберг, как и ты, старое кислое лицо".

Слуга не ответил ему ни слова, а только еще больше нахмурился.

"Что! - вскричал Геракл, - разве так ты принимаешь гостей своего хозяина? Иди сюда, и я научу тебя лучшим манерам".

Он взял старика под руку и усадил его рядом с собой за стол.

"Ух ты! Что за лик! И все из-за странной девушки, которая случайно умерла. Как ты будешь выглядеть, когда один из твоих хозяев будет лежать в могиле? Мне не нравится эта маска лицемерия, друг мой. Ты не заботишься о той, кто умер, но делаешь длинное лицо и вызываешь холод в сердцах всех зрителей, потому что, дескать, это прилично - оплакивать мертвых. Все мы должны платить дань смерти, каждый из нас, и никто не знает, увидит ли он когда-нибудь свет следующего дня; так считай же настоящее своим, ешь и пей со мной и веселись. Хмурое лицо не украшает мертвых - напротив, оно лишь затемняет солнечный свет этой жизни, которую мы можем прожить только раз. Вставай, парень, пей и смывай с себя хмурые мысли! Поверь мне, жизнь - это вовсе не жизнь, а только труд и несчастье для тех, кто идет по ней с напыщенными шагами и кислыми лицами".

И он налил себе полный кубок.

"Все это я прекрасно знаю, хозяин, - ответил старик, - но тень, упавшая на этот дом, слишком тяжела, чтобы я мог принять участие в твоём веселье".

"Ты слишком много думаешь о смерти. Ты не можешь скорбеть о чужаке так, как скорбел бы об одном из домочадцев. Твои хозяин и хозяйка живы. Пусть тебе этого будет достаточно".

"Что! Мои хозяин и хозяйка живы? Увы, мой хозяин слишком добрый хозяин".

"Так неужели я должен голодать из-за смерти незнакомой девушки?"

"Это не чужая, говорю тебе, а самая близкая и родная".

"Неужели меня обманули? Неужели он скрыл от меня какое-то несчастье?"

"Не спрашивайте больше, идите с миром. Горести моего господина должен нести я, а не ты. И он велел мне не говорить об этом".

"Говори, говори, человек! Я вижу, что он скрыл от меня какое-то большое горе. Кто та женщина, которая умерла?"

"Не спрашивай меня. Мой господин велел мне не говорить".

"А я запрещаю тебе говорить. Скажи мне немедленно!"

Он выглядел таким свирепым и ужасным, что старик затрепетал перед ним.

"Да простит меня мой господин!" - сказал он. "Это Алкестис, его жена".

"Алкестис!" - вскричал Геракл. "И он не захотел разделить свою печаль со мной, своим другом, а позволил мне войти, пировать и петь, пока он уходил хоронить ее. Горе мне! Я думал, что он любит меня".

"Чтобы избавить тебя от боли, он не сказал тебе об этом, господин".

"Как же она умерла?" - спросил Геракл, снял с головы виноградные листья и вылил вино на пол.

Тогда старик рассказал ему всю историю.

"Где же они ее похоронили?" - спросил он, когда все было кончено.

"Вон там, где белое шоссе ведет к Ларисе, на равнине. Там, на окраине города, ты найдешь гробницу царей Фере, где ее и положили".

"Нет ли более короткого пути, по которому я мог бы быстро добраться до нее?"

"Есть тропинка у полей, я покажу тебе ее".

"Тогда идемте прямо. Я должен идти и ждать черного Властелина Смерти. Он поднимется, чтобы испить крови, которую выльют для него рядом с гробницей. Тогда я обрушусь на него из засады, сражусь с ним и одержу победу, и он вернет мне Алкестиду. Даже если мне придется спуститься за ней в Аид, она вернется. Она слишком красива и благородна, чтобы провести свою юную жизнь в темном подземном мире".

Старик удивился его словам, но вышел с ним, показал ему тропинку через поле и стоял, глядя ему вслед, пока тот не скрылся из виду.

"Воистину, мы говорим и плачем, - пробормотал он про себя, - а он смеется и действует. Он стоит десятерых из нас".

XI

Тем временем похоронная процессия возвращалась по шоссе. Когда они вошли в город, каждый удалился в свой дом; только Адмет со своими близкими друзьями и родственниками вернулся во дворец, чтобы отпраздновать погребальный пир. Пока они ждали, когда будет готовиться пир, Адмет остался один во дворе. Он сел на одно из каменных сидений под колоннадой и уткнулся лицом в руки. Он не мог заставить себя войти в дом, где все напоминало бы ему о жене, которую он потерял: кресло, в котором она сидела, теперь пустовало; огонь на алтаре горел слабо, а пепел был разбросан, потому что ее больше не было рядом, чтобы питать угасающее пламя. Вся сила жертвоприношения дошла до него, и он содрогнулся при мысли о совершенном им поступке.

"Я убил ее - убил ту, которую любил, чтобы спастись от смерти, потому что любил свою жизнь и не хотел отправляться в темный мир внизу. Горе мне!" - воскликнул он. С тех пор как она ушла, солнце превратилось во тьму, а земля - в Аид". Я ухватился за сущность и все время следовал за тенью. Глупец, как я мог возмутиться против тех, кто отказался умереть за меня, и бросить ее смерть им в зубы! Она мертва, мертва, убита только моей рукой. Никогда больше я не смогу посмотреть в лицо своему народу и не смогу возвеличить совершенные мною деяния. Позор моей трусости зачеркнет их все, и я, как гнида, исчезну среди своих товарищей. Лучше бы я умер вместе с ней!"

Так он и сидел, издавая бесплодные стоны. Вышли его друзья, пытались утешить его и ввести в дом, но он прогнал их и не хотел входить. Весь вечер он просидел в одиночестве, пока не наступила темнота. В конце концов он почувствовал, что на его плечо легла тяжелая рука, и, подняв голову, увидел, что рядом с ним стоит Геракл.

"Почему ты не доверяешь мне, Адмет?" - спросил он. "Все твои домашние, весь город знали, что твоя жена Алкестида мертва. Лишь меня, своего знакомого друга, ты держал в неведении. Я думал быть рядом с тобой в твоем горе, а ты даже не сказал мне об этом".

"Мне было стыдно", - ответил Адмет.

"Ну, что ж, сделанного не воротишь. Теперь у тебя есть только один способ доказать, что ты по-прежнему мой друг. Поев, я пошел через поле и наткнулся на место, где люди устраивали игры и давали богатые призы победителям - лошадей и волов, а лучшему из мужчин - прекрасную женщину. Когда я увидел эту женщину, я решил завоевать ее. Я вышел на состязание и победил всех своих соперников. Женщину я привез с собой и прошу тебя сохранить ее, пока я не вернусь от диких фракийцев, потому что я не могу взять ее с собой туда. Если же по какой-то случайности я не вернусь, а встречу свою судьбу вдали, я отдаю ее тебе, чтобы ты оставил ее себе. Я взял ее с собой, чтобы отдать на твое попечение".

Говоря это, он вывел вперед за руку женщину, стоявшую рядом с ним. Она была плотно завуалирована, так что Адмет, взглянув на нее, не увидел лица, а только очертания ее фигуры.

"О, уберите ее, уберите!" - вскричал он. "Ростом и фигурой она похожа на мою жену, и мне невыносимо смотреть на нее. Я готов сделать для тебя многое, друг мой, но не проси об этом."

Ни одна женщина больше не будет жить в моем доме. Отведи ее к кому-нибудь из своих друзей".

Несмотря на все слова Геракла, он отказался взять ее.

"Я вижу, что ты больше не хочешь быть моим другом, Адмет", - сказал он наконец. "Сначала ты не рассказал мне о своей печали, а теперь не сделал для меня и этой малости. Я уйду и больше не буду беспокоить тебя своей дружбой".

При этих словах Адмет был поражен.

"Ах, не говори так. Ты знаешь, что я люблю тебя, но ты просишь о чем-то трудном. Всякий раз, когда я буду смотреть на нее, я буду вспоминать свою жену. И язык клеветы не умолкнет. Люди скажут, что я утешаюсь и забыл женщину, отдавшую свою жизнь за мою. Тем не менее, если вам так угодно, я уступаю. Отведи женщину в дом или пусть кто-нибудь из слуг укажет ей дорогу".

"Нет, - сказал Геракл, - я доверю ее только тебе. Она красива и благородна, и я не хочу, чтобы с ней обращались как с простой женщиной".

И он заставил Адмета взять ее за руку.

"Теперь, когда я знаю, что ты будешь обращаться с ней достойно, ты можешь взглянуть на ее лицо", - сказал он и приподнял покрывало, окутывавшее ее.

Когда Адмет увидел ее лицо, он в ужасе отступил назад, ибо перед ним стояла бледная и прекрасная, едва дышащая Алкестида.

"Боги!" - вскричал он, - "дух моей жены!"

"Нет, - сказал Геракл, - это она сама".

"Ты насмехаешься; этого не может быть".

"Это не насмешка, ведь кому, как не мне, знать, кто завоевал ее?" - сказал Геракл. "Клянусь Зевсом, я много раз участвовал в тяжелых поединках, но никогда - хвала богам - не был так жесток, как этот! Я встретился со Смертью лицом к лицу и надеюсь, что мне больше никогда не придется противостоять ей".

Она не ответила ему ни слова, но протянула обе руки и подняла его с колен.

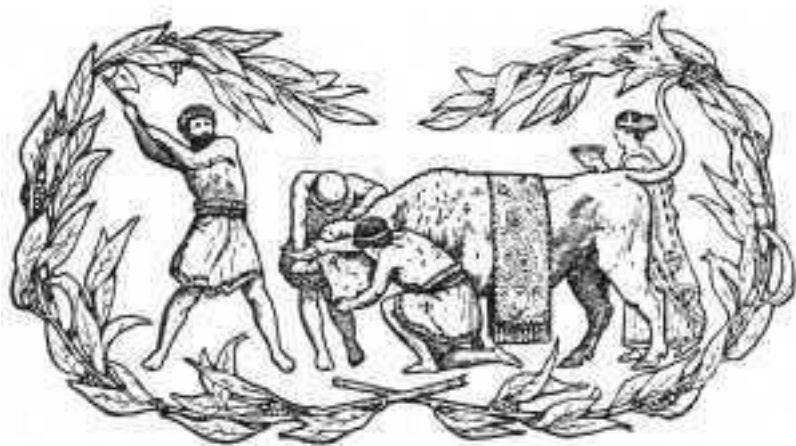
"Ах, друг мой, как мне благодарить тебя? Я не заслужил такой радости", - воскликнул Адмет и упал перед ними на колени.

"Я думал не о твоих заслугах, а о ее", - сказал Геракл. "Подойди, возьми ее на руки".

"Я не смею к ней прикоснуться. Ах, госпожа, можешь ли ты любить того, кто послал тебя на смерть?" - спросил он, склонив перед ней голову.

Она не ответила ему ни слова, но протянула обе руки и подняла его с колен; он заглянул в ее глаза и нашел их полными любви. Нежно и смиренно он обнял ее и повел прочь, чувствуя, что если что-то на земле и может поднять его из глубин эгоизма и подлости, в которые он опустился, так это безграничная, безмерная любовь стоявшей перед ним женщины.

"А теперь сменим погребальный пир на пиршество ликования", - вскричал Геракл. "Воистину, я мог бы съесть быка после этой моей последней схватки".

Охота на калидонского вепря

В городе Калидоне давным-давно царило великое ликование, потому что царица Альтея родила сына, своего первенца, который, если вырастет до зрелых лет, со временем сядет на трон своего отца Инея и будет править страной. Через семь дней после рождения ребенка случилось так, что царица лежала одна в своих покоях с младенцем на груди. Стояла зима, и вечерние тени рано опустились на комнату, но на очаге пылал яркий огонь, и мерцающее пламя отбрасывало на стены пляшущие тени. Королева была очень счастлива, прижимая ребенка к груди, держа его нежную ручку в своей и шепча ему на ушко слова, которые только мать умеет говорить своему ребенку.

Лежа, она наблюдала за тенями, играющими на стенах, и в ее глазах они принимали странные формы людей и зверей. То это была великая битва, когда кони и колесницы мчались по равнине, а могучие воины сходились лицом к лицу в сражении; то охота, когда рогатые собаки натягивали поводья, а белозубый кабан продирался сквозь чащу. Но будь то охота или битва, везде она видела фигуру человека - высокого, красивого и храброго, выделявшегося среди своих товарищей, - такого героя, каким мог бы стать ее сын, если бы

дожил до зрелых лет. И она молилась, чтобы ее видение сбылось, и ее сын вырос героем - человеком, сильным в спорте и могучим в бою. Со временем пламя утихло, и огонь в очаге горел ясно и спокойно. Глаза королевы отяжелели, и она уже собиралась повернуться на бок, чтобы уснуть, как вдруг произошло странное событие, отнявшее у нее всякое желание отдыхать. Стена комнаты перед ней, ярко и весело светившаяся в свете камина, стала серой и туманной и, казалось, исчезла на глазах, а сквозь образовавшийся проем к ней вышли три незнакомые женщины, более высокие и страшные, чем все женщины земли. Первая из них держала в руках моток ниток, вторая - веретено, а третья - большие острые ножницы. Королева лежала, не шевелясь от ужаса, пока они, взявшись за руки, медленно подходили и становились рядом с кушеткой, глядя на ребенка у ее груди. Наконец первый из них заговорил.

"Я даю ребенку твоему, Алфея, нить жизни, светлую и прекрасную".

"А я, - сказал второй, - вплету эту нить в темные места, где она будет сиять ярче, чем во тьме вокруг, и принесет ему честь и великую славу".

Третья не произнесла ни слова, но медленно обошла вокруг дивана, пока не встала перед огнем в очаге. С решетки упало большое огниво и тлело на камнях. Нагнувшись, она взяла его в руку, воткнула глубоко в раскаленное сердце огня и стояла, глядя на него, пока оно не разгорелось, и языки пламени не взметнулись вверх. Затем она повернулась к королеве.

"Как только это клеймо на огне сгорит, - сказала она, - я обрежу блестящую нить своими ножницами, и его жизнь превратится в прах, развеянный по ветру".

Говоря это, она протянула ножницы, и в свете костра они сверкнули остротой и жестокостью.

С криком ужаса королева вскочила с дивана, забыв о своей слабости и думая только о жизни своего ребенка; она бросилась через комнату и, выхватив из огня пылающее клеймо, задушила его в своем платье и раздавила под босыми ногами, пока в нем не осталось ни одной живой искры. Затем она спрятала его в потайном месте, где только она могла его найти, и, бросившись на свою кушетку, больше ничего не знала. Когда пришли слуги, они нашли комнату пустой, кроме королевы и ее ребенка, а она лежала без чувств на кушетке, ноги и платье ее были в шрамах и ожогах.

Долгие дни она лежала между жизнью и смертью, но наконец боги смилостивились, и к ней медленно вернулись силы. Но когда кто-нибудь спрашивал ее о причине своего сожжения, она вздрагивала и рассказывала какую-то странную историю про упавшее из огня клеймо, которое должно было сжечь жизнь ее ребенка. Что она имела в виду, никто не знал, но думали, что боги поразили ее внезапной лихорадкой, и, не понимая, что делает, она сожгла себя в огне. Но ни о полусгоревшем клейме, ни о слове судьбы они ничего не знали, ибо Алфея сказала в своем сердце,

"Судьбы говорят, и слово их непременно сбудется. Тонкую и прекрасную нить жизни дала Лахесис моему сыну, и Клото вплетет ее в темные места, где она будет сиять необычайно ярко. Дары, которые они преподнесли, хороши. Одна только рука Атропос против него, и она измерила его жизнь жизнью хрупкого куска дерева. Но пока боги дают мне силу, ни одна неосторожная рука не положит это клеймо в пламя, и ни один человек не узнает тайну его жизни, ибо горе или безумие может обратить даже сердце друга. От меня и только от меня зависит жизнь моего сына, ибо я хорошо знаю, что ни молитвы, ни жертвоприношения не в силах обратить сердце Атропоса, Непокколебимого".

И она надежно спрятала клеймо там, где только она одна могла его найти. Много других прекрасных детей родила она царю Инею - Ферея, Агелая и Перифаса, Горгия и Меланиппу, а также незадачливую Деяниру, которая вышла замуж за Геракла и невольно стала причиной его смерти. Но больше всех она любила Мелеагра, своего первенца, ибо слово, сказанное судьбой, сбылось. Он вырос великим воином и могучим человеком, и его боялись враги и любили друзья по всей земле, ибо в те дни шли большие войны между куретами Плерона и эйтолийцами Калидона, и с обеих сторон сражались люди, чьи имена не были презренными среди их собратьев, но среди них не было никого столь прославленного, как Мелеагр. Во всей стране не было человека, который мог бы метать копье с такой силой и мастерством, как он, и всякий раз, когда он выходил на бой, победа оставалась за калидонцами, а его называли спасителем и защитником своего города.

Когда он был в самом расцвете сил, из далекого Иолхоса пришел призыв Ясона ко всем героям Эллады присоединиться к нему в поисках Золотого руна. Среди них был Мелеагр на добром корабле "Арго", который приплыл в страну сумрачных колхидцев на берегах Эвксинского моря. По преданию, он убил их царя Ээта, дитя Солнца, и спас своих товарищей от смертельной опасности. Но независимо от того, правда это или нет, несомненно, что он сыграл свою роль как мужчина и вернулся в Калидон с честным именем за мужество и стойкость. Тогда его водрузили на плечи соотечественников, пронесли по улицам города и устроили роскошный пир в доме его отца.

Вскоре после его возвращения случилось так, что урожай был более обильным, чем когда-либо на памяти людей. На равнинах высоко стояла золотая кукуруза, на солнечных склонах гор оливковые деревья были усыпаны ягодами, а виноградные ветви поникли под тяжестью пурпурных плодов. Тогда царь Идней приказал устроить по всей стране великий благодарственный праздник в честь Диониса и Деметры и сероглазой Паллады Афины, даровавших людям столь благие дары. В каждом святилище и храме дымились жертвенные алтари, и радостные группы юношей и девушек с гирляндами на головах танцевали рука об руку, распевая песню об урожае.

"Все приветствуют тебя, Деметра, великая Мать-Земля! От Эвмена до серебристых вод широкого Ахелея ты покрыла лоно равнины золотыми колосьями кукурузы, и они танцуют под западным ветром, как волны на летних морях. Слава тебе, Дионис, приносящий радость в сердце человека! Около твоих алтарей сок виноградной лозы будет течь, как вода, и души тех, кто был склонен к труду и работе, вознесутся к тебе в радостное время жатвы. И Паллас Афина, сероглазая дева, тебя мы тоже приветствуем за твой дар - благоухающую оливу. Тень твоих деревьев прохладно ложится на склоны холмов, и ты с добротой взираешь на нашу землю. О, придите сюда, все вы, горожане и жители равнин и холмов, придите сюда сотнями, и танцуйте у алтарей, и пойте благодарственные песни великим богам на вершине".

Так они танцевали и пели, и по всей земле царили радость и ликование, и ни одна душа среди них не знала, как скоро их смех превратится в слезы. И когда Артемида, охотница, увидела, что повсюду дымятся алтари в честь Деметры, Диониса и Палласы Афины, но ни один камень не воздвигнут в ее честь, она исполнилась ревности и гнева. Однажды ночью, когда вся земля спала, она покинула горы, где любила охотиться, и спустилась в Калидон. Стрелы в ее колчане звенели, когда она шла по дороге в гнев, и вспышки ее глаз были подобны вспышкам летних молний на небе. Огромными размашистыми шагами она подошла и встала над спящим Сенеусом.

"О царь, - сказала она, - слишком долго я терпела и ждала своих податей; но я больше не потерплю твоей неблагодарности. Когда на равнине зазеленеет молодая кукуруза,

распустятся виноградные листья, а деревья вновь набросят тень на голые склоны холмов, тогда ты узнаешь о моей силе. Деметра может сеять золотое зерно, Дионис и Паллас Афина могут наполнять плоды радостным соком, но тебе еще предстоит узнать, что, если на то будет моя воля, хотя обещание урожая будет справедливым, плоды его будут лежать испорченными и несобранными там, где они выросли. Широки и темны леса, покрывающие дикий Арахинтус, и глубоки овраги, и много диких зверей таится в них, которые укрощаются лишь по моему слову. Одного из них я выпущу на землю твою. Многие поля будут истоптаны ногами, многие виноградники и оливковые рощи опустошены - да, и потечет красная кровь, пока гнев Мой не утихнет и Я не удалю вредителя из среды тебя. Я говорю, и никакая жертва не отвратит меня от моего слова".

Так говорила она, произнося слова ему на ухо, и, повернувшись, вышла из комнаты тем же путем, каким пришла. Вздвогнув, он очнулся от сна и огляделся вокруг, но никого не увидел. Лишь внезапно налетевший ветер хлестал ветви деревьев друг о друга, да темная туча скрывала лицо луны.

"Наступает печальная зимняя пора, - подумал он, - с ее бурями и мрачными днями. Но, чтобы не было ничего страшного в моем сне, завтра я вспомню Артемиду, и ее алтари тоже задымятся от жертвоприношений".

Так что на следующий день в честь Артемиды, девы-охотницы, был устроен большой праздник, и Ценеус отбросил все мысли о своем сне. Но когда наступила весна и начало лета, у него появился повод вспомнить о нем с печалью, потому что из лесов Арахонта вышел огромный вепрь, который опустошил всю страну направо и налево. Размером он был больше эпирского быка, чьи быки - самые крупные в мире, а щетина на его шее торчала, как шипы. Дыхание его было подобно огненному пламени, сжигавшему все, что стояло на его пути, а маленькие жестокие глаза блестели красным от крови. Он метался по кукурузным полям и топтал копытами зеленые поля, а своими сильными белыми клыками срывал виноградные ветви и ломал нависающие ветви оливы, так что молодые ягоды и плоды лежали на земле испорченными. Он опустошал не только поля, но и стада и отары на пастбищах, и ни пастухи, ни собаки не могли защитить их от его ярости. По всей стране люди в ужасе бежали от него и прятались в городских стенах, лишь время от времени отряд самых храбрых выходил вперед и расставлял для него сети и силки; но так велика была сила зверя, что он прорывался сквозь все ловушки, которые они могли придумать, и, убив любого, кто вставал на его пути, возвращался с еще большей яростью, чем прежде, к нападению на поля и скот. В конце концов дело дошло до того, что, если не удастся остановить чудовище, голод в скором времени настигнет людей. Когда Мелеагр увидел, что ни молитвы, ни жертвоприношения не могут обратить сердце Артемиды, ни обычная охота положить конец кабану, он решил собрать вокруг себя группу героев, которые ради славы соберутся на охоту и либо убьют зверя, либо сами погибнут при попытке. И он разослал по всем царствам Эллады воззвание.

"О люди Эллады, - сказал он, - прекрасные равнины Калидона топчутся под ногами ужасного чудовища, а ее народ постигла беда. Придите сюда и помогите нам, все, кто любит приключения и не боится ни риска, ни опасности, опытные воины, чей дух еще не умер в вас, и молодые парни, которым еще предстоит завоевать свое имя. Приходите к нам, и мы обеспечим вам честный спорт и хорошее настроение".

В ответ на его призыв из дальних краев в Калидон стекалось великое множество храбрецов, и под крышей Ценеус собралось много народу для охоты на вепря. Пришел и сам Ясон, предводитель аргонавтов, и Кастор с Поллуксом, великие братья-близнецы, чьи звезды есть на небе. Был и Тесей, убивший Минотавра, и Пирифой, его друг, спустившийся вместе с ним

в Аид и пытавшийся увести Персефону у царя мертвых. Пришли быстроногий Идас и Линсей, его брат, чьи глаза были так остры, что могли видеть центр земли. Были там и другие, чьи имена слишком многочисленны, чтобы рассказывать о них, а также Токсей и Плексипп, братья царицы Алфеи, которых она любила так же, как своего собственного сына Мелеагра. Ведь еще маленькой девочкой она играла с ними во дворце Фестия, своего отца, и помнила, как следила за их возвращением с охоты и хлопала в ладоши от радости, когда издалека видела их, возвращающихся домой с добычей. Они ласкали ее и играли с ней, и пока они были с ней, она была счастлива, как птичка; но когда они уходили, ее сердце болело от желания, чтобы они вернулись. Память о тех днях до сих пор сияла в ее сердце, и когда ее братья пришли вместе с другими гостями на охоту на кабана, она встретила их с радостью. В большом зале был накрыт роскошный пир, раздавался громкий смех и светились лица, когда один друг встречал другого, которого не видел много долгих дней, и усаживался рядом с ним в дружеском порыве, когда перед ними лежала стонущая доска. Пир шел полным ходом, когда один из сопровождающих шепнул на ухо королю, что на охоту на кабана пришел еще один гость.

"Кто он?" - спросил король.

"Мой господин, я не знаю", - ответил тот.

"Что ж, пусть он не стоит без дела, - сказал Сенеус, - но проводи его сюда, и мы будем рады его видеть вместе с остальными".

Через несколько мгновений мужчина вернулся и отодвинул занавеску большого дверного проема, чтобы новоприбывший мог войти. Все взгляды устремились в ту сторону, чтобы увидеть, кто это, и по залу пронесся ропот удивления: на пороге стоял не мужественный воин, как они ожидали, а дева, юная и прекрасная. Она была одета в охотничью тунику, доходившую ей до колен, а ее ноги были перетянуты кожаными ремнями. Поперек тела она носила пояс, с которого свисал колчан, полный стрел, а правой рукой она опиралась на большой пепельный лук, похожий на посох. Ее сияющие волосы волнами спадали со лба и были собраны сзади в моток, а сама она гордо подняла голову и невозмутимо оглядела всех собравшихся. Сияние ее щек и пружинистость шага говорили о жизни на природе, о полезном для здоровья спорте на холмах и в горах, так что она могла бы быть самой Артемидой, спустившейся с охоты в горах. Она оглядела зал, пока ее взгляд не упал на хозяина Сенеуса, занимавшего почетное место, и, ничуть не обеспокоенная тишиной, которую вызвало ее появление, сказала,

"Сир, за свое позднее появление я прошу у вас прощения. Несомненно, некоторые из твоих гостей прибыли из более далеких земель, чем я, но, по несчастью, я решила приплыть морем, а не перешейком, и целый день изводила свое сердце ожиданием благоприятного бриза у святилища Посейдона, ибо восточный ветер дул как ярость через Кризейский залив, и любая барка, рискнувшая попробовать переправиться, была снесена к островам Гесперид еще до того, как достигла твоей земли. Поэтому я вынужден был ждать, пока ветер стихнет и я смогу безопасно переправиться".

Скрыв, как мог, свое удивление, Сенеус ответил,

"Дева, мы благодарны тебе за твой приход и рады видеть тебя в наших залах. Но мы хотели бы знать, как зовут тебя, женщину, которая в одиночестве пересекла бесплодные земли и бурные моря и пришла принять участие в охоте, которая является не просто детской забавой, а опасным предприятием, в котором сильные мужчины не решаются рисковать своими жизнями и конечностями".

Выслушав его слова, она улыбнулась.

"О король, - сказала она, - ты плохо скрываешь свое удивление. Но я не обижаюсь и не делаю тайны из того, кто я. Меня зовут Аталанта, и я пришла с гор Аркадии, где целыми днями охочусь с нимфами по холмам и долам, и по темным лесам, следуя по стопам той, кому мы служим, великой Артемиды-охотницы. По ее приказу я стою сейчас перед тобой, ибо она сказала мне: "Аталанта, земля Калидона стонет под проклятием, которым я прокляла их за то, что они забыли меня и не отдали мне моих податей. Но ты пойди и помоги им, и ради тебя я отложу свой гнев и позволю им убить чудовище, которое я послала против них. Но без тебя они этого не сделают, а слава охоты будет принадлежать тебе". Так она говорила, и, повинувшись ее слову, я пришла".

Когда она заговорила, по залу пронесся ропот, и у каждого мужчины поднялось внутри ущелье, когда он решил, что ни одна женщина не сможет превзойти его в мужестве и силе. Сыновья Фестия, братья королевы, особенно пристально смотрели на нее, и сердца их были полны ревности и гнева, ибо взор ее был ярок и тверд, а конечности - гибкими и быстрыми, и не было причин, по которым она не могла бы сравниться с любым мужчиной среди них в испытании, где быстрота ног и меткость глаз могли бы помочь не меньше, чем грубая сила. Когда Мелеагр увидел их мрачные взгляды, он очень рассердился, что они настолько забыли о своем воспитании, что не смогли принять гостью, и, поднявшись со своего места, направился к ней.

"О дева, - сказал он, - мы рады приветствовать тебя в наших залах и благодарим тебя за то, что ты услышала наш призыв и пришла помочь нам в день нашей беды. Проходи же, садись и порадууй свое сердце мясом и вином, ибо ты очень нуждаешься в них после долгого путешествия".

Пока он говорил, он взял ее за руку и усадил на почетное место между своим отцом и собой, и проследил, чтобы она наелась досыта. Когда он сидел рядом с ней и разговаривал, сердце его воспылало любовью, ибо она была очень красива на вид; и чем больше он думал о предстоящей охоте, тем больше ему не хотелось, чтобы она рисковала своей жизнью на ней. Наконец он сказал,

"Аталанта, ты, конечно, не знаешь, что это за зверь, которого мы собрались уничтожить. Может быть, ты и охотилась на быстрого оленя в зеленом лесу, но никогда не встречала такого свирепого чудовища, как этот вепрь, которого Артемиды послала против нас. Говорю тебе, это будет не детская забава, а вопрос смерти для некоторых из нас. Нет ли у тебя матери или отца, которые оплакивали бы тебя, если случится несчастье, или возлюбленной, которая с нетерпением ждет твоего возвращения? Подумай хорошенько, пока не стало слишком поздно".

Но она громко рассмеялась над его словами.

"Ты принимаешь меня за какую-то поникшую девицу, которая сидит дома и прядет, и падает в обморок, если видит хоть каплю крови. Говорю тебе, я не знаю ни отца, ни матери, ни мужа, ни брата, и мне мало что нравится в женском роде, как ты знаешь. Никогда не жил я в четырех стенах, и первым кровом, укрывшим меня, были лесные деревья горы Парфений, что стоит там, где сходятся три земли, на границах Спарты, Арголиты и лесистой Аркадии, которую я избрал своим домом. Откуда я пришел и как попал на Парфений, никто не может сказать, да я и не хочу этого знать. Что же касается диких зверей, то, если бы у меня не было глаз ястреба и ног оленя, я бы и десяти секунд не пробыл в безопасности на возвышенностях Аркадии. Ибо там, как ты, несомненно, слышал, обитает свирепое племя кентавров -

чудовищ, наполовину людей, наполовину лошадей, - обладающих страстями людей и силой зверей. Они, увидев меня, загорелись моей красотой и преследовали меня по холмам и долам, а я бежала от них как ветер; но время от времени я находила время повернуться и выпустить из своего лука дротик, который редко попадал не в цель. Так страшен был хаос, который я учинил в их стаде, что через некоторое время они сдались в отчаянии и больше не досаждали мне. Так что не говорите со мной о свирепых зверях и опасностях. Всю свою жизнь я дышу опасностью, исходящей от окружающего меня воздуха, и я скорее умру, чем буду сидеть с твоим женским родом в безопасности, пока вы все отправитесь на охоту на кабана".

Говоря это, он взял ее за руку и усадил на почетное место между собой и отцом.

И ничто, что бы ни сказал Мелеагр, не могло отвлечь ее от задуманного.

"Неужели ты думаешь, что я покинула горы Аркадии, нимф, радости и опасности охоты, чтобы прийти и сидеть со старыми женами у огня в твоём дворце в Калидоне?" - сказала она со смехом; и её белые зубы сверкали в свете факелов, как жемчуг, а блеск её волос и огонь её глаз ещё сильнее разжигали пламя любви в его сердце, так что он мог бы упасть к её ногам и умолять её ради него держаться подальше от опасности. Но через борт он увидел, что на него смотрят Токсей и Плексипп, братья его матери, и их брови были темными и опущенными, когда они хмуро смотрели на него и Аталанту. Поэтому он больше ничего не говорил, чтобы они не узнали его тайну и не стали дразнить его за страсть; но в глубине души он знал, что завтра его мысли будут не только об убийстве вепря, но и о её безопасности. Что же касается Аталанты, то и камень вернул бы ему любовь с такой же готовностью, как и она. Как товарищ по охоте он ей вполне нравился, но отказаться ради него от своей девичьей жизни было так же далеко от её мыслей, как восток от запада. Она ещё не знала мужской любви и в глубине души поклялась, что никогда её не испытает. Но не все зависит от воли смертных, и Аталанте, как и любой другой женщине, суждено было однажды склонить свою гордую голову в прах перед великой любовью мужчины, хотя боги не предназначали, чтобы Мелеагр стал тем, кто её завоеует. Но об этом позже.

Когда наступил рассвет, во дворе дворца, где все должны были собраться на охоту на кабана, царили суэта и неразбериха. Слуги бегали туда-сюда, чтобы принести и унести для своих хозяев, и, когда егерь трубил в свой рог, гончие нетерпеливо лаяли и натягивали поводья, скуля. Наконец, когда все было готово, Алфея со своими девицами вышла в портик и попрощалась с гостями, мужем, братьями и Мелеагром, своим сыном.

"Да хранит тебя Бог, сын мой, - сказала она, с гордостью глядя на него, - и удачи тебе в охоте".

Затем она встала на ступеньку и с улыбкой помахала им рукой, когда они повернулись, чтобы оглянуться на неё, прежде чем изгиб дороги скроет их из виду. Но хотя на её губах играла улыбка, глаза её были полны слез, а в сердце темнело смутное предчувствие зла. Тяжелым шагом она повернулась и вошла в дом, а когда проходила мимо алтаря у очага, остановилась и склонила голову.

"Великая Артемида, - взмолилась она, - смилуйся и верни мне моих близких в этот день в целости и сохранности".

Затем она отправилась в свою комнату и достала из тайника полусгоревшее клеймо, от которого зависела жизнь её сына.

"Его жизнь, во всяком случае, в безопасности, - подумала она, - пока это клеймо хранится у меня".

И она снова спрятала его там, где, как она знала, никто не сможет его найти, и принялась за беспокойную работу, чтобы как можно лучше скоротать часы, пока охотники не вернутся домой.

А они тем временем поднимались по крутой тропе, ведущей в горы, и углублялись в сердце леса, где, как они знали, скрывалась их добыча. Вскоре они наткнулись на след его копыт, ведущий к сухому руслу ручья, где камыши и тростник росли высоко в болотистой местности, а склонившиеся ивы отбрасывали тень на место, которое он выбрал для своего логова. Здесь они предусмотрительно расставили сети, расположились на каждом удобном месте и, когда

все было готово, выпустили гончих и стали ждать, когда кабан выйдет из своего укрытия. Ждать пришлось недолго. С яростным фырканием он выскочил наружу. Дыхание из его ноздрей вырывалось, как пар, белая пена летела изо рта и покрывала его щетинистые бока и шею. Быстро, как молния, он бросился к первому попавшемуся человеку, и топот его копыт, как гром, разнесся по лесу, когда он опустился на твердую землю. Как только он бросился бежать, со всех сторон на него посыпался ливень снарядов, но некоторые были направлены неправильно, падали слишком далеко или слишком коротко от него, а те, что касались его, скользили в сторону по жесткой шкуре, словно это были перья, а не бронза; Он прорвался сквозь сети, расставленные для его поимки, и галопом усакал невредимым, а позади него среди камышей лежала мертвая гончая, пронзенная его клыком, и двое охотников, стоявших на его пути и не успевших вовремя броситься в сторону, лежали, стона, на земле с железным следом от его копыта и зияющей раной в боку одного из них. Когда остальные увидели, что он ускользнул от них, они пустились в погоню со всей скоростью, во главе с Кастором и Поллуксом на белых конях, а рядом с ними - Аталанта, бегущая быстро, как ветер. Впереди них лесная тропа резко поворачивала влево, и кабан, слепо бросившись вперед, должен был нырнуть в подлесок и кусты и скрыться за пределами досягаемости их дротиков. Но Аталанта, увидев, что должно произойти, остановила погоню. Быстро сообразив, она наложила стрелу на тетиву и пустила ее в огромного зверя; и Артемида, верная своему слову, направила стрелу так, что она пронзила его в жизненно важную часть за ухом. Фыркнув от боли и ярости, он обернулся к охотникам и бросился на них, когда они подошли сзади, и велик был бы хаос, который он учинил среди них, если бы не Мелеагр. Когда зверь настигал его, он легко отпрыгнул в сторону и, собрав все свои силы, глубоко вонзил копье в черное плечо зверя и силой удара повалил его на землю. Тотчас же остальные собрались вокруг и помогли закончить начатое Мелеагром дело, и вскоре чудовище лежало мертвым на земле в луже собственной крови. Тогда Мелеагр, поставив ногу на голову кабана, обратился к охотникам.

Когда зверь надвигался на них, Мелеагр глубоко вонзил копье в его плечо.

"Друзья мои, - сказал он, - я благодарю вас всех за мужество и преданность, которые вы проявили в этот день. Моя земля снова может поднять голову от радости, ведь чудовище, которое наводило такой хаос на ее полях, лежит мертвым здесь, у моих ног. Но цена его смерти была нелегкой, друзья мои". И они молча склонили головы, вспоминая тех двоих, которых кабан сразил в своем порыве, и один из них теперь был мертв. "Но те, кто пострадал, пострадали славно, отдав себя, как и положено храбрецам, ради других, и их имена, конечно, не останутся незапомненными для всех нас. Еще раз, мои верные товарищи, я благодарю вас, каждого из вас. Что же касается тебя, леди, - продолжал он, обращаясь к Аталанте, - то, хотя все сыграли свою роль, слава охоты принадлежит тебе. Если бы не твоя

верная рука и зоркий глаз, зверь мог бы еще скрываться в лесу. Поэтому в знак нашей благодарности я отдаю тебе голову кабана в качестве трофея, с которым ты поступишь по своему усмотрению".

При этих словах по кругу слушателей прокатился рокот аплодисментов. Только голоса Токсея и Плексиппа не были слышны, ибо они обезумели от ревности и гнева, и как только наступила тишина, они заговорили.

"По какому праву, - спросил Токсей, - можно уносить трофей охоты, в которой каждый из нас сыграл свою роль?"

Дерзость его слов и взгляда довела гнев Мелеагра до точки кипения. На протяжении всей охоты братья не проявляли к Аталанте ни малейшей вежливости, а теперь их грубость стала просто невыносимой.

"По тому же праву, по какому лучший уносит приз в любом состязании", - спокойно ответил он, хотя был бледен от гнева.

"Счастлив тот, кто первым завоевал сердце судьи, - с усмешкой сказал Плексипп, глядя на Аталанту.

От правды и лжи его слов Мелеагр был вне себя от ярости. Не понимая, что делает, он бросился на него и, прежде чем кто-либо успел сообразить, что к чему, вонзил свой охотничий нож в сердце Плексиппа. Увидев, что брат упал на траву, Токсей бросился на Мелеагра, и на мгновение они покатались взад-вперед, зажатые в смертельной хватке друг друга. Но Мелеагр был моложе и сильнее их, и вскоре Токсий тоже лежал на земле рядом с братом, а по толпе стоявших рядом людей пронесся крик ужаса. Бледный и дрожащий Мелеагр повернулся к ним.

"Друзья мои, - сказал он, - прощайте. Вы больше не увидите моего лица. Справедливо я убил их или нет, но проклятие небес лежит на мне, и я знаю, что днем и ночью фурии будут преследовать меня, потому что моя рука красна от крови моих сородичей. О прекрасные поля Калидона, которые я любил и которым служил все свои дни, прощайте навеки. Никогда больше я не взгляну ни на вас, ни на мой дом на крутом склоне холма, ни на лицо королевы, моей матери; я должен со стыдом спрятать голову вдали от людских глаз. Что же касается тебя, госпожа, - сказал он, обращаясь к Аталанте, - то их насмешка была ложной, но правдивой. Вы с честью завоевали свой трофей, о чем свидетельствуют все присутствующие здесь", - и он указал на стоящих вокруг охотников. "И душа моя вскопчила от радости, когда я узнал, что именно в твои руки, и ни в чьи другие, я могу отдать приз охоты. Так помяните же меня добрым словом, леди, когда я буду далеко, ибо сердце храброго человека хранится у вас. Прощайте".

И он повернулся и пошел прочь по лесной тропе. Все были так удивлены, что ни один человек не пошевелил ни рукой, ни ногой, чтобы остановить его. Первой заговорила Аталанта.

"Товарищи, - сказала она, - отнесите мертвого домой и как можно мягче сообщите королеве эту новость, а я пойду за ним, если смогу его утешить, ибо рука Неба тяжела на нем".

Она говорила так твердо, что ни один человек не нашел в себе сил противостоять ей, а когда она увидела, что они сделают так, как она велела, она быстро побежала по тропинке, по которой он ушел, и скрылась из виду.

Тем временем день близился к концу, и Алфея вышла в портик, чтобы понаблюдать за возвращением охотников. До города дошел слух, что кабан убит, но не без потерь среди доблестной группы, вышедшей против него, и с тяжелым сердцем Алфея ждала, кто же пал. Вскоре она увидела, как они возвращаются домой, а среди них - четыре помета, которые некоторые несли на плечах. Когда она увидела их, сердце ее замерло от страха, а когда они подошли и поставили литеры перед входом, она, словно превратившись в мрамор, не шевелила ни рукой, ни ногой. Увидев ее, царь Ceneus нежно взял ее за руку.

"Проходи, госпожа, - сказал он, - охота на кабана дорого нам обошлась".

"Ах! Расскажи мне сразу о самом худшем", - вскричала она. "Так я лучше перенесу это. Ожидание сводит меня с ума".

"Двое из тех, кто лежит перед тобой, - чужеземцы, отдавшие себя за нас, - сказал он. "Один из них тяжело ранен, а другой уже не может выздороветь. Двое других, Альтея, очень близки и дороги нам - Токсеус и Плексипп, твои братья".

И он указал на два тела, которые лежали бок о бок с закрытыми лицами перед ней. С диким криком бросилась она к ним, откинула покрывало и вгляделась в лица, которые так любила. Приглядевшись, она увидела раны, от которых они умерли, и теперь поняла, что их убил не дикий зверь, а рука человека. Выпрямившись во весь рост, она оглядела стоявших рядом людей, и блеск ее глаз был ужасен.

"Не обманывай меня больше, - сказала она, - но скажи мне, как эти двое пали от руки человека".

"Госпожа, - сказал Идней, - они поссорились с одним из нашей компании, и в гневе он убил их обоих".

На мгновение она замолчала, затем низким голосом, но так, чтобы все могли услышать, произнесла.

"Да будет проклят он, кем бы он ни был. О Дочери Разрушения, бескрылые фурии, кровью моих братьев, еще не омывшей его руки, я прошу вас днем и ночью следить за его следами. Пусть ни крыша не покрывает его голову, ни кто не дает ему ни еды, ни питья, но пусть он будет бродягой по лицу земли, пока справедливое возмездие не настигнет его. На тебя, Ceneus, я возлагаю это обвинение, и на моего сына Мелеагра, чтобы отомстить за смерть этих моих родственников, которые были злобно убиты".

Тщетно пытался Ceneus остановить ее. Она была словно глуха к его мольбам. Закончив, она оглянулась в поисках Мелеагра, и когда не увидела его, кровь застыла в ее жилах.

"Мой сын, - вскричала она, - где мой сын?"

"Госпожа, - сказал Ceneus, - даже сейчас бескрылые носители твоего проклятия охотятся за ним в лесу".

На мгновение она покачнулась, словно собираясь упасть.

"Боги, что я наделала?" - пробормотала она.

Затем с криком повернулась и бросилась через дверной проем, через пустынный дворец в свои покои, и, заперев за собой дверь, достала из тайника клеймо, которое так долго ревностно хранила. Как и в тот день, когда судьба пришла к ней, на очаге горел яркий огонь, и она обеими руками толкнула полено в самое сердце очага.

"О сын мой, сын мой!" - вскричала она; "Подумать только, что я должна дойти до этого! Но хотя пламя, пожирающее твою жизнь, сжигает мое сердце внутри меня, я все же должна сделать это. Только так я смогу спасти тебя от своего проклятия. Ведь слово, сказанное однажды, никогда не умирает, а фурии, разбуженные однажды, не спят ни днем, ни ночью. Поэтому только смерть может дать тебе покой, о Мелеагр, мой первенец и мой самый дорогой".

Тем временем Сeneus последовал за ней и встал в стороне, прося ее открыть ему. Но она вскрикнула,

"Все хорошо. Прошу тебя, оставь меня. Я хочу побыть одна".

И он оставил ее, а она стояла и смотрела, как пламя медленно пожирает дрова, и наконец, когда полено рассыпалось в прах, опустилась на пол, и вместе с жизнью сына ушла в небытие и ее жизнь.

Мелеагр тем временем слепо шел вперед по лесной тропе, и Аталанта издалека следила за ним. Некоторое время он шел вперед, прямой как стрела, не останавливаясь и не сворачивая. Но когда проклятие матери было произнесено, быстрее вихря из царства бесконечной ночи вылетели фурии и, сгустившись перед его ногами, набросились на него, отвратительные фигуры тьмы и ужаса. С криком он отвернулся и попытался убежать от них, но куда бы он ни посмотрел, они были перед ним, и он метался взад-вперед, как пьяный. Но вскоре силы его, казалось, иссякли, и он упал на траву, а Аталанта подбежала вперед и положила его голову себе на колени. На ее взгляд, они были вдвоем в сердце леса, ибо только он один видел неистовые фигуры фурий. Но теперь он лежал с закрытыми глазами, слабый и немощный, и она подумала, что во время охоты он, должно быть, перенапрягся и умирает от какой-то внутренней боли, которую никто не в силах залечить, ибо на его теле не было ни царапины. Так она и сидела в сгущающемся мраке, положив его голову себе на колени. Больше она ничего не могла сделать. Помощь была так далека, что он умер бы в одиночестве, если бы она оставила его. Наконец, когда его сердце забилося так слабо, что ей показалось, что оно остановилось раз и навсегда, он открыл глаза и посмотрел на нее, и, когда он увидел ее, страх и безумие исчезли с его лица, и он улыбнулся.

"Боги добры", - сказал он. Он снова закрыл глаза, и Аталанта поняла, что больше он их не откроет. Бережно положила она его головой на покрытые мхом корни дерева и поспешила в город, чтобы сообщить весть о его смерти. В ночной темноте они несли его через лес, и все люди, собравшись вместе, наблюдали со стен за освещенной факелами процессией, медленно поднимавшейся на холм; и сердце каждого из них тяжелело при мысли о том, что героя и спасителя его страны несут мертвым в стены родного города. Его положили рядом с матерью, над ними горели факелы погибших, а вокруг стояли скорбящие со склоненными от горя головами.

Так охота на кабана закончилась горем для земли Калидона, а Аталанта вернулась в аркадские леса с болью в сердце по Мелеагру, который умер счастливым, потому что его голова покоилась на ее колени.

Проклятие Эхо

В цветущих рощах Геликона Эхо была когда-то прекрасной нимфой, которая вместе со своими сестрами резвилась на зеленых лужайках и у горных рек. Среди них всех ее ноги были самыми легкими, а смех - самым веселым, и в рассказывании сказок ни одна из них не могла ее превзойти. И если кто-нибудь из них замышлял в своем сердце недоброе, он говорил ей,

"Эхо, ткачиха слов, пойдی, сядь рядом с Герой в ее беседке и обольсти ее сказкой, чтобы она не вышла и не нашла нас. Пусть она будет длинной, Эхо, и мы дадим тебе гирлянду, чтобы она обвивала твои волосы".

И Эхо рассмеялась веселым смехом, который разнесся по роще.

"Что ты будешь делать, когда она устанет от моих сказок?" - спросила она.

"Придет время - увидим", - ответили они.

И с очередным смехом она, спотыкаясь, бросилась на траву у ног Геры. Когда Гера смотрела на Эхо, ее суровый лоб опускался, и она улыбалась ей и гладила ее по волосам.

"Для чего ты пришла, спрайт?" - спросила она.

"Я очень хотела поговорить с тобой, великая Гера, - отвечала она, - и у меня есть сказка - новая дивная сказка, чтобы рассказать ее тебе".

"Твоих историй много, как восходов солнца, Эхо, и каждая из них длинна, как борода старика".

"День еще только начался, матушка, - сказала она, - и сказки, которые я рассказывала тебе раньше, как грязь, которую топчут ногами, рядом с той, которую я расскажу тебе сейчас".

"Тогда иди, - сказала Гера, - и если мне будет угодно, я дослушаю до конца".

И Эхо села на траву у ног Геры и, не сводя глаз с ее лица, стала рассказывать свою историю. Она обладала даром слова и, кроме того, видела и слышала много странных вещей, о которых могла рассказать только она. Она сплетала их в романы, добавляя к ним то, что ей нравилось, или заимствуя из них по своему усмотрению, ибо лучшие рассказчики - это те, кто умеет лгать, но при этом примешивает к своей лжи крупинцы правды, почерпнутые из собственного опыта. И Гера, забыв о своей бдительности и ревности, завороченно слушала, а волшебство слов Эхо заставляло каждую сцену жить перед ее глазами. А нимфы тем временем развлекались от души и не боялись ее гнева.

Но вот настал черный день расплаты, когда Гера узнала, как долго разыгрывала ее Эхо, и огонь ее гнева вспыхнул как молния.

"Дар, с помощью которого ты обманула меня, больше не будет твоим, - вскричала она. "Отныне ты будешь немой, пока не заговорит кто-нибудь другой, и тогда, даже если ты захочешь, ты не сможешь удержать свой язык, но должна будешь повторить последние слова, которые были произнесены".

"Увы, увы!" - хором вскричали нимфы.

"Увы, увы!" - кричала вслед за ними Эхо, но больше ничего не могла сказать, хотя ей очень хотелось говорить и умолять Геру простить ее. Так и случилось, что она потеряла голос и могла говорить только то, что вкладывали в ее уста другие, независимо от того, хотела она этого или нет.

Однажды молодой Нарцисс отстал от своих товарищей по охоте и, пытаясь найти их, забрел еще дальше и затерялся на одиноких горах Геликона. Он был в расцвете юности, близок к зрелости, прекрасен, как весенний цветок, и все, кто видел его, сразу же любили его и тосковали по нему. Но, хотя лицо его было гладко и нежно, как у девицы, сердце его было твердо, как сталь; и хотя многие любили его и вздыхали о нем, они не могли разжечь ответного пламени в его груди, но он отвергал их, относился к ним с презрением и шел своей дорогой, ни о чем не заботясь. Когда он родился, слепой провидец Тейресий пророчествовал о нем,

"Пока он не увидит себя, он будет жить и будет счастлив".

И слова его сбылись, ибо Нарцисс не заботился ни о мужчине, ни о женщине, а только о своем удовольствии; а поскольку он был так красив, что все, кто его видел, любили его за красоту, ему было легко получать от них все, что он хотел. Но сам он ничего не знал о любви, а значит, и о горе; ведь любовь в лучшем случае приносит радость и печаль рука об руку, а если она безответна, то не приносит ничего, кроме боли.

И вот, когда нимфы увидели Нарцисса, одиноко бредущего по лесу, они тоже полюбили его за красоту и последовали за ним, куда бы он ни пошел. Но поскольку он был смертным, они стеснялись его и не показывались, а прятались за деревьями и скалами, чтобы он их не видел; а среди других за ним следовала и Эхо. Наконец, когда понял, что действительно заблудился, он стал звать одного из своих товарищей.

"Эй, там! Где ты?" - кричал он.

"Где ты?" - ответило Эхо.

Услышав голос, он остановился и прислушался, но больше ничего не услышал. Тогда он снова позвал.

"Я здесь, в лесу-Нарцисс".

"В лесу-Нарцисс", - сказала она.

"Подойди сюда", - крикнул он.

"Иди сюда", - ответила она.

Удивляясь странному голосу, который ему ответил, он огляделся по сторонам, но никого не увидел.

"Ты близко?" - спросил он.

"Совсем рядом", - ответило Эхо.

Еще больше удивившись, что никого не видит, он пошел вперед по направлению голоса. Эхо, увидев, что он идет навстречу, скрылась вдали, так что, когда он позвал ее, ее голос прозвучал далеко. Но где бы она ни была, он все равно следовал за ней, и она видела, что он не даст ей убежать; ведь где бы она ни пряталась, если он звал, она должна была ответить и тем самым показать ему свое убежище. К этому времени они вышли на открытое место среди деревьев, где зеленая лужайка спускалась к чистому бассейну в ложбине. Она стояла у кромки воды, спиной к высоким кивающим камышам, и, когда Нарцисс вышел из-за деревьев, разжала руки, и соленые слезы покатились из ее глаз; она любила его и жаждала поговорить с ним, но не могла произнести ни слова. Увидев ее, он остановился.

"Ты та, кто зовет меня?" - спросил он.

"Кто зовет меня?" - ответила она.

"Я уже говорил тебе, Нарцисс", - сказал он.

"Нарцисс", - воскликнула она и протянула к нему руки.

"Кто ты?" - спросил он.

"Кто ты?" - ответила она.

"Разве я не говорил тебе, - сказал он нетерпеливо, - Нарцисс?"

"Нарцисс", - повторила она, по-прежнему умоляюще протягивая руки.

"Скажи мне, - вскричал он, - кто ты и почему зовешь меня?"

"Почему ты зовешь меня?" - ответила она.

На это он рассердился.

"Дева, кто бы ты ни была, ты вела меня в красивом танце через лес, а теперь ты только насмехаешься надо мной".

"Ты только насмехаешься надо мной", - сказала она.

На это он разозлился еще больше и стал оскорблять ее, но на каждое его слово она снова бросалась на него. Наконец, утомленный своими скитаниями и гневом, он бросился на траву у бассейна и больше не смотрел на нее и не разговаривал с ней. Некоторое время она стояла рядом с ним и плакала, желая поговорить с ним и все объяснить, но не могла произнести ни слова. В конце концов она оставила его и спряталась за скалой неподалеку. Через некоторое время, когда его гнев немного утих, Нарцисс вспомнил, что очень хочет пить, и, впервые заметив рядом с собой прозрачный бассейн, перегнулся через край берега, чтобы напиться. Протянув руку, чтобы набрать воды, он увидел, что на него смотрит лицо, прекраснее которого он никогда не видел, и его сердце, еще не знавшее, что такое любовь, наконец-то загорелось от этого лица в бассейне. Со вздохом он протянул к нему обе руки, и фигура тоже протянула к нему две руки, и Эхо со скалы ответило на его вздох. Увидев протянутую к нему фигуру и услышав вздох, он подумал, что его любовь вернулась, и, наклонившись ближе к воде, прошептал: "Я люблю тебя".

"Я люблю тебя", - ответило Эхо со скалы.

При этих словах он наклонился еще ниже и попытался сжать фигурку в объятиях, но, как только он это сделал, она исчезла. Поверхность бассейна покрылась рябью, и он обнаружил, что прижимает к груди пустую воду. Тогда он отступил назад и подождал немного, решив, что слишком поторопился. Со временем рябь улеглась, и лицо снова появилось, такое же четкое, как и прежде, и с тоской смотрело на него из воды. Он снова наклонился к нему, попытался прижать к себе, и снова оно вырвалось из его объятий. Раз за разом он пытался, и всегда происходило одно и то же, и наконец он сдался в отчаянии и сидел, глядя в воду, с капельками слез, падавшими из его глаз; фигура в бассейне тоже плакала и смотрела на него с тоской и отчаянием. Чем дольше он смотрел, тем яростнее разгоралось в его груди пламя любви, и в конце концов он не выдержал и решил исполнить желание своего сердца или умереть. Тогда он в последний раз наклонился вперед и, обнаружив, что снова прижимается к пустой воде, бросился с берега в бассейн, думая, что там, на глубине, он во что бы то ни стало найдет свою любовь. Но среди сорняков и камней бассейна он нашел лишь смерть и не знал, что это его собственное лицо, которое он любил, отражалось в воде под ним. Так исполнились слова пророка: "Пока он не видит себя, он будет жить и будет счастлив".

Эхо, выглянув из-за скалы, увидела все, что произошло, и, когда Нарцисс бросился в бассейн, она, слишком поздно, бросилась вперед, чтобы остановить его. Когда же она поняла, что не может его спасти, она бросилась на траву у бассейна и плакала, плакала, пока ее плоть и кости не истлели от рыданий, и не остался только ее голос и проклятие, которое было на ней. Так и живет она по сей день, бесформенный голос, преследующий скалы, пещеры и сводчатые залы. Ее саму никто не видел с того дня, когда Нарцисс увидел, как она сжимает руки от любви к нему у кивающих камышей, и никто никогда больше не увидит. Но все мы слышали ее голос, повторявший наши слова, когда мы думали, что никого нет рядом; и хотя теперь она говорит все, что мы просим, если бы однажды проклятие было снято, крик ее души был бы,

В последний раз он наклонился вперед.

"Нарцисс, Нарцисс, любовь моя, вернись, вернись ко мне!"

У берега прозрачного коричневого бассейна, на траве, которую Эхо полила своими слезами, вырос благоухающий цветок с чистым белым лицом и золотым венцом. И по сей день во многих странах этот цветок называют Нарциссом, в честь юноши, который из-за любви к собственному прекрасному лицу был утоплен в водах Геликона.

Скульптор и образ

Давным-давно на прекрасном острове Кипр жил молодой скульптор по имени Пигмалион. Еще в детстве он быстро уловил красоту в окружающих его формах и, не найдя ничего лучшего, стал копать глину в саду и долгими счастливыми часами сидеть в тени деревьев, лепя лошадей, коров и человеческие фигуры, пока его мать была занята своими обязанностями по дому. Она, в свою очередь, была рада, что он нашел себе занятие по душе и не дает ему озорничать, ведь у него не было ни братьев, ни сестер, с которыми можно было бы играть, а отец умер, и они жили вдвоем в большом белом доме между горами и морем. Время от времени она спускалась в сад, чтобы посмотреть на его фигурки и

похвалить их; ведь хотя они были детскими и грубыми, а иногда и гротескными, они были полны жизни и надежд, а будучи мудрой женщиной, она знала, что там, где природа указывает путь, хорошо бы сделать его как можно более гладким. Поначалу она не дала ему ни лучшего материала для работы, чем глина, которую он мог добыть сам, ни мастера для обучения; она хотела посмотреть, как долго он будет упорствовать и как далеко продвинется в одиночку. Бывает и так, что мастер может помешать больше, чем научить.

Однажды, когда он уже достаточно подрос, она взяла его с собой в город, где жители справляли праздник Афродиты, и они наблюдали, как по улицам проносится радостная процессия с хорами жрецов и девиц, а маленькие дети рассыпают по дороге розы. Вместе с остальным народом они последовали за процессией на холм к сияющему храму, а Пигмалион стоял рядом с матерью и удивлялся стройным белым колоннам и облакам благовоний, а также всем этим цветам и прекрасным формам, каких он никогда не видел прежде. Картину всех этих вещей он унес с собой домой и думал о них днем и видел во сне ночью, пока они не стали для него почти такими же реальными, как живые формы, которые он видел вокруг себя. Тогда он как никогда усердно занялся лепкой в саду; но если раньше он довольствовался тем, что оставлял сделанные им фигурки, выставляя их рядами, чтобы мама могла любоваться ими, то теперь он уже не был доволен своей работой. Он смотрел на сделанную фигурку и сравнивал ее с образом, который рисовал в своем воображении, и видел, что в то время как его идеал был честен и прекрасен безмерно, его работа была неуклюжей и грубой. Тогда он принимался за работу и изменял свою модель. Но что бы он ни делал, он не был удовлетворен, и когда его мать спускалась из дома, чтобы увидеть его, она находила его со сломанными кусками, валяющимися вокруг него, и никогда не показывала ей законченной фигуры.

Тогда она поняла, что произошло одно из двух: либо он дошел до предела своих сил и, как ребенок, устал от дела, в котором не мог продвинуться дальше, либо он достиг того возраста, когда разум видит прекрасные формы, которые не может создать рука, и в отвращении от своей неудачи он разбил свои фигурки, хотя они были лучше тех, что он делал раньше, потому что они не соответствовали идеалу в его воображении.

"Ты устал играть с глиной, дитя мое, - сказала она, - пойдем со мной, и я посмотрю, не найдем ли мы что-нибудь, что понравится тебе больше".

И она оставила его с собой, и учила его буквам, и читала ему сказки о богах и героях, пока глаза ребенка не стали большими от удивления, и она увидела, что все, что она читала, проходило перед его мысленным взором, как движущаяся картина. Она читала ему древнегреческих поэтов, рассказывала о храбрости и силе, о любви и приключениях, а также о жестокости и кровопролитии, ревности и ненависти. Но все, что она читала, было прекрасно, ибо греки превыше всего любили красоту и облекали свои мысли в прекрасные формы слов, так что, даже рассказывая о зле и неправде, они не оставляли на душе пятен уродства. Пигмалион жадно впитывал все, что ему читали, и, поскольку в нем жила душа поэта, он все понимал. Музыка слов погружалась в его сердце, как семя, посаженное в плодородную почву, которое прорастает в виде прекрасных и изящных форм. Так и в старых сказках перед его глазами возникали прекрасные формы, и он снова стал спускаться в сад и пытаться вылепить их из глины. Мать наблюдала за ним и видела, что он упорствует и что неделя за неделей его модели становятся все красивее и правдивее, а образ в его сознании все яснее. Тогда она поняла, что ее чтение принесло то, на что она надеялась, и что смутные

и мимолетные видения стали для него формами, такими же четкими, как и те, что он видел вокруг себя.

"По крайней мере, у моего сына есть душа художника, - подумала она, - но будут ли у него руки и пальцы того, кто способен на большее, чем играть с глиной, могут сказать только боги. У него должен быть мастер, который научит его, и со временем мы увидим, является ли он одним из многих, в ком горит божественный огонь, но чьи тела - слишком грубые инструменты, чтобы воплотить мысли души, или же он один из немногих, кто способен сделать то, о чем другие тщетно мечтают".

И она дала ему мастера - беловолосого, почтенного человека, в котором жил дух древнегреческих скульпторов, первыми показавших человечеству, как из камня и мрамора можно создавать прекрасные формы. Он научил юношу работать со всеми видами камня и металла и точно копировать формы, которые он видел вокруг себя. Но он не позволил ему довольствоваться только этим, ибо видел, что в нем заложены задатки для создания более совершенных вещей.

"Пигмалион, - говорил он, - в жизни есть много несправедливого, но в искусстве все должно быть справедливо, и ни одно искусство не является по-настоящему великим, если оно не прекрасно. Когда ты смотришь на мир, видишь только то, что прекрасно; ты, поскольку у тебя душа поэта, увидишь красоту там, где другие не могут ее найти. Впитывай ее, как жаждущий пьет из придорожного ручья, а затем в камне создавай копии тех идеальных форм, которые ты видишь только глазом своей души".

Ребенок был способным учеником; он понимал и делал все, что велел ему учитель.

Шли годы, он вырос в мужчину и стал великим скульптором, так что в храмах богов и дворцах богачей стояли его статуи, а на углах улиц - радость для богатых и бедных. Годы, принесшие ему славу, отняли у него беловолосого старика, его хозяина, и мать, которая помогла ему стать тем, кем он был; и теперь он жил один в большом белом доме между горами и морем. Но он был счастлив, совершенно счастлив, целыми днями работал над своими образами и каждую ночь мечтал о более прекрасных формах, которые он когда-нибудь воплотит в камне и мраморе. Его друзья приезжали из города, чтобы посмотреть на его работы или купить их, и говорили ему,

"Пигмалион, не одиноко ли тебе здесь, совсем одному? Почему ты не возьмешь себе жену и не вырастишь детей, которые будут утешать тебя в старости?"

И он отвечал: "Нет, я не одинок, ибо мое искусство для меня и жена, и дети. Я никогда не женюсь ни на одной из дочерей человеческих".

Что бы они ни говорили, они не могли заставить его отказаться от своего решения. Но то, что не смогли сделать его друзья, сделала Афродита. Увидев, что среди киприотов есть один мужчина, который достиг расцвета жизни, ни разу не вспомнив о ней и не вознеся ни одной молитвы перед ее святилищем, она разгневалась и решила, что он должен почувствовать ее силу. Однажды ночью она послала ему видение девицы, которая по красоте превосходила все другие формы, о которых он когда-либо мечтал, и она воспламенила его сердце, так что ему показалось, что он видит перед собой живую форму. Он приподнялся на постели и протянул к ней руки, но, проснувшись, обнаружил, что сжимает пустой воздух. Тогда он понял, что это было всего лишь видение, но оно преследовало его, и он беспокойно ворочался с боку на бок, не в силах заснуть. Наконец, не в силах больше терпеть, он поднялся с дивана и отправился в свою мастерскую. Собрав инструменты и немного глины, он принялся за

работу, чтобы вылепить фигуру своей мечты. Он работал, почти не думая о еде и отдыхе, и выбрал глыбу белого мрамора, которая день за днем обретала форму под его пальцами. Казалось, в его руке было волшебство, которого никогда не было прежде, так что его резец никогда не подводил и не скользил, пока мрамор не преобразился перед ним, превратившись в образ совершенной женщины, видение его мечты; и он полюбил ее, как другие мужчины любят женщину во плоти, всем сердцем и душой. Но мало радости было в его любви, ибо хотя он создал ее с глазами, говорившими ему о любви, и руками, протянутыми к нему, но когда он говорил с ней, она не могла ответить, и когда он сжимал ее в объятиях, ее прикосновение было холодным и твердым прикосновением мрамора. Тогда он попытался выбросить ее из головы и накрыл занавеской; но когда он не смотрел на мраморную фигуру, ее образ все еще стоял перед его мысленным взором, и он не мог забыть ее. День ото дня его любовь росла, пока не превратилась в жгучий жар в его сердце. Он худел и болел от недостатка пищи и отдыха, не мог ни работать днем, ни спать ночью. Его друзья, когда приходили к нему, удивлялись перемене в нем; а когда они спрашивали, что нового он сделал, он отвечал,

"Друзья мои, у меня нет новой работы, чтобы показать вам. Хитрость ушла из моих рук. Никогда больше я не буду придавать белому мрамору прекрасные формы".

Они недоумевали, что на него нашло, ведь образ, который стал его гибелью, он так и не показал им, не дал понять, что тревожит его сердце. Но он сделал для нее нишу в своих покоях, куда падал свет из окна, и по ночам, когда не мог уснуть, сидел, обхватив руками ее лодыжки и положив голову на ее ноги. Ее лицо, бледное и прекрасное в холодном белом свете луны, смотрело на него сверху вниз, полное жалости и любви. Когда наступал рассвет и облака краснели вокруг восходящего солнца, теплые лучи падали на нее, придавая ей оттенок жизни, и сердце Пигмалиона билось от надежды, что свершилось чудо и что его любовь наконец-то зажгла в мраморной статуе душу, схожую с его собственной. С криком он обнимал ее, но она оставалась холодным, твердым, безответным камнем. И день ото дня, неделя за неделей он становился все несчастнее, ибо ничто так не лишает человека жизни, как безответная страстная любовь, которую уже никогда не вернуть.

Наконец Афродита сжалилась над ним, увидев, что он страдает от ее рук не меньше, а то и больше, чем большинство мужчин, и что он больше не относится к ней с презрением. Однажды ночью Пигмалион, как обычно, стоял на коленях перед статуей, обхватив ее ноги руками, и, устав от тоски, уснул. При дуновении ночного ветра вошла Афродита и поцеловала статую в губы.

Под дуновением ночного ветра Афродита вошла и поцеловала статую в губы.

"Пусть любовь зажжет жизнь", - сказала она. "Живи, Галатея, молочно-белая дева, и неси радость в сердце Пигмалиона!"

Затем она снова скрылась в залитой лунным светом двери, а Пигмалион уснул без сознания. Утром в окно хлынул солнечный свет и упал на его лицо. Проснувшись, он посмотрел на статую, и его ослепленным солнцем глазам показалось, что она движется.

"О Афродита, - вскричал он, - не смейся надо мной! Ты так часто обманывала меня".

В отчаянии он обнял изображение, уверенный, что снова найдет его холодным белым камнем. Но вместо неподатливого мрамора он сжимал в объятиях живую женщину. Ее руки обвивали его шею, ее губы были на его губах, и она смотрела в его глаза с огнем, который отвечал огню в его собственных.

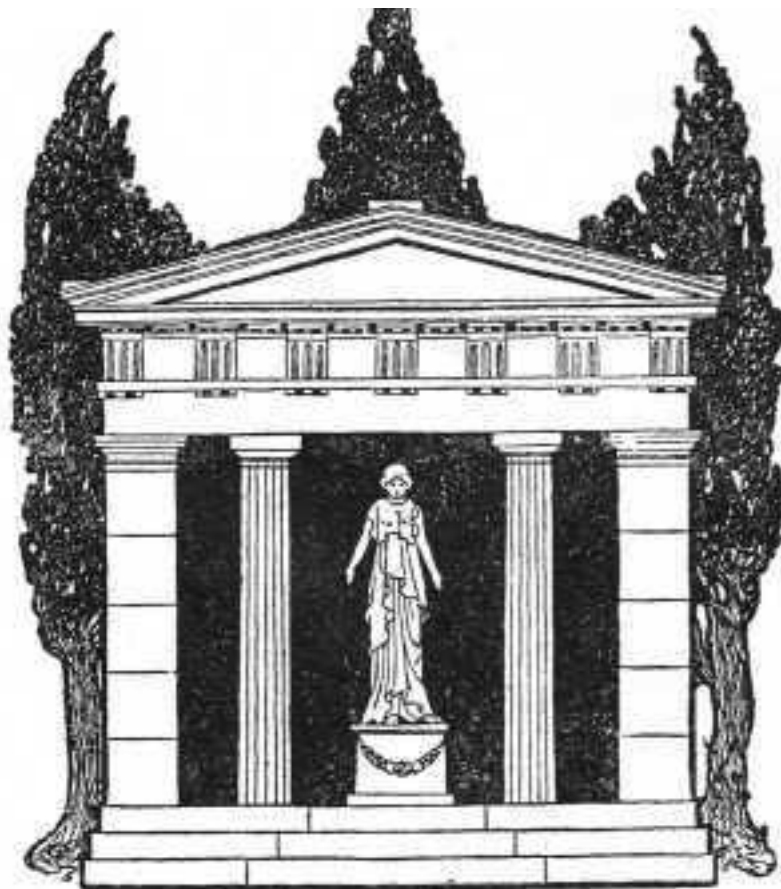
"Наконец-то, наконец-то, - сказал он, - моя любовь победила!"

"Даже в каменном сердце, Пигмалион, - сказала она, - может зажечься любовь. Моя форма - дело рук твоих, а моя душа - дитя твоей любви. Сколько существует камень, столько будет существовать и мое тело; и сколько живет твоя любовь, столько будет жить и моя душа".

"Моя любовь, - сказал он, - будет жить вечно".

"Тогда вечно, - сказала она, - моя душа будет жить с твоей".

Так, став мужем и женой, они прожили вместе долгие годы. Хитрость вернулась в руку Пигмалиона, и много прекрасных статуй сделал он для жителей Кипра. Со временем он умер в зеленой старости. Дух его удалился в обитель душ, а вместе с ним и дух Галатеи, его жены, и ее тело вернулось к тому виду, в котором Пигмалион впервые создал ее, - прекрасное изображение из белого мрамора. В саду, где он в детстве учился лепить из глины, киприоты похоронили его, соорудив над ним прекрасную гробницу, а в нише поставили статую Галатеи. Так исполнились слова, сказанные ею при жизни. Ее форма жила столько, сколько мог жить камень, а ее душа - столько, сколько мог любить Пигмалион. И кто из нас может сказать, что это не может быть вечно, или что они не живут до сих пор в свете любви друг друга в обители душ?

Божественный музыкант

К северо-западу от Эгейского моря, там, где из моря отвесно поднимаются скалы Пелиона, давным-давно жил кентавр Хейрон, мудрейшее из живых существ, наполовину человек, наполовину конь. Много было у него братьев, которые формой были похожи на него самого, но сердца их внутри были жесткими и дикими, и за необузданные страсти, жестокость и похоть их ненавидели и боги, и люди. Но Хейрон был мягок и кроток. Он знал всевозможные странные вещи; он умел пророчествовать, играть на лире и лечить людей от болезней с помощью целебных трав. Был он и храбрым, участвовал во многих кровавых схватках и знал военное искусство в совершенстве, как и мирное. Поэтому старые эллины называли его Хейроном, Лучшим, и отправили своих сыновей жить к нему, чтобы он научил их всему, что должен знать человек. В пологой пещере на склоне горы он устроил свой дом. Далеко вверх заснеженные вершины Пелиона сторожили приютившиеся на равнине городки, а далеко-далеко внизу волны Эгейского моря без устали омывали скалы этого безжалостного побережья, то мягкие и успокаивающие, как песня матери, поющей своему ребенку, то громкие и шумные под ударами штормового ветра, когда морские птицы с криком летят в укрытие на берегу. Вокруг были темные леса из каштанов, сосен и дубов, где укрылось множество свирепых зверей. В ветвях деревьев строили свои гнезда дикие птицы и наполняли песнями темные поляны. Около устья пещеры земля была утоптана множеством ног, а тропинки вели то в одну, то в другую сторону - одни в сердце леса, другие спускались с крутого обрыва к берегу.

Каждое утро на рассвете из пещеры выходил отряд мальчиков и юношей и, разделившись на группы, отправлялся в разные стороны - ловить рыбу, охотиться или идти по течению какого-нибудь ручья к его неизвестному истоку в горах. Иногда Хейрон сам отправлялся с ними, если считал, что им нужна его помощь; но чаще он оставлял их на произвол судьбы, чтобы они шли каждый своей дорогой, как подсказывала им природа. Вечером они приходили домой и рассказывали ему о своих дневных делах, а он хвалил или порицал их, в зависимости от того, хорошо или плохо они справились, и указывал им, как они могли бы лучше поступить в другой раз. Потом они ложились на свои кушетки из сушеного мха и листьев и спали глубоким сном молодости и здоровья, а прохладный ночной ветерок дул на их лица из устья пещеры и вселял свежую жизнь и силу в их уставшие конечности. Зимой, когда ночь становилась длиннее дня, а на холмах лежал глубокий снег, они разжигали перед пещерой большой костер из бревен, которые запасли в летние месяцы, и Хейрон брал свою лиру и пел им обо всем на небе и на земле, а они лежали вокруг и слушали. Песни, которые он пел им тогда, они никогда не забывали, потому что Хейрон был мудр и в своем пении говорил с их душами. И они хранили его песни в своих сердцах; и много долгих лет спустя, когда они были уже взрослыми мужчинами вдали от дома, а на их пути вставала какая-нибудь опасность или трудность, его наставления возвращались к ним в словах песни, и их сердца снова становились храбрыми и сильными, чтобы достойно провести солнечные дни их

детства на Пелионе. Многие герои, чье имя до сих пор живет среди людей, прошли обучение у Хеирона в юности - Пелей, женившийся на богине, и Ахилл, его сын, самый быстрый и храбрый из смертных, и Ясон, предводитель аргонавтов, и Асклепий, могучий целитель, и, не в последнюю очередь, Орфей, величайший из греческих музыкантов и мистиков, историю которого я вам сейчас расскажу.

Однажды, когда уже наступили вечерние сумерки, Хеирон стоял перед устьем пещеры и ждал, когда ребята вернутся домой. Вскоре он увидел вдали одного из них, спускающегося по тропинке с гор, и удивился, что тот возвращается так скоро и один. Когда он приблизился, Хеирон увидел, что тот идет, опустив глаза в землю, глубоко задумавшись. Время от времени он останавливался и оглядывался на мирные склоны холмов, расстилающиеся в золотом сиянии вечера; поглядев с минуту, он вздыхал, словно хотел вдохнуть в свою душу красоту, которую видел вокруг, а затем снова продолжал свой путь, не отрывая глаз от земли. Так он шел, пока не приблизился к пещере и не увидел стоящего у входа Хеирона. Тогда он подбежал к нему и положил руку ему на плечо.

"Отец мой, - воскликнул он, - оглянись на холмы; видел ли ты когда-нибудь их такими прекрасными, как в этот день?"

Хеирон улыбнулся его словам.

"Орфей, - сказал он, - прекрасный лик земли мало меняется. В душе человека заложено, смотреть на нее и видеть ее красоту или быть слепым".

"До сих пор я был слеп, Хеирон", - сказал он.

"А кто снял пелену с твоих глаз, сын мой?" - спросил его хозяин.

"Не знаю", - ответил тот. "Но сегодня утром, когда еще было темно, меня охватило странное волнение и желание побыть одному. И я выбрался из пещеры, пока вы все спали, и поднялся на гору - вверх, вверх, вверх - в сером предрассветном свете, пока не дошел до того места, где белый снег, как плащ, лежит на косматых плечах Пелиона. Там я оставил след своих шагов там, где не ступала ничья нога, и, взобравшись на валун, стал смотреть на море. И увидел, как на востоке встает огромное солнце. Когда я смотрел, мне казалось, что я вижу лицо Бога; и когда снег, море и леса ожили в свете Его славы, моя душа пробудилась во мне. Весь день я бродил по лесам и холмам; я видел красоту деревьев и травы, а также грацию дикого оленя, скачущего по скалам, как никогда прежде. Чудо этого дня лежит на моем сердце, как бремя, которое я хотел бы облегчить, но у меня нет слов, чтобы рассказать о нем".

Тогда Хеирон взял лиру, лежавшую рядом с ним, и нежно провел пальцами по струнам.

"Орфей, - сказал он, - много долгих лет назад, когда ты был еще маленьким, твоя мать Каллиопа привела тебя ко мне. Она вложила твою руку в мою и сказала: "Хеирон, сделай из моего сына мужчину. Сделай его храбрым, бесстрашным и сильным, достойным спутником благородных юношей, что окружают тебя. Когда придет время, я вдохну в него свой дух, и он станет великим, как немногие великие в этом мире". В этот день она сдержала свое слово, Орфей. Она вдохнула в тебя свой дух, открыла глаза твоей души и заставила их прозреть".

"Кто моя мать Каллиопа?" - спросил юноша.

"Она - Прекрасноголосая, которая говорит устами смертных с помощью музыки и песен, Орфей. Вместе со своими сестрами она вечно живет у солнечных потоков Геликона, где они следуют по стопам Аполлона, своего повелителя, через зеленые лужайки и цветущие луга. Все знания, вся музыка звука и слова приходят к людям благодаря их дару - этим девяти великим сестрам, Музам. Счастлив ты, что стал ее сыном. Возьми эту лиру из моих рук. Облегчи бремя души своей в песне и узнай, как велик дар, который она дала тебе".

Тогда Орфей взял у своего хозяина лиру и ударил по аккордам, как это умели делать все парни, жившие у Хеирона. Но вместо старых песен, которым он научился с детства, на его устах зазвучала новая, и он запел так, как не пел никогда прежде. Далеко на склонах холмов его спутники услышали его голос и остановились на пути к дому, чтобы послушать, как вечерний ветерок доносит до их ушей этот звук. Узнав, что голос доносится из дома, они поспешили дальше и тихо приблизились, чтобы ни один звук не потревожил певца, и, бросившись на землю у его ног, забыли о своей усталости и голоде, слушая. А он все пел и пел, забыв обо всем, кроме своей песни, пока красное зарево вечера не угасло на западе и звезды не засияли в сумерках. В его музыке была какая-то странная магия, которая притягивала все живое к его ногам, как магнит притягивает холодное стальное сердце. Они приходили из лесов и перелесков, с голых склонов холмов - лев, леопард и трепетный олененок. Змея вышла из своего укрытия, кролик - из норы, а дикие птицы кружились вокруг его головы и усаживались на крыше пещеры. Казалось, сами деревья слышат его, покачивая головами в такт его песне. Когда он оглянулся на своих товарищей и запел, сердце его сжалось, ибо он почувствовал, что в его душе родилась новая странная сила, способная склонить головы людей под его волю, как ветер склоняет камыши у ручья. И он пел, пока сумерки сгущались в ночь, и все звезды небесные выходили послушать его, пока наконец его песня не угасла на его губах, как ветерок, убаюканный закатом. На мгновение все существа замороженно замерли вокруг него, а потом одно за другим поползли обратно в свои дома, укрощая на время свои страхи и ненависть волшебством его пения. А его спутники столпились вокруг него со словами похвалы и нетерпеливыми вопросами.

"Кто научил тебя волшебной песне, Орфей?" - кричали они.

"Восход солнца и снег, - отвечал он, - и учение Хеирона, и мои счастливые дни с тобой, и дух моей матери Каллиопы - все это научило меня моей песне".

Но его ответ был для них темным словом, и никто из них не понял его, кроме Хеирона. Он знал, что из самых обычных вещей складывается все прекрасное и справедливое, как из обычного камня строится храм; но детей Муз, способных музыкой и искусством открыть слепые сердца людей для прозрения, очень мало.

Так дар песни снизошел на Орфея, и он стал величайшим из всех певцов на земле. Целыми днями он бродил по лесам и холмам и умирал сердце каждого живого существа волшебством своего голоса.

Однажды он зашел в лес, где никогда раньше не бывал, и пошел по заросшей травой тропинке, которая привела его к устью пещеры. С одной стороны пещеры стояло высокое буквое дерево, чьи покрытые мхом корни предлагали заманчивое место для отдыха, а рядом со скалами бил чистый ручей. Он с жадностью пил воду, так как заблудился далеко и очень хотел пить; утолив жажду, он сел на корни бука и начал петь. Как и прежде, дикие твари собрались вокруг него и присели у его ног, прирученные и молчаливые, пока он пел; а из тени пещеры выползла лесная нимфа и легла на траву, положив подбородок на руки,

глядя ему в лицо. Некоторое время он не видел ее, так бесшумно она подошла; но наконец сила ее взгляда привлекла его внимание, и он повернул голову и посмотрел на нее. Когда он увидел ее, его рука беспомощно упала на бок, а голос затих в горле, ибо он никогда не видел никого столь прекрасного. Ее волосы были черны, как грозовая туча, а глаза голубы, как летнее небо, и она лежала в траве у его ног, как белый цветок. Долгое время он молча вглядывался в ее лицо, а она в ответ смотрела на него, и наконец он заговорил.

"Кто ты, дева?" - спросил он.

"Я Эвридика", - ответила она.

"Волосы твои черны, как полночь, Эвридика, - сказал он, - а глаза твои светлы, как полдень".

"Разве полночь и полдень не прекрасны для твоих глаз?" - спросила она.

"Они действительно справедливы, но ты прекраснее".

"Тогда я довольна", - сказала она.

"Я не знаю ни имени твоего, ни лица, Эвридика, - сказал он, - но сердце мое бьется с твоим сердцем, словно мы не чужие друг другу".

"Когда два сердца бьются вместе, Орфей, они уже не чужие, независимо от того, знают ли они друг друга все свои дни или встретились, как встретились мы с тобой. Давным-давно слава о тебе и о твоём пении достигла моих ушей, но я ожесточил свое сердце против тебя и сказал: "Это пустой слух, и он не лучше других людей, перед лицом которых я бегу". Но вот боги привели твои шаги в полую пещеру, где я обитаю, и ты своим волшебством привлек меня к своим ногам, так что я, сомневавшийся в твоём могуществе, должен следовать за тобой, куда бы ты ни пожелал".

Из тени пещеры выскочила лесная нимфа и легла на траву.

"Спеть ли мне песню, Эвридика, ту, что ты посеяла в моем сердце?"

"Да, спой мне эту песню", - ответила она.

И он ударил по аккордам своей лиры и спел ей песню, рожденную ее красотой. Один за другим дикие существа убегали обратно в лес, ибо эта песня была не для них, и они остались вдвоем под раскидистыми ветвями букового дерева. Пока он пел, Эвридика все ближе подходила к нему, пока ее голова не легла на его колено, а длинные черные волосы не упали

облаком к его ногам. По мере того как она приближалась, его голос становился все ниже, пока не превратился в шепот. Тогда он положил свою лиру на землю рядом с собой, обнял ее, и их сердца заговорили друг с другом на языке, который не знает ни звуков, ни слов.

Так и случилось, что Орфей больше не возвращался к Хейрону и его спутникам в пещеру под Пелионом, а жил с Эвридикой, своей женой, в ее пещере в сердце леса. Но он никогда не забывал ни счастливых дней своего детства, ни всего того, что сделал для него Хейрон. Он часто приходил к нему, советовался с ним и пел юношам свою волшебную песню. Несколько лет он жил так, что боги могли бы позавидовать, пока не наступили мрачные дни, когда даже музыка не могла успокоить его сердце. Однажды, когда он бродил с Эвридикой по темному лесу, она нечаянно наступила на змею, и та, повернувшись к ней, пронзила ядовитым клыком ее белую ногу. Яд, как жидкий огонь, потек по ее венам, и она лежала в обмороке и умирала в его объятиях.

"О Эвридика, - вскричал он, - Эвридика, открой глаза и вернись ко мне!"

На мгновение агония его голоса пробудила ее к жизни.

"Орфей, - сказала она, - возлюбленный, по эту сторону реки смерти мы больше не можем жить вместе. Но любовь, мой дорогой, сильнее смерти, и когда-нибудь наша любовь восторжествует и никогда больше не будет побеждена".

После этих слов ее голова опустилась на его грудь, и дух ее улетел, чтобы больше не вернуться. Так он вынес прекрасный образ своей жены на руках и положил ее в глубине пещеры, которая была их домом. Над ее головой он поставил большой сосновый факел, и все долгие ночные часы он сидел, обняв ее и прижавшись щекой к ее щеке; и сердце его стонало от горя, слишком большого для слов. А когда рассвело, он в последний раз поцеловал губы, которые больше никогда не могли говорить с ним, и положил ее голову на подушку из листьев и мха. Затем он завалил устье пещеры землей и камнями, чтобы никто не смог найти отверстие, и навсегда покинул дом, который так любил. Он шел вперед в сером свете рассвета, не заботясь о том, куда идет, и ударял в аккорды своей лиры, чтобы поведать всей земле о своей печали. Деревья и цветы склонили головы, слушая его, небесные тучи роняли на землю слезы, и весь мир скорбел вместе с ним о смерти Эвридики, его жены.

"О, не спите больше, леса и леса!" - пел он, - "не спите больше, но бросьте свои руки вздыхающему ветру и склоните свои головы под небом, которое плачет мной. Ибо Эвридика мертва. Она мертва. Больше не промелькнут ее белые ноги в траве, не заблестят полевые цветы в ее волосах. Она растаяла, как прошлогодний снег, и мое сердце опустело без нее. О! Почему же высохшая трава может снова зазеленеть, а моя любовь должна быть мертва навеки? Леса и леса, не спите больше, но проснитесь и скорбите вместе со мной. Ибо Эвридика мертва; она мертва, мертва, мертва!"

Так бродил он, издавая стоны и сжимая сердца всех, кто его слышал, печалью своего пения. И когда он не мог найти утешения на земле, ему вспомнились слова его жены:

"По эту сторону реки смерти мы больше не сможем жить вместе. Но любовь, мой дорогой, сильнее смерти, и когда-нибудь наша любовь восторжествует и никогда больше не будет побеждена".

Он задумался над этими словами, гадая, что она имела в виду.

"Если любовь сильнее смерти, - подумал он, - значит, моя любовь может вернуть ее. Если я могу очаровать сердца всех живых существ магией своей песни, я могу очаровать и души мертвых и их безжалостного короля, чтобы он вернул мне Эвридику, мою жену. Я спущусь в темные залы Аида и верну ее на прекрасную землю".

Когда в его сердце вновь зародилась надежда, он стал храбрым на любое предприятие и продолжал свой путь, пока не пришел к месту, которое люди называли устьем Аида. Ничуть не уstraшенный рассказами об ужасах, он вошел в страшную пещеру, ведущую глубоко в недра земли, где шумные испарения заглушали дыхание в горле, а темные формы с криками бежали перед ним, пока, наконец, он не оказался на берегу девятиводного Стикса, огибающего царство мертвых. Тогда он громко крикнул Харону, паромщику, чтобы тот переправил его в своей лодке. Услышав его голос, старик остановился на середине пути.

"Кто это зовет меня голосом живых?" - спросил он.

"Это Орфей", - ответил тот. "Я пришел вернуть Эвридику, мою жену".

Но старик рассмеялся, и его смех резанул сердце Орфея, как нож.

"О безбородый невинный, - сказал он, - кто дал тебе власть над жизнью и смертью? Я скажу тебе, что многие стояли у берегов этого потока и умоляли меня переправить их через него, чтобы они могли забрать с собой своих близких. Но ни одна живая душа не сядет в мою лодку, и мертвые, которые сидели в ней однажды, никогда не вернутся, чтобы сесть в нее снова. Возвращаясь на землю, юноша, и когда придет твое время, ты тоже сядешь в мою лодку, не бойся".

"Это время пришло, Харон, - сказал он, - и сегодня я сяду в твою лодку".

Подняв свою лиру, он ударил по аккордам, и его любовь научила его мелодии и словам. Неотрывно смотрел он на Харона, и волшебство его пения влекло старика к нему так же уверенно, как если бы канат лодки был в его руках. Не прекращая песни, он занял место на корме, и в такт музыке Харон погрузил весла в поток, так что лодка покатила по реке так, как не качалась никогда прежде. Когда она остановилась на мелководе, Орфей легко прыгнул на берег.

"Прощай, Харон, - воскликнул он, - скоро мы встретимся снова".

Он поспешил в путь, играя и напевая свою волшебную песню. Опираясь на шест, старик с удивлением в сердце смотрел ему вслед и заслонял глаза рукой. Казалось, что луч солнца на мгновение осветил эту холодную серую землю, когда Орфей проходил мимо. Бледные цветы преисподней зашевелились, словно западный ветер заиграл в их листьях, и к ним вновь вернулись цвет и запах. Вдохнув, Харон вдохнул аромат воздуха, откинул седые локоны со лба и расправил поникшие плечи.

"Давно я не чувствовал свежего запаха земли", - пробормотал он. "Кто же этот юный бог, который может принести свет во тьму и жизнь в царство мертвых?"

И пока Орфей не скрылся из виду, а звуки его пения не стихли вдали, Харон стоял и смотрел ему вслед, а потом со вздохом сел в свою лодку и снова взялся за весла.

А Орфей продолжал свой путь с надеждой в сердце, пока не подошел к порталам дворца Смерти. На пороге стоял Цербер, трехголовый адский пес, который днем и ночью караулил у ворот, чтобы никто не проходил внутрь, кроме тех, кто умер на земле, и чтобы те, кто прошел мимо него однажды, не проходили мимо него больше никогда. Услышав приближение

Орфея, он вскочил на ноги, зарычал и оскалил свои острые белые клыки, но когда музыка стала звучать все отчетливее, он безмолвно опустился на землю и просунул три свои огромные головы между лапами. Орфей, проходя мимо, наклонился и погладил его, и свирепый зверь лизнул ему руки. Так вошел он во врата Смерти и прошел через тенистые залы, пока не предстал перед троном царя Плутона. Тусклый и ужасный сидел он, окутанный мраком и туманом, а по правую руку от него сидела Персефона, его жена, которую он украл с лугов Сицилии. Когда он увидел Орфея, глаза его сверкнули, как блеск холодной стали, и он протянул к нему свою исхудалую правую руку.

"Что ты здесь делаешь, Орфей?" - спросил он.

"Я пришел просить у тебя милости, о царь", - ответил тот.

"Многие просят у меня блага, - сказал Плутон, - но никто не получает его".

"Никто еще не предстал перед тобой во плоти, как я, о царь, чтобы просить у тебя блага".

"Поскольку ты незаконно вторгся в мои владения, неужели ты думаешь, что я дам тебе твое благодеяние?"

"Нет; но поскольку горе мое так велико, что я решился на то, на что никто не решался до меня, я молю тебя выслушать меня".

Не дожидаясь ответа, он ударил по своей лире и спел им историю своей жизни, о том, как он любил и потерял Эвридику. Глаза бледной царицы засияли, когда она услышала его, и цвет вернулся на ее щеки, так как песня напомнила ей о днях ее девичества и о залитых солнцем лугах Сицилии. А потом ее сердце наполнилось жалостью к Эвридике, которая навсегда покинула зеленую землю и не может вернуться, как она сама, в весеннюю пору, живя лишь темными зимними месяцами внизу. Когда Орфей прекратил свою песню, она положила руку на руку своего мужа.

"Мой господин, - сказала она, - даруй ему благодеяние, молю тебя. Он храбр и правдив сердцем, и он поет так, как не пел еще никто".

Но суровый король сидел, положив голову на руку и опустив глаза, погружившись в глубокую задумчивость. Наконец он заговорил, и голос его был мягким и добрым.

"Орфей, - сказал он, - ты тронул мое сердце своим пением. Но не в моей власти даровать тебе благодеяние".

"Но если царица, жена твоя, может вернуться на землю в весеннюю пору, то не может ли и Эвридика вернуться по твоему приказу?" - спросил Орфей.

"Пути богов не похожи на пути смертных, Орфей; они ходят по тропам, по которым ты не можешь ступать. И хотя я не в силах вернуть тебе Эвридику, ты можешь завоевать ее сам, если у тебя хватит сил".

"Как это возможно?" - вскричал Орфей. "Ради Эвридики у меня хватит сил на любое предприятие".

"Не сила плоти может завоевать ее, Орфей, но сила непоколебимой веры. Я пошлю за ней, и когда ты увидишь, что она стоит в зале, протягивая к тебе руки, ты должен ожесточить свое сердце, повернуться и бежать перед ней тем же путем, которым пришел. Из любви к тебе она последует за тобой, и будет умолять тебя взглянуть на нее и подать ей руку на каменистом пути. Но ты не должен ни смотреть на нее, ни говорить с ней. Один взгляд, одно слово - и она

навсегда исчезнет из твоих глаз. Чары твоей песни все еще на стражах моего королевства, и они пропустят тебя и твою жену. Но не думай ни словом, ни делом помочь ей. Одна она перешла от жизни к смерти, и одна она должна вернуться от смерти к жизни. Ее любовь и твоя вера могут быть единственной связью между вами. Хватит ли у тебя сил на это?"

"Мой господин, - вскричал Орфей, - не так уж многого можно требовать от такой любви, как моя".

"Это будет труднее, чем ты думаешь", - ответил царь. "Тем не менее я позову Эвридику".

Он приказал гонцу привести ее. Через несколько мгновений он вернулся, а за ним из сада Смерти вышла Эвридика. На ней висела роса, и она шла, опустив глаза в землю, а ее длинные черные волосы скрывали бледность лица. Так она вышла в центр зала, и, не говоря и не двигаясь, Орфей смотрел на нее, пока она не подняла глаза и не увидела его. С криком она бросилась к нему.

"Орфей!" - сказала она.

Но, вспомнив слова царя, он повернулся и бежал перед ней по туманным залам и вышел за большие ворота, где лежал укрощенный Цербер с головой между лап. Он старался заткнуть уши от ее мольбы, пока они неслись по равнине, но каждое ее слово резало его сердце, как удар ножом, и не раз он почти поворачивался, чтобы ответить ей, так жалобна была ее мольба.

"О, Орфей, что я наделала? Почему ты бежишь от меня? О, дай мне хоть одно слово, хоть один взгляд, чтобы сказать, что ты по-прежнему любишь меня".

Но он остался тверд в своем решении, сел в лодку Харона и скрепил сердце, а она сидела рядом с ним, но не могла до него дотронуться. Ведь он был живой душой, а она - тенью, и не могла прикоснуться к нему, даже если бы захотела. Но все же она умоляла его.

"Орфей, - вскричала она в отчаянии, - твоя рука!"

"О Орфей, мое сердце жаждет одного взгляда, одного слова. Я знаю, что ты любишь меня, но как же хочется увидеть, как твои глаза говорят мне об этом, и услышать, как твои губы произносят это".

Ему захотелось повернуться, сжать ее в объятиях и сказать, что он любит ее больше жизни. Но он сдержался и в муках прижал к груди свою лиру; и как только лодка коснулась берега, он выпрыгнул из нее и поспешил вверх по крутой темной тропинке, а пот капельками выступал на его лбу - так тяжел был путь и так удушлив воздух. За ним следовала Эвридика, и если для него путь был труден, то для нее он был в десять раз тяжелее. У нее не было сил на

слова, и только по ее рыданиям Орфей понял, что она все еще идет следом. Так они шли, пока наконец воздух не стал чистым и свежим, и дневной свет не озарил устье пещеры. Орфей нетерпеливо шагнул вперед, жажда момента, когда он сможет заключить жену в объятия и снова заговорить с ней. Но по мере того как путь становился легче для него, он становился труднее для Эвридики, ибо никто не может перейти от смерти к жизни без мучений и боли. И вот она, борясь и спотыкаясь, последовала за ним, и сердце ее сжалось, когда она почувствовала, что не может идти дальше.

"Орфей!" - вскричала она в отчаянии, - "руку твою!".

Прежде чем разум успел сдержать его, его сердце откликнулось на ее внезапный крик, и он повернулся и протянул руки, чтобы помочь ей. Слишком поздно он понял свою глупость. И как дым уносится на крыльях ветра, так и она, беспомощная и безжизненная, унеслась в царство мертвых, и голос ее долетел до него, как эхо сна,

"Прощай, Орфей. Увы! Увы! Прощай!"

Так во второй раз он потерял Эвридику, и если раньше его горе было велико, то теперь оно было в десять раз сильнее. И как только чаша радости коснулась его губ, она выскользнула из его руки и разбилась, и он понял, что шанс, который боги дали ему однажды, они больше никогда не дадут ему, и что всю свою жизнь он должен прожить в одиночестве без Эвридики, своей жены. Слепо шел он вперед, держа под мышкой свою лиру. Струны висели оборванные и безжизненные, потому что камни и шипы порвали их, когда он проходил по дороге из Аида. Но он не обращал внимания и не пытался починить их, ибо струны его сердца тоже были порваны, и музыка в его душе была мертва. В черном отчаянии бродил он дальше, и солнечный свет для его глаз был тьмой, а прекрасные формы земли были печальнее, чем призраки Аида, которые казались ему, пока в его груди еще билась надежда. Как жеребенок, забредший далеко по незнакомым тропам, в конце концов уверенно возвращается в родной дом, так и его ноги несли его к Пелиону и дорогому дому его детства. Пока он не встал на тропинке, ведущей к пещере, он не знал, куда пришел; но когда он увидел перед собой устье пещеры, глаза его снова открылись, и слабая радость закралась в его сердце, когда он прошел дальше и сел на камень снаружи. Все было тихо и пустынно, и некоторое время он сидел наедине со своими грустными мыслями, пока не почувствовал прикосновение к своему плечу и не поднял глаза на лицо стоявшего рядом с ним Чеирона.

"О мой господин!" - воскликнул он.

"Сын мой, ты страдал", - ответил Хейрон.

"Я спускался в Аид, Чеирон", - ответил он.

"Дитя мое, - сказал Шерон, - я знаю все это".

Он смотрел на него своими огромными мягкими глазами, полными жалости, а Орфей смотрел на него в ответ и знал, что понимает его, хотя как он узнал его историю, он не мог сказать. Сердце его утешилось сочувствием, понимающим без слов, и смягчилось, как смягчается иссохшая земля под дождем, и он взял руки Хеирона между своими, склонил на них голову и заплакал.

Так он вернулся в дом своего детства и снова поселился с Хейроном и его товарищами под сенью заснеженного Пелиона. Со временем горечь его печали прошла, и он вспомнил об

Эвридике как о чем-то светлом и прекрасном, что было вплетено в паутину его жизни, пока она была молода, и что никогда не могло быть отнято. Когда он снова слушал старые песни, которые пел ему и его товарищам Чеирон, когда они были мальчишками, в нем вновь зародились огонь и пыл его юности. Когда он увидел, как старшие уходят в мир иной, а маленькие мальчишки воспитываются, чтобы занять место Чеирона, он почувствовал, как жизнь вечно манит и зовет тех, в чьих жилах течет кровь богов и героев, и они идут править и служить, сражаться и трудиться, отвечая на зов, который глупые не слышат. И вот однажды утром он взял свою лиру, которая много долгих дней пролежала безмолвной, и, поставив новые струны вместо порванных, любовно провел по ним пальцами, как в старину. И дух музыки снова ожил в его сердце, как оживают цветы после зимы, и он снова мог очаровывать все живое волшебством своей песни.

Когда Хеирон узнал, что к нему вернулась сила, он обрадовался.

"Орфей, - сказал он, - ты победил. Более слабый человек, чем ты, был бы раздавлен под ногами бедствий. Но те, кто мужественно поднимается, становятся сильнее, чем прежде".

"Учитель, - сказал он, - когда я увидел порванные струны моей лиры и почувствовал, что голос мой задыхается внутри меня, я сказал: "С разрывом этой струны музыка умирает и становится безголосым эхом прошлого, как сейчас Эвридика - тень в тенистой стране, а ее тело - прах на земле", - и вот! Как только струны были починены или голос снова окреп, душа песни снова жила в моем сердце, как в тот день, когда моя мать Каллиопа впервые вдохнула в меня свой дух. Если музыка может жить без звуков и слов, то не может ли и душа жить без костей и плоти? Это тайна, и я должен искать ответ в широком мире".

Шайрон улыбнулся ему.

"Хорошо искать, - сказал он, - хотя в конце концов ты не найдешь ответа".

"И все же я найду ответ", - сказал Орфей.

И когда вскоре Ясон призвал его плыть с героями на добром корабле "Арго" на поиски Золотого руна и быть их менестрелем в бурных морях, он с радостью отправился на Иолхос. При звуках его песни галантный корабль перепрыгнул через камни и вышел в море, как готовый к бою заряжающий, хотя до этого был слишком тяжел, чтобы сдвинуться с места. Так плыл он вместе с героями в их опасном путешествии, наполняя их сердца мужеством и надеждой, и волшебством своей песни провел их через многие опасности. Но хотя многие отправились в путь, вернулись немногие, и он видел крушение многих многообещающих жизней в том ужасном плавании, но не нашел ответа на свои поиски. Он склонил голову в почтении перед памятью тех, кто ради приключений, чести и благородного имени изливал свои жизни, как воду на жаждущую землю, прекрасно понимая, что опасность грозит всем, а награда и дорогая родина - немногим.

И вот, как только это стало возможным, он снова отправился странствовать по свету в одиночестве со своей лирой. Одни говорят, что он отправился в Египет, другие - на Крит, но куда бы он ни отправился, он наконец нашел ответ на свои поиски. Он нашел великого бога Диониса, бога со многими именами - Бромийос, Вакх, Загреус, - который наполняет разум людей вдохновением и божественным безумием, так что они становятся едины с ним и с жизнью, которая вечно живет за формами вещей, которые умирают. Он ел плоть мистического быка, который есть сам бог, и под звуки его лиры мæнады танцевали над горами и в нетронутых лесах, прижимали к груди молодых львят и детенышей необузданного волка. Вдали от городов, где обычаи и язык возводят барьеры между человеком и человеком,

на груди нетронутой земли они танцевали свой мистический танец и становились едины с Вакхосом и со всем, что живет в настоящем или жило в прошлом. Там Орфей вновь обрел Эвридику в общении души с душой и узнал, что она имела в виду, когда говорила: "Когда-нибудь наша любовь восторжествует и никогда больше не будет побеждена". Так он стал жрецом Вакхоса, мистического бога, который един с Жизнью и Любовью. И он написал на скрижалях правило жизни, по которому, через чистоту и посвящение, люди могут стать едиными с богом, и когда они очистятся рождением и перерождением во многих разнообразных формах, они могут обрести, поскольку они едины с ним, бессмертную жизнь, которая не меняется, как жизнь звезд на небе.

По преданию, Орфей в конце концов пришел во Фракию и дикие горные земли, лежащие к северу от Греции. Там он укротил свирепые горные племена магией своей песни и прожил жизнь в воздержании, чистоте и экстазе души. Но последователи Диониса, обитавшие в тех краях, смотрели на него с опаской; ведь если они поклонялись богу с пролитием крови и разрыванием козлов, в безумии, рожденном вином, то экстаз его поклонения был рожден музыкой и красотой, и он не хотел принимать участия в их диких празднествах. А так как нет ненависти большей, чем ненависть к тем, кто поклоняется одному богу по-разному, настал день, когда безумное неистовство мейнадов было обращено против самого Орфея. Когда он сидел, глядя на восход солнца, и пел, касаясь своей лиры, сзади него подошла группа неистовых, полных безумия и вина. В безумии своем они разорвали его на части, как прежде разорвали диких козлов, и бросили его голову в Гебрус, думая навсегда заставить его петь. Но голова его плыла по волнам бурлящего потока, прекрасная и свежая, как при жизни, и пела, плыла свою волшебную чарующую песню. Нежно несла его река по течению и вниз к морю, и синие морские волны целовали его и передавали от одной к другой, пока наконец не выбросили его, все еще поющего, на берег Лесбийского острова. Туда пришли Музы и похоронили его, а из его гробницы сделали священное святилище, куда в течение долгих лет люди приходили из дальних стран, чтобы поклониться и посоветоваться с оракулом. Около этого святилища соловьи пели сладостнее, чем в любом другом месте на земле, ибо они научились своей песне из уст самого Орфея. А люди связали себя в святое братство, которое они называли его именем, и жили по правилам, которые он написал на своих скрижалях. Некоторые из тех, кто притворялся, что следует за ним, были шарлатанами и плутами и навлекали на его имя бесчестие и насмешки, другие же придерживались буквы без духа его закона; но среди них были люди чистой и непорочной жизни, которые хранили его доктрины и передавали их из поколения в поколение, пока со временем они не стали основой для великих философий Пифагора и Платона.

Так жил и умирал Орфей, указывая людям путь к бессмертию через чистоту, воздержание и экстаз души. Многие в древности ненавидели его учение, и многие ненавидят его сейчас; и действительно, не каждый человек может жить по нему. Но есть те, кому оно приносит мир и радость, хотя они называют его не его именем; это Вакхиды, посвященные, которые увидели внутренний свет, и их души обрели покой.

Полет Аретузы

Много-много сотен лет назад небольшая группа колонистов отплыла из Коринфа, чтобы основать себе новый дом и новый город на далеком западе. С песней на устах моряки взялись за весла.

"Хэв хо! К трехугольному острову на западе! Слава фонтану, который не иссякает, и шепчущим ивам! За воды, что в браке с водами нашей родной земли!"

А потом, когда бриз наполнил паруса, они натянули весла и в последний раз оглянулись на дом, который покидали навсегда. Гордо возвышалась между двумя морями скала Коринфа, окруженная диадемой стен и башен. Со слезами на глазах они смотрели, как она тонет, и вскоре вокруг них остались лишь пустые серые морские волны. Так с радостью и печалью, надеждой и страхом в сердцах покинули они старую землю ради новой и поплыли на запад, к стране своей мечты, к трехугольному острову, о котором говорил оракул. Когда Архиас, их предводитель, посоветовался со жрицей в Дельфах, она ответила,

"В Тринакрию велит тебе бог отправиться, на западный трехугольный остров. Там, на священном островке Ортигия, ты построишь себе дом, у источника, который не иссякает, Аретузы, чьи воды соединены с водами твоей родной земли".

И вот, повинаясь ее словам, Архиас отправился в путь со своим небольшим отрядом. И нашли они Орфигию и источник Аретузы в тени шепчущих ив. Там они посадили семя того города, который вырос и стал величайшим во всей Сицилии и хозяйкой Средиземноморья - Сиракуз, гордой дочери Коринфа. Ради нее было совершено много битв и велось много изнурительных войн, ибо на протяжении долгих веков люди знали, что тот, кто владеет ключами Сиракуз, держит в своих руках ключи власти.

Но что имела в виду жрица, когда велела Архиасу отправиться на остров, воды которого соединились с водами его родной земли? И как получилось, что, когда он и его отряд достигли Сицилии, они нашли там цветы и плоды покинутого ими дома, а также ручьи, которые бежали в известняковых скалах и вытекали из них, как ручьи Пелопоннеса? Я скажу вам.

Аретуза, вокруг источника которой в Ортигии склонились шепчущие ивы, была когда-то нимфой, обитавшей в аркадских лесах и следовавшей за Артемидой, девой-охотницей, по холмам и долам. Артемида любила ее больше других нимф, которые были ее подручными, и в знак своей благосклонности позволяла ей носить свой лук и колчан, полный дротиков. В жаркий летний день Аретуза и ее спутницы купались вместе со своей госпожой в прохладных глубоких горных бассейнах. Над их головами раскинули свои ветви огромные дубы, а трава под их ногами была свежей и зеленой. Пока они оставались рядом со своей госпожой,

нимфам ничто не угрожало, ведь ни один бог или богиня во всей земле не были так могущественны, как Артемида, а она знала, как защитить своих.

Так случилось, что, поскольку Аретуза никогда не знала, что такое страх, она стала думать, что его не существует, и однажды она покинула свою госпожу и товарищей и пошла одна по лесу. На сердце у нее было светло и радостно, и она пела на ходу. Во мраке леса она была подобна солнечному лучу, а на голых склонах холмов - сверкающему ручью, который оставляет зеленую траву и цветы везде, где проходит. Но она не думала о своей красоте и не боялась, что та причинит ей вред. Как лилия перестала бы расти, боясь, что ее сорвут ради ее прекрасного сладкого цветка. Так и бродила она счастливая и беззаботная в тот яркий летний день.

Наконец она подошла к широкой реке, преградившей ей путь. Высоко над головой вода с ревом падала вниз со скал, а внизу стремительное течение несло ее сквозь вихри и пену. Когда она увидела, что дальше идти нельзя, то присела на камень у кромки ручья и позволила прохладной воде омыть ноги, а затем наклонилась, чтобы набрать воду в руку и попить. Когда она это сделала, ее сердце перестало биться, а конечности затекли и онемели, и впервые в жизни она поняла, что такое страх. Из вод перед ней поднялось нечто, казавшееся огромным потоком пены и брызг, которое протянуло к ней длинную руку, и с кончиков пяти огромных пальцев на ее плечи упали холодные капли. С криком она взяла себя в руки, повернулась и убежала; но тут она увидела, что в пене четко вырисовывается облик речного бога, с его влажных волос и бороды стекает вода, а глаза его сверкают, как молния среди пены. Это был Алфей, царь всех рек Пелопоннеса. Он увидел на берегу одинокую Аретузу, и от любви к ее красоте поднялся из глубины потока и протянул руки, чтобы взять ее к себе и увлечь под волны, чтобы она жила с ним и была его навеки. Но она была слишком быстра для него, и теперь бежала перед ним, как олень перед гончими, а страх, который сначала оцепенял ее, теперь окрылял ее ноги. Через холмы и долины она бежала, стремительная, как порывистый ветер. Ее яркие локоны развевались за спиной, а когда она перепрыгивала со скалы на скалу, ее белые одежды сверкали, как блеск освещенных солнцем вод. За ней следовал Алфей. Оглушительный рев его потока звучал в ее ушах как гром, а его туманное дыхание обдавало холодом ее щеки. Она бежала все дальше и дальше, с быстротой и силой отчаяния, пока, наконец, не смогла идти дальше: перед ней простирались синие просторы жестокого Ионического моря, и брызги волн жалили ей лицо, а позади нее с грохотом обрушивались потоки Алфея. Тогда она простерла руки и воззвала к Морской Деве,

"О Диктинна, Диктинна, смилуйся! Во имя великой Артемиды, которую ты любишь так же, как и я, помоги мне сейчас".

Морская дева услышала ее мольбу и окутала ее туманом, и тело ее и конечности разжались и растаяли, пока она не превратилась в источник свежей, чистой воды, которая бурлила и танцевала на камнях берега и, наконец, нырнула в морские волны. Но за ней все еще несли поток Алфея, прыгая и пенясь. Он следовал за ней по горам и долинам, и теперь он следовал за ней по океану. Сквозь белые волны они ныряли в морские глубины и, подобно серебристым потокам света, проносились по зеленым спящим водам, все дальше и дальше, через леса водорослей и усыпанные ракушками скалы, пока наконец их полет не остановили корни трехугольного островка. Там, через расщелины и трещины, они вновь пробились к солнечному свету и бок о бок спрыгнули со скал и утесов вниз, к морю. Но Аретуза уже не бежала в ужасе, и страх ее перед Алфеем прошел, ибо он больше не преследовал ее в

громовом, бурном потоке. Теперь он протягивал к ней свои сильные белые руки и звал ее нежно и негромко - так нежно, как зовут волны летом, когда они танцуют на берегу.

"Аретуза, Аретуза, я люблю тебя. Приди, соедини свои воды с моими".

Но она отпрыгнула от него с радостным, озорным смехом и отбросила брызги с волос, чтобы они упали ему на щеку, словно поцелуи. Так она, смеясь, скакала по скалам и обрывам к морю, прекрасно понимая, что он играет с ней и в любой момент может сделать ее своей. Наконец, когда она на мгновение зависла на краю утеса, он подхватил ее в свои сильные белые руки, и они вместе снова нырнули в соленые морские волны, и их воды смешались, и навеки они стали одним целым. А Аретуза вновь показала свою светлую голову весной под ивами Ортыгии, которая и по сей день зовется ее именем. Со времени ее бегства тот источник никогда не иссякал и не засыхал, потому что со снегов гор всегда стекался к ней Алфей, принося прохладу и изобилие в любимые им воды. Люди говорили, что если опустить чашу в поток Алфея в Пелопоннесе, то она попадет в источник в Орфии - это свидетельствовало о том, что воды Аретузы и Алфея соединились и слились воедино, и больше они не жили порознь.

Она бежала все дальше и дальше с быстротой и силой отчаяния.

И вот почему Архий нашел в Сицилии цветы и плоды покинутой им земли; ведь Алфей принес их семена в своем потоке из Пелопоннеса и разбрасывал их направо и налево, когда пробирался сквозь скалы, чтобы небесные ветры сеяли их, где им заблагорассудится. И по сей день вы найдете на Сицилии оливу и виноградную лозу, и румяный цветок миндаля, и нарцисс с золотым венцом, как и на Пелопоннесе, ибо разве вода, питающая их луга, не является одним потоком, соединяющим две земли? А на первых монетах Сиракуз вы найдете голову нимфы Аретузы, вокруг которой плавают рыбы; ведь не у ее ли источника были

заложены первые камни города, на священном острове Ортыгия, вокруг которого плавали морские рыбы?

Так Аретуза в ужасе бежала от Алфея, чтобы в конце концов сочетаться с ним браком в стране за морем.

Победа Аталанты

Давным-давно в аркадской Тегее правил гордый сердцем царь по имени Шенус. Он был укротителем коней, сильным в охоте и в бою. Больше всего на свете он любил опасность, спорт и всевозможные мужественные упражнения. Эти занятия были страстью всей его жизни, и он презирал весь женский род, потому что они не могли принимать в них ни участия, ни участия. И женился он на Климене, прекрасной принцессе из королевского дома, потому что хотел воспитать в своих чертогах благородных сыновей, которые должны были ездить и охотиться вместе с ним и продолжать его имя, когда он умрет. В день свадьбы он дал великую клятву и призвал в свидетели всех богов.

"Никогда, - поклялся он в своей гордыне, - в моих чертогах не будет жить девица. Если родится у меня дева, она умрет, не увидев света, и честь моего дома будет принадлежать только моим сыновьям".

Когда человек дает клятву в гордыне, он часто раскаивается в смирении, так случилось и сейчас. В течение долгих лет у него не рождалось детей, и когда, наконец, у него появилась надежда на наследника, родившийся младенец оказался служанкой. Когда он увидел ребенка, сердце его разорвалось надвое, и гордость отца и гордость клятвы боролись в нем за победу. Победила гордость клятвы, ибо он боялся нарушить свое слово перед лицом всего своего народа. Он ожесточил свое сердце, хотя держал младенца на руках, и его маленькая рука с родимым пятном над запястьем доверчиво сомкнулась на его пальце, и отдал приказ, чтобы ребенка бросили в горах умирать от голода и холода. Так младенец был отдан слуге, который вынес его и оставил на склоне мрачного Парфения. Но судьба посмеялась над Шенусом, над его гордостью и клятвой, ибо в его чертогах не родилось больше ни одного ребенка, ни мужчины, ни девицы. Слишком поздно раскаялся он в своем безрассудстве, когда увидел, что очаг его опустел, а вокруг нет детей, и понял, что не только имя его, но и род его погибнет вместе с ним из-за опрометчивой клятвы, которую он дал.

И все же нашелся тот, кто пожалел младенца, и чье сердце было добрее, чем сердце его родного отца. Когда Артемида, богиня-дева, увидела младенца, брошенного на смерть, она вспылала гневом на Шенуса и поклялась, что он должен жить. Ведь это было прекрасное дитя и дева по ее сердцу, и ни одна молодая жизнь не взывала к ней о милосердии напрасно.

Тогда она послала медведицу к тому месту, где лежал ребенок, и смягчила сердце зверя, так что та осторожно подняла его в пасти и отнесла в пещеру, где прятались ее собственные детеныши. Там она сосала его вместе с собственными малышами и ухаживала за ним днем и ночью, пока он не окреп и не смог ходить, и пещера звенела от его смеха, когда он играл и резвился с молодыми медвежатами. Когда Артемида поняла, что ребенок достаточно взрослый, чтобы жить без приемной матери, она послала своих нимф за ним, и когда они принесли его к ней, она была очень довольна, найдя его красивым и сильным.

"Ее будут звать Аталанта", - сказала она им. "Она будет жить на горах и в лесах Аркадии и будет одной из моей группы с вами. Она будет могучей охотницей и самой быстрой из всех смертных на земле; со временем она вернется к своему народу и принесет радость и печаль в его сердца".

Так Аталанта стала жить с нимфами в лесах Аркадии. Они учили ее бегать, охотиться, стрелять из лука и стрел, и вскоре настал день, когда она умела делать все это не хуже любого из их отряда. Ведь в ее жилах текла кровь отца, и не так легко молодой птице научиться летать, как Аталанте полюбить все виды спорта. Так она достигла женского возраста в самом сердце холмов, и по мере того как росли ее рост и сила, росли также красота и грация. В ее волосах прятался свет солнечного луча, в глазах - синева неба, а все реки Аркадии омывали ее конечности, делая их свежими и белыми. Но она мало думала о своей красоте и о том, какую власть она может иметь над сердцами людей, ибо все ее наслаждение заключалось в охоте и в следовании за Артемидой, ее хозяйкой, по холмам и по долам. Артемида любила ее и была рада оказать ей честь; и когда земля Калидона взмолилась к ней о пощаде, потому что кабана, которого она послала разорить ее в гневе, она постановила, что никто, кроме Аталанты, не должен иметь славы на той охоте. О том, как она пришла в Калидон и как благодаря ей был наконец убит вепрь, я уже рассказывал; и о том, как смерть настигла Мелеагра, потому что он любил ее и не позволил никому оскорбить ее, пока стоял в стороне. Слава о той охоте разнесла ее имя по всей Элладе, так что, когда она пришла на погребальные игры Пелиаса, не было нужды спрашивать, кто она такая. Она бежала в пешем беге против самых быстрых в стране и выиграла приз так легко, что, когда она достигла цели, первый человек едва успел пройти поворот, хотя он не был медлительным, чтобы насмехаться над ним. Когда игры закончились, она вернулась в Аркадию без слез и вздохов, но ее лицо и память о ней жили в сердце многих людей, чьею имени она не знала; и когда вскоре по миру разнеслась весть о том, что она выйдет замуж за человека, который сможет ее победить, они стекались издалека, потому что любили ее больше жизни; ведь они знали, что неудачник идет на верную смерть.

О том, как Аталанта вернулась к своему народу, как ее сватали и завоевывали, рассказывается следующее:

Однажды, когда царь Шенус устраивал большую охоту в лесу на краю своих владений, случилось так, что Аталанта приехала в те края; и когда она услышала звуки горна и лай гончих, сердце ее вскопало от радости. Как собака, услышав голос хозяина, наостряет уши и стремительно бежит ему навстречу, так и Аталанта, услышав звуки горна, стремительно побежала по лесу. Нередко она присоединялась к охоте в горах Аркадии и бежала с гончими, а когда охота заканчивалась, убегала обратно в лес, подальше от тех, кто хотел, чтобы она осталась. Ибо она любила охоту, но не охотников; но, поскольку она была смертной и рождена от смертного рода, она не бежала от их глаз, как бежали лесные нимфы, а охотилась с ними ради радости охоты и покидала их, когда ей это было угодно. Вот и сейчас она присоединилась к погоне, когда олень вырвался из укрытия, и ее белые ноги мелькали в

солнечном свете, когда она следовала за гончими по открытому болоту. Царь Шенус, увидев ее, обрадовался.

"Это Аталанта, дева-охотница", - воскликнул он. "Проследи, чтобы с ней обращались с должной вежливостью, ведь она единственная женщина на земле, которая может смотреть мужчине в лицо".

И он стремительно поскакал за ней. Но самый лучший конь из всей этой компании не мог сравниться с Атантой. Далеко опередив всех, она стреляла, как стрела из лука, и когда наконец олень свернул в лужу, она первой добралась до него. Когда остальные подошли, и егерь зарубил оленя, король обратился к ней.

"Аталанта, - сказал он, - трофеем этой погони принадлежит тебе, и мой егерь понесет голову оленя, куда ты прикажешь. В знак нашего уважения я прошу тебя принять это кольцо. Когда ты будешь смотреть на него, подумай о старике, чье сердце одиноко и который хотел бы иметь такую же дочь, как ты".

Пока он говорил, он снял с пальца золотое кольцо и протянул ей; слезы стояли в его глазах, а рука дрожала, когда он смотрел на ее прекрасную юную фигуру и вспоминал младенца, которого он бросил в горах умирать. Если бы она осталась жива, то была бы одного возраста с Атантой и, возможно, была бы такой же красивой и сильной, как она; и сердце его было горько против самого себя за глупость своей клятвы.

Когда Аталанта услышала его слова, она поначалу решила отказаться от его дара. Многие мужчины прежде предлагали ей подарки, и она отказывалась от них, ибо не желала быть обязанной никому. Но когда она увидела, как помутнели от слез глаза старого короля и как задрожала его рука, протягивавшая кольцо, сердце ее смягчилось, и она с непонятной тоской потянулась к нему. Подойдя, она опустилась на колени у его ног, взяла кольцо, взяла его руку и поцеловала ее.

"Да исполнят боги молитву вашего сердца, сир, - сказала она, - и дадут вам дочь, подобную мне, но более справедливую и мудрую, чем я!"

Взглянув на руку, державшую его собственную, старый король задрожал еще сильнее, чем прежде, ибо над запястьем у него было родимое пятно, подобное тому, что было на запястье младенца, которого он бросил умирать. И он знал, что не ошибся, ибо эта отметина жила в его сознании, словно клеймо раскаленной стали.

"Аталанта, - сказал он, - боги услышали твою молитву. Уже не в первый раз твои пальцы смыкаются на моих".

"Что вы имеете в виду, сир?" - спросила она.

"Столько лет назад, сколько длится твоя юная жизнь, - сказал он, - я держал на руках новорожденного младенца, ребенка, которого подарили мне боги, и его маленькая рука с родимым пятном над запястьем доверчиво сомкнулась вокруг моего пальца. Но из-за глупой гордыни я ожесточил свое сердце. Я отверг дар богов и отправил ребенка умирать в горы. Но родимое пятно на его запястье запечатлелось в моем мозгу так, что я не смог его забыть. Никогда до сегодняшнего дня я не видел этого знака снова, а теперь я вижу его на твоём запястье, дитя мое".

Он склонил голову, и слезы из его глаз упали на ее руку, которая лежала в его руке, когда она стояла перед ним на коленях.

"О, отец мой!" - воскликнула она и, наклонившись вперед, поцеловала его руку.

Когда он увидел, что она не отворачивается от него, хотя и знает, что он сделал, он был тронут еще сильнее, чем прежде.

"Аталанта, - сказал он, - когда я бросил тебя на смерть, я вернул богам жизнь, которую они мне подарили, и теперь я не имею права требовать ее снова. И все же твое присутствие будет как солнечный свет в моих залах, если ты вернешься ко мне, дитя мое".

Так пришла к Аталанте просьба вернуться к своему народу, и перед ней встал выбор. С одной стороны, ее ждала свободная жизнь в лесу, с Артемидой и ее нимфами, охота, свежий воздух и все то, что она любила; с другой - жизнь в стенах города и необходимость склонить голову перед обычаями и устоями людей. При мысли об этом ее сердце сжалось.

"Мой господин, - сказала она, - как вы думаете, молодой лев по собственной воле войдет в клетку?"

Старый король склонил голову при этих словах.

"Увы, какого еще ответа я мог ожидать?" - сказал он. "Я благодарю богов, что они показали мне в этот день твое прекрасное лицо. Возможно, когда мы снова будем охотиться в этих краях, ты присоедишься к нам из любви к погоне. До тех пор, дитя мое, прощай".

"О, мой отец!" - вскричала она.

Дрожащими руками он поднял ее с колен и поцеловал в лоб. Затем он приказал своим людям вести вперед его коня, сел на него и вместе со своей компанией печально поскакал через лес домой. А Аталанта, прикрыв глаза, стояла и смотрела им вслед, пока они не скрылись из виду. Когда же они уехали, она вздохнула, повернулась и пошла дальше своей дорогой. Но глаза ее были слепы, а уши глухи к тем видам и звукам, которые она так любила, и в ту ночь она беспокойно ворочалась на своей кушетке из мха. Перед ее глазами стояла фигура старика, склонившегося от горя, а в ушах звучал его голос, дрожащий от тоски и любви.

"Твое присутствие было бы как солнечный свет в моих залах, если бы ты вернулась ко мне, дитя мое".

На ранней заре она поднялась со своего ложа, искупалась в ручье неподалеку и собрала свои сияющие волосы в спираль вокруг головы. Затем она надела сандалии и свежую белую тунику, накинула на плечи колчан и с луком в руках отправилась в путь через лес. Не глядя ни вправо, ни влево, она шла, пока не вышла на белую дорогу, ведущую в город. Тогда она повернулась и оглянулась на лес.

"Дорогие деревья и леса, - сказала она, - прощайте, и вы, нимфы, что живут в ручьях и танцуют на зеленых склонах гор. Когда я пройду по белой дороге и поднимусь в город, я больше не смогу жить с вами. А тебе, великая Артемида, которая спасла меня в самом начале, я буду вечно служить и жить девой все мои дни и любительницей охоты".

Она прислонилась головой к ближайшему дереву, и слезы выступили у нее на глазах. Казалось, ветерок донес ее слова на своих крыльях, потому что она услышала вздох из леса, а воды зывали к ней: "Аталанта, вернись, вернись!"

Но она закрыла уши, смело вышла на белое шоссе и направилась в город. Люди, увидев ее, дивились ее красоте и шептали друг другу: "Это Аталанта, царская дочь. Что она здесь делает?"

Ведь рассказ о том, как царь Шенус нашел свое дитя и как она отказалась вернуться с ним домой, распространился по городу как лесной пожар, так что, увидев ее, все сразу поняли, кто она. Она не обращала на них внимания, а шла прямо по дороге, пока не подошла к воротам дворца. Ворота стояли открытыми, и она, не стучась и не зовя, прошла через гулкий двор и под портиком в большой зал, как та, что пришла по праву. Войдя в зал, она остановилась и огляделась. Сначала все казалось безмолвным и пустынным, потому что люди разошлись по своим делам; но вскоре она заметила старика, сидевшего на резном стуле в одном из альковов между колоннами. Это был король, ее отец. Он сидел, положив голову на руку и опустив глаза в пол, и лицо его было печально и полно тоски, как у того, кто видит сладкие сны, которые, как он знает, не сбудутся. Осторожно приблизилась она к нему и возблагодарила богов, которые подгадали время ее прихода так, что она застала его одного. Она подошла и опустилась на колени у его ног. Старик на мгновение взглянул в ее лицо, словно не видя ее; затем поднялся с кресла и положил руку ей на плечо.

"Аталанта!" - воскликнул он.

"Отец мой, - сказала она, - я вернулась к тебе".

Тогда он заключил ее в свои объятия.

"О, дитя мое, дитя мое!" - сказал он. "Боги благосклонны к тебе за пределами моей пустыни".

"Твой голос зывал ко мне в ночи, - сказала она, - и я не могла закрыть свое сердце от твоих мольб. Зов свободной земли был силен, но зов моей крови был сильнее".

Так Аталанта вернулась к своим родным и принесла радость сердцу отца и матери, которые никогда не держали ее на руках. В честь нее во дворце был устроен большой пир, и по всему городу люди радовались ей. Ведь она была прекрасной принцессой, которой могла гордиться любая страна, и слава о ней разнеслась по всей Элладе. И действительно, как только стало известно, кто она такая и как покинула горы, чтобы жить со своими сородичами, издали стали стекаться женихи, чтобы добиться ее руки. Но она относилась к ним с

презрением и поклялась, что никогда не выйдет замуж. Поначалу отец улыбался ей, считая ее отказ от свадьбы признаком благородной натуры, которую не завоевать выпрашиванием у первых встречных. Поэтому он собрал вокруг себя самых благородных принцев в стране в надежде, что среди них найдется тот, кто сможет завоевать ее сердце. Но проходили месяцы, а она все еще клялась, что никогда не выйдет замуж. Все ее удовольствия заключались в беге и охоте, а также в том, чтобы скакать рядом с отцом. Что касается молодых принцев, то они ей вполне нравились как товарищи по спорту, но как только они заговаривали о любви и браке, она отворачивалась от них. В конце концов король забеспокоился.

"Конечно, дитя мое, - сказал он, - среди всех этих принцев есть тот, кого ты могла бы полюбить?"

"Я никогда не люблю никого, кроме тебя, мой отец", - ответила она.

"И все же вся надежда нашего рода лежит на тебе, Аталанта, - сказал он. "Если ты не выйдешь замуж, наш род погибнет".

"Наш род погиб в тот день, когда ты изгнал меня в горы", - ответила она. "Если я выжила, то не благодаря тебе или кому-то из моего народа, но моя жизнь принадлежит ей, которая спасла меня в тот день".

"Что ты имеешь в виду?" - спросил король.

"Когда я вышел из леса и вернулся к тебе, я дал обет Артемиде, которая спасла меня в самом начале. Я сказал: "Я буду твоим слугой навеки, буду жить девой все мои дни и любителем охоты". Моя жизнь принадлежит ей, а не моему роду, не любому сыну человеческому".

"Мы даем необдуманные клятвы по неведению, Аталанта, - сказал король, вспомнив клятву, которую он дал в день свадьбы, - и судьба насмехается над нами, превращая наше "нет" в "да".

Но Аталанта рассмеялась над его словами.

"Когда Судьба насмехается надо мной, - сказала она, - мне пора выходить замуж и превращать свое "нет" в "да"".

Ничто из того, что он мог сказать, не могло убедить ее отказаться от своего решения. Но все же он убеждал ее днем и ночью, и в конце концов она так устала от этого дела, что ей пришел в голову план, который избавил бы ее от всех женихов.

"Отец мой, - сказала она, - я выйду замуж за любого мужчину, который попросит моей руки, если он выполнит одно условие".

"Дитя мое, - воскликнул ее отец, - я знал, что в конце концов ты прислушаешься к голосу разума. Расскажи мне о своем условии, чтобы я мог распространить его среди тех, кто добивается твоей руки".

"Скажи им, - ответила она, - что я выйду замуж за первого мужчину из них, который побежит со мной наперегонки. Если он победит, я стану его невестой, а если проиграет, он должен умереть".

Услышав ее слова, король упал духом.

"Ты, конечно, говоришь насмешливо, Аталанта", - сказал он. "Ни один человек в мире не может бегать так быстро, как ты, и они это знают. Ты отгонишь от себя своих женихов, а если кто-то из них окажется настолько безрассудным, чтобы бежать с тобой, он будет бежать на верную смерть".

"Никто не будет бежать на верную смерть, отец мой", - ответила она. "Когда они узнают, что вздыхать по мне - значит вздыхать о смерти, они вернуться к своим родным, и меня больше не будут беспокоить ухажеры".

Она говорила в неведении и не знала, какую роковую силу имеет ее красота на сердца мужчин. И отец вздохнул, услышав ее слова. И все же он подумал про себя,

"Возможно, в ее словах есть нечто большее, чем может показаться на первый взгляд. Морские глубины легче постичь, чем ум женщины. Либо среди ее женихов есть один, которому она отдает предпочтение перед остальными, и она позаботится о том, чтобы он первым бежал с ней, обуздает свою скорость и позволит ему победить; либо, небеса знают, какой-то бог вложил эту прихоть в ее сердце и пошлет неизвестного нам чемпиона, который может бежать быстрее самого быстрого, и он обгонит ее и сделает своей невестой. Она никогда не позволит мужчинам умереть из-за нее".

Но он рассуждал по неведению и не знал, как его собственная гордость и упрямство снова живут в Аталанте, чтобы она сдержала свое слово, хотя это принесет горе ей самой и смерть другим. Тогда он разгласил среди женихов условие, которое она поставила. Услышав это, они пришли в большое смятение, посоветовались, что им делать, и послали к ней депутацию, чтобы узнать смысл ее слов.

"Госпожа, - спросили они, - когда ты говоришь о смерти, то говоришь, как бы в притчах. Те, кто бежит в гонке с тобой и оказывается впереди, должны отказаться от всякой надежды на тебя и больше не смотреть на твое лицо. И это будет смертью для тех, кто любит тебя".

Но она рассмеялась им в лицо.

"Если вы хотите услышать притчи, - сказала она, - идите к оракулу в Дельфах. Я не безумная жрица, чтобы произносить слова, идущие сразу в две стороны. Тот, кто ищет смерти, может состязаться со мной на рассвете, а на закате непременно выпьет чашу с ядом и больше не взглянет ни на мое лицо, ни на лицо любого живого существа. Я ясно выразился?"

На следующий день в залах царя Шенуса царило великое смятение. Раздавались крики и суета, слуги бегали туда-сюда. Колесницы с лязгом проезжали через ворота и останавливались во дворе, а за лошадьми громоздился багаж. И Аталанта громко смеялась над успехом своего замысла; ухажер за ухажером подходили, целовали ей руку и прощались. Они любили ее, но жизнь им нравилась больше, и они были довольны тем, что вернулись домой и нашли себе спутниц, которые, хотя и были менее справедливы, но менее свирепы и смотрели бы на своих господ глазами более смиренными и покорными, чем Аталанта.

В тот вечер собравшихся у стола было меньше, чем за весь долгий день. И все же несколько женихов остались и, казалось, не спешили уходить. День проходил за днем, и каждый вечер Аталанта говорила про себя,

"Завтра они непременно уйдут. Они живут в дальних городах и ждут благоприятного дня для своего путешествия".

Но благоприятные дни приходили и уходили, а они все еще оставались в залах царя Шенуса. Наконец Аталанта не смогла больше скрывать ужас в своем сердце.

"Сколько времени пройдет, отец мой, - спросила она, - прежде чем нас перестанут беспокоить чужеземцы в наших залах?"

"Если ты выйдешь замуж за одного из них, остальные больше не будут нас беспокоить", - ответил он.

"Они прекрасно знают, что я не могу выйти замуж ни за одного из них, потому что я поставила условие", - сказала она.

"Они ждут, когда ты исполнишь свое условие", - сказал царь.

Тогда Аталанта сама пошла и обратилась к ним с мольбой,

"Друзья мои, - сказала она, - я прошу вас руководствоваться мною. Боги не создали меня по образу и подобию женского рода, и я не могу отдать себя и свою любовь ни одному мужчине. Смотрите на меня как на одну из вас, молю вас, и не думайте брать меня в жены".

Но они ответили: "Госпожа, ты назвала условие своей женитьбы, и мы ждем его выполнения".

"Но ведь мое условие означает верную смерть", - воскликнула она.

"Ничто в этой жизни не определено, - сказали они, - кроме смерти в конце концов. Придет она рано или поздно - какая разница? Ради тебя мы готовы принять ее сейчас".

Так она была вынуждена сдержать свое слово, и вот уже составлены списки для состязания, а среди женихов брошен жребий, кто из них первым должен выступить против нее. Рано утром, еще до того, как выглянуло солнце, начались скачки, и весь город собрался на поле, чтобы посмотреть на них. Мужчина бежал хорошо и смело, но его скорость была для Аталанты детской забавой. Она прикладывала все свои силы, как борзая, которая довольствуется тем, что бежит некоторое время перед лошадьми, но, почуяв зайца, оставляет их далеко позади. Так и бежала Аталанта, и пришла к цели свежей и прохладной, а ее соперница бежала за ней разгоряченная и запыхавшаяся.

Так случилось, что первый мужчина выпил чашу с ядом из-за своей любви к Аталанте. Он выпил его с улыбкой на лице, как пьют на пиру.

"Прощай, госпожа, - сказал он, - не горюй обо мне. С открытыми глазами я выбрал свою судьбу. Я бежал ради любви и красоты, а победил смерть. Такова судьба многих безымянных. Они сражаются во славу того, чье имя будет жить. Удачи моему сопернику!"

И вот наступило на земле время мрака и траура, и много дней в году город был завешен черным покровом ради какого-нибудь благородного жениха, который предпочел смерть, а не жизнь без Аталанты. И болело сердце Аталанты из-за опрометчивого решения, которое она приняла по неведению. Когда она захотела вспомнить свои слова, было уже поздно, ибо женихи связали ее обещанием.

"Либо отдайся по своей воле одному из нас, либо пусть нам выпадет шанс победить тебя или умереть", - сказали они.

И вот она была вынуждена бежать с ними. Ибо в глубине души она знала, что даже смерть для мужчины счастливее, чем завоевать ее без ее любви.

Так исполнились слова Артемиды, сказавшей: "Со временем она вернется к своему народу и принесет радость и печаль в его сердца".

Однажды случилось так, что незнакомец приехал в город в то утро, когда должны были состояться скачки. Накануне он ночевал в деревне неподалеку, и жители рассказали ему сказку об Аталанте и о том, как на следующий день другой жених должен был бежать на смерть. Но он посмеялся над их словами.

"Ни один человек не побежал бы на верную смерть, - сказал он, - если бы дева была прекрасна, как Афродита".

"Пойди и убедись сам", - ответили они. "Скоро мы услышим, что ты тоже хочешь участвовать в забеге".

"Никогда", - сказал он, - "ни одна женщина не сможет выманить у меня жизнь".

Но они неубедительно покачали головами.

"Многие до тебя говорили то же самое, - сказали они, - и все же бежали".

"Если я бегу, то бегу, чтобы победить", - ответил он.

"Может ли улитка обогнать оленя?" - спросили они.

"Может", - ответил он.

"Ты безумен", - воскликнули они.

"Лучше быть безумным на земле, чем безумным в Аиде", - ответил он.

Но они еще больше покачали головами и мудрено постучали пальцами по лбу, чтобы показать, что он безумен и говорит наугад.

"Ну, что ж, - сказал он со смехом, - посмотрим, что мы увидим".

На следующее утро он рано отправился в город и, смешавшись с толпой, пробрался к ипподрому, найдя себе место, откуда можно было спокойно наблюдать за всем этим зрелищем. Забег состоялся и закончился так, как заканчивался всегда, и над городом снова повисла чернота. Но в сознании незнакомца остался образ, которого раньше не было, - образ девы, чьи белые ноги сверкали в солнечном свете, а туника развевалась, как флаг на ветру.

"Великий Геракл! - подумал он про себя, - пробежать с ней плечом к плечу хотя бы на мгновение, даже в смертельной гонке, может быть, и стоит того. Я заявлю о себе во дворце и посмотрю, что дадут мне боги".

Несколько дней он прятался в городе, пока не решил, что пришло время подняться во дворец царя. Тогда он пошел прогуляться по шоссе, а когда покрылся пылью и грязью, вернулся в город и сразу же направился ко дворцу. В дверь ворот он постучал, и старый привратник вышел спросить его волю.

"Я прибыл из дальних краев, - сказал он, - и завтра отправлюсь в дальнейший путь. Молю тебя, окажи мне гостеприимство на одну ночь у управляющего этим домом, кто бы он ни был. Я сын короля и достоин сидеть за столом любого человека".

Носильщик с сомнением посмотрел на поношенную одежду незнакомца. Казалось маловероятным, чтобы сын короля отправился в далекое путешествие без слуги, без лошади и багажа. Потом он заглянул в ясные голубые глаза, которые смотрели на него невинно, как у ребенка, и увидел, что при всей своей жалкой одежде он отнюдь не плохо себя чувствует, а держится достойно и гордо. Он открыл дверь и провел его через двор.

"Так, так, - бормотал он себе в бороду, - странные прихоти у великих людей в наши дни. Наш король должен убить свою дочь, потому что она девица, а она должна убить своих женихов, потому что они мужчины. После этого этот парень, как он говорит, вполне может оказаться царским сыном, который, поскольку у него есть дворец и изобилие, должен топтаться по земле и просить хлеба. Слава богам, что в моих жилах течет скромная кровь, а в голове - здравый смысл, иначе лучше бы ворота держались сами по себе, чем иметь меня в качестве стража".

Затем он бросил еще один взгляд через плечо на стоящего позади юношу.

"Во всяком случае, за одну ночь он не причинит вреда", - пробормотал он.

"Что ты сказал, отец?" - спросил незнакомец.

"Я сказал, что за одну ночь ты не сможешь причинить вреда", - ответил старик.

"Напротив, - со смехом сказал незнакомец, - за одну ночь я надеюсь сделать для этого дома больше добра, чем ты сделал за всю свою жизнь".

"Молодым свойственно хорошо думать о себе", - сказал портье. "Не похоже, чтобы ты сторожил эти ворота зимой и летом, днем и ночью, почти три десятка лет, как я, молодой человек".

"С другой стороны, - сказал незнакомец, - ты не можешь жениться на дочери короля в течение года и в твою честь город будет завешен красным, а не черным, как я".

"Сэр, - сказал старик, - я слишком хорошо знаю свое место..."

"- И слишком люблю свою жизнь, чтобы претендовать на руку принцессы. Разве это не так?"

"Может быть", - сказал старик и с треском закрыл рот. На все дальнейшие замечания незнакомца он отвечал ворчанием. Он отвел его во дворец и передал в руки распорядителя. Когда он повернулся, чтобы вернуться на свой пост, молодой человек хлопнул его по плечу.

"Удачи тебе и твоим воротам", - сказал он. "Когда я пройду через них с рукой принцессы в своей, возможно, ты будешь смотреть на меня с большей благосклонностью, чем сейчас".

"Вовремя предупреждай, юноша, - сказал привратник, - и не задерживайся в этом дворце, а отправляйся в путь утром, как ты и собирался сделать вначале. Те, кто задерживается слишком долго, могут пройти через ворота, не имея в руках ничего, кроме пирога".

Так он сказал, имея в виду пирог, который клали в руки умерших, чтобы они отдали его Церберу, сторожевому псу Аида.

"Не бойся за это, - сказал незнакомец, - я с таким же удовольствием уйду с пустыми руками".

После этого он обратился к распорядителю, который с грустью приветствовал его в залах царя Шенуса. В те времена на всех чужеземцев смотрели с опаской, опасаясь, что они придут как претенденты на руку Аталанты и захотят пополнить ряды тех, кто участвовал в роковой гонке. Услышав, что юноша отправляется в путь назавтра, он обрадовался, дал ему воды, чтобы умыться, сменить одежду и указал место у стола, не спросив при этом его имени. Когда Аталанта увидела у борта незнакомца, сердце ее сжалось, и она отвела глаза в сторону, словно не замечая его, ибо была уверена, что он тоже пришел, чтобы участвовать с ней в беге. Так случилось, что в тот вечер компания была немногочисленной, и никто не разговаривал наедине с соседом, но разговор перескакивал с одного конца доски на другой, и каждый принимал в нем участие и говорил свое слово. Незнакомец тоже принимал участие в разговоре, ничуть не смущаясь; слова его были так проникательны и так полны остроумия, что вскоре он вызывал улыбку на лице каждого из сидящих за столом. Уже много дней не было такой веселой беседы и такого громкого смеха за столом царя Шенуса. Аталанта тоже забыла о своем стеснении и свободно разговаривала и смеялась с незнакомцем, а он отвечал ей, как будто это был человек с человеком, и проявлял к ней не больше почтения, чем к остальным членам компании.

Когда трапеза закончилась, король подошел к незнакомцу, а Аталанта встала рядом с ним.

"Господин, - сказал король, - твое имя и страна все еще скрыты от нас, но мы благодарны тебе за твой приезд и будем рады, если ты останешься здесь столько, сколько тебе будет угодно".

"Благодарю вас, государь, - сказал незнакомец, - но я связан странной клятвой. Я не могу открыть своего имени и не могу принимать гостеприимство более чем на одну ночь ни от кого, пока не приду в дом, где не кто иной, как дочь короля, пообещает мне свою руку. Из рассказов, которые я слышал в соседней стране, я понял, что не могу надеяться на то, что мой обет закончится под этой крышей - хотя, - сказал он, повернувшись к Аталанте, - я бы с радостью добился своего, если бы был хоть какой-то шанс на успех".

Но Аталанта откинула голову назад, услышав его слова.

"Ты, несомненно, слышал условие, - сказала она, - при выполнении которого только мужчина может завоевать мою руку".

"Увы, господин!" - сказал король, - "я не желаю, чтобы кто-то попытал счастья в этом деле".

"Раз так, - сказал незнакомец, - я снова отправлюсь в путь с рассветом и посмотрю, какую удачу подарят мне боги. Я благодарю тебя за твое гостеприимство этой ночью и прошу извинить меня. Я проделал долгий путь и хотел бы отдохнуть сейчас, так как мне предстоит пройти еще много времени, прежде чем я смогу снова отдохнуть".

После этого он удалился от царя Шенуса и его дочери. Но она, при всей своей гордости, не могла забыть человека, который, казалось, прощался с ней с таким легким сердцем. Он был благосклонен к ней, но она думала о нем не потому, что он был благосклонен, и не потому, что у него был готовый язык. В самом деле, когда она спрашивала себя, почему должна помнить того, кто к этому времени, несомненно, потерял всякую память о ней, она не находила ответа. В смятении она бросилась на кушетку и решила, что до того, как он покинет дворец назавтра, она обязательно поговорит с ним.

"Он думает обо мне не больше, чем о камне на обочине, - говорила она себе, - поэтому я не сделаю ему ничего плохого, если позволю ему еще раз поговорить со мной, прежде чем он уйдет".

Она имела обыкновение вставать рано утром, до того, как остальные члены семьи придут в себя, и уходить в лес в одиночестве; а один из рабов должен был вставать вовремя, чтобы дать ей поесть перед уходом, так что, когда она появлялась, как это было принято, он ни о чем не думал. Незнакомец поднялся даже раньше нее, и раб ждал его. Когда Аталанта увидела его, сердце у нее затрепетало, ибо она не ожидала увидеть его так скоро.

"Доброе завтра, господин", - сказала она. "Не часто у меня бывает спутник, когда я нарушаю пост".

Затем она повернулась к рабу.

"Ты можешь вернуться в свою постель, - сказала она, - и спать спокойно. Я позабочусь о нуждах нашего гостя и ускорю его в пути".

Раб, не медля, удалился. Он хорошо привык странным приказам своей госпожи, и, кроме того, не было нужды дважды приглашать его вернуться на диван.

Тогда Аталанта уселась за стол рядом с незнакомцем, и они припали к столу со всем аппетитом молодости и здоровья; во время еды они смеялись и шутили, рассказывали о странных землях, которые им довелось увидеть, и о приключениях, которые с ними приключились. За каких-то полчаса они стали такими хорошими друзьями, словно знали друг друга всю жизнь, и ухажеры, которые изо дня в день сидели за столом ее отца, были для Аталанты куда более чужими, чем этот человек, жаждавший гостеприимства лишь на одну ночь.

Когда они закончили трапезу, незнакомец поднялся.

"Я должен попрощаться с вами, леди", - сказал он.

"Нет, еще нет, - ответила она, - я отправлю тебя в путь и покажу дорогу через лес, которая приведет тебя к городу, который ты ищешь. Я знаю все тропинки и дорожки так же хорошо, как их знают дикие олени".

Он пытался отговорить ее, но она не слушала и вывела его из дворца через боковые ворота, которые отперла собственными руками. Они прошли по спящим улицам, где тени домов долго лежали на земле, и вышли на открытую местность в тень леса. Роса блестела на листьях, как драгоценные камни, то тут, то там сквозь деревья пробивались косые лучи солнца, а над головой в ярком летнем небе задорно пел жаворонок. И все же они шли молча, бок о бок, словно, несмотря на яркость дня, в их сердцах сидела печаль, а не радость, и все их веселые разговоры и смех раннего утра были мертвы. Наконец они подошли к широкой тропе, пересекавшей их путь, и Аталанта остановилась и указала направо.

"Отсюда, - сказала она, - ты не промахнешься. Иди по тропинке, пока она не выведет тебя на большую дорогу, а когда дойдешь до нее, поверни налево, и ты придешь в город, который ищешь".

Затем она протянула ему руку.

"Я должна попрощаться с тобой, - сказала она, - и желаю удачи в исполнении твоего обета".

"Госпожа, - сказал он и взял ее руку в свою, - если хочешь, ты можешь освободить меня от клятвы".

Но она резко отдернула руку и откинула голову.

"У многих царей есть дочери, кроме царя Шенуса, - сказала она, - и любая из них может освободить тебя от клятвы не хуже меня".

"Аталанта, - сказал он, - ни одна царская дочь, кроме тебя, не освободит меня от клятвы". То, что наш смех, наши разговоры прошлой ночью и сегодня утром пытались скрыть, наше молчание, когда мы шли бок о бок, открыло гораздо лучше, чем я могу тебе сказать. Ты знаешь, что я люблю тебя. С того самого момента, как я увидел тебя, я люблю тебя".

Его слова заставили ее сердце затрепетать от странной радости. Но она никак этого не показала и ответила ему холодно. Она была горда и хотела испытать его.

"Несомненно, шлюзы любви легко открываются там, где человек освобождается от клятвы. Ты знаешь, как можешь завоевать меня. Готов ли ты участвовать в забеге?"

При этих словах к нему вернулось все его веселье, и глаза его заблестели от радости, когда он ответил:

"Много пользы принесла бы мне моя любовь, если бы я вынужден был выпить чашу с ядом. Нет, нет, - сказал он, - я слишком хорошо люблю тебя, чтобы положить свою смерть у твоих дверей. Когда у меня появится хоть какой-то шанс выиграть скачки, я вернусь и потребую тебя. А пока, леди, прощайте".

И, поклонившись ей, он повернулся и пошел своей дорогой, не оглядываясь на нее, а она стояла, дрожа от удивления и гнева. Другие ее любовники говорили иначе. Когда он скрылся из виду, она внезапно повернулась и пошла обратно той дорогой, по которой они пришли. Руки ее были сжаты в кулаки, слезы неудержимо наворачивались на глаза, а она шла вперед длинными, гневными шагами, не обращая внимания на то, куда они идут.

"Он насмехается надо мной!" - кричала она про себя, - "Он насмехается надо мной! Он - низкий авантюрист, ищущий освобождения от клятвы. У него нет ни сердца, ни чести. Глупо, что я отнеслась к нему как к другу!"

Так она и ходила в гнев, пока он не улегся, и она смогла более спокойно думать о незнакомце. И тут перед ее мысленным взором вновь предстал его облик, как тогда, когда они стояли лицом к лицу во время расставания, когда солнце сверкало на них сквозь деревья, а он смотрел ей прямо в лицо своими ясными голубыми глазами и говорил: "Ты знаешь, что я люблю тебя. С того самого момента, как я увидел тебя, я люблю тебя".

При воспоминании об этом в ее горле поднялся сильный всхлип.

"Ах, он говорил правду!" - сказала она; "Я знаю, что он говорил правду".

Более того, сердце подсказывало ей, что задолго до того, как он произнес эти слова, она знала, что он любит ее. И все же странные узы любви. В ней переплетаются уверенность и сомнение. Поэтому Аталанта, услышав слова, которые были лишь отзвуком безмолвной речи

их сердец, подвергла его еще большему испытанию и оттолкнула от себя, потребовав от него жертвы, которую она не желала приносить.

"Если бы он вернулся и побежал со мной, - вздыхала она, - мои ноги были бы тяжелы, как свинец, против него".

Но вздыхала она напрасно. День проходил за днем, а он все не приходил.

"Он человек слова", - подумала она наконец. "Пока у него не появится хоть какой-то шанс на победу, он не вернется. И он не дурак. Он знает, что никогда не сможет бегать так, как бегаю я. Он никогда не вернется".

И все же, несмотря на это, она следила за ним днем и ночью. Когда она выходила на дорогу или в лес, она искала его на каждом повороте. Когда она входила в большой зал дворца, она искала его лицо у доски. Но всегда тщетно, и порой сердце ее ожесточалось против него.

"Если бы он пришел сейчас, - говорила она себе, - я бы не оказала ему никакой милости. Тот, кто так долго думает, прежде чем рискнуть жизнью ради меня, недостоин завоевать меня".

Потом она снова становилась нежной, смотрела на тропинку, по которой он ушел, и вздыхала о нем.

"О, любовь моя, вернись, вернись! Моя гордость растаяла, как снег, и я безропотно отдамся тебе".

Так она тосковала по нему и почти ненавидела его, потому что знала, что любит его. Проходили недели и месяцы, а он все не возвращался; наступила зима, и снова капли росы заблестели в лучах летнего солнца, когда Аталанта шла по лесу в рассветный час. Она шла, опустив глаза в землю, и думала о том летнем утре давным-давно, когда он молча шел рядом с ней по этой самой тропинке. Когда она случайно подняла глаза, там, на распутии, стоял он, словно отвечая на ее мысли. Вскрикнув, она остановилась и посмотрела на него, а он вышел вперед и поклонился ей.

"Я вернулся, леди", - сказал он.

"О!" - воскликнула она в сердцах, - "Я рада, что вы вернулись".

Тогда он наклонился и поцеловал ее руку. И снова они шли в молчании бок о бок по той же тропинке, что и прежде; и снова крепко связывали их узы любви с ее нитями уверенности и сомнений. Когда они приблизились к краю леса, Аталанта заговорила первой.

"А твоя клятва, - спросила она, - ты освободился от нее?"

"Еще нет", - ответил он. "Я вернулся, чтобы участвовать в забеге, чтобы получить освобождение".

И снова в ней проснулся дух извращенности.

"Где ты научился бегать как ветер?" - спросила она.

"Я не учился бегать как ветер", - ответил он. "Я научился кое-чему получше этого".

"Мало что может быть лучше в беге, чем быстрота", - сказала она.

"Верно, - ответил он, - но я нашел одну вещь, которая лучше".

"Что это за странная вещь?" - спросила она.

"Когда мы пробежим дистанцию, ты узнаешь", - сказал он.

"Я не стала медлительной", - сказала она, вскинув голову, как бы предупреждая его, что ее скорость - не повод для презрения.

"Это я вижу", - сказал он, окинув взглядом ее прямые белые конечности и легкую грацию ее походки, когда она шла рядом с ним. Потом они говорили о безразличных вещах, и каждый знал, что то, что у них на сердце, они скрывают друг от друга.

И вот они пришли во дворец, и все его обитатели, от самых низких до самых высоких, радостно приветствовали незнакомца. Ведь он покорила сердца всех своим остроумием и приветливой улыбкой. Но они вздохнули, узнав, что он тоже пришел участвовать в роковом забеге.

"Увы!" - сказал старый король, качая головой, - "лучше бы я больше не смотрел на твое лицо, чем видеть, как ты возвращаешься с таким поручением".

Юноша рассмеялся. "Тот, кто бежит с надеждой на победу, бежит быстро", - сказал он. "Других затащило в трясину собственного отчаяния".

"Ты не знаешь мою дочь", - сказал король.

"Может быть, я знаю ее лучше, чем ты думаешь, и лучше, чем ты сам", - ответил незнакомец.

Никакие доводы и уговоры не могли отвратить его от задуманного.

"Я должен добиться освобождения от своей клятвы, - сказал он. "Я не могу всю жизнь жить безымянным скитальцем. Но ради освобождения я не женюсь ни на одной женщине, которую не люблю. Только Аталанта может спасти меня, ибо я не люблю никого другого".

Так снова были подготовлены списки и проложена трасса для скачки. Дрожащими пальцами Аталанта завязала на себе пояс и прикрепила к ногам сандалии. Хотя сердце ее взывало к чужеземцу о победе и молило, чтобы ноги подвели ее в последний момент, гордость все же подняла голову.

"Он так уверен в победе, - думала она, - он презирает мою быстроту. Он увидит, что ничто из того, чему он научился, не может научить его бегать так, как бегаю я". И все же - о, будь проклято то состояние, которое я считала таким хитрым в своем невежестве! О, если бы он мог победить меня, не превзойдя меня!"

Так ее гордость и желание потянулись сразу в две стороны.

И вот уже народ собрался вокруг поля, а Аталанта и незнакомец стояли наготове и ждали, когда будет сказано слово. Аталанта поставила условие, чтобы ее соперники имели хороший старт, и стояла, не сводя глаз со спины незнакомца, который ждал за много шагов до нее. Слишком скоро прозвучало слово, и он рванулся вперед со своего места, как собака, напрягшаяся на поводке, рвется вперед, когда крючок развязывается. И Аталанта тоже рванулась вперед, но если мужчина бежал, как загнанная тварь, напрягающая все мышцы, чтобы спасти свою жизнь, то она бежала с размашистой грацией дикого оленя, который вдали от охотников и гончих пересекает пружинящий дерн одинокого болота, бесстрашный и гордый, отбрасывая назад свои рога на ветерке. Так бежала Аталанта, словно не думая ни о

забеге, ни о человеке, который бежал, спасая свою жизнь. Но, не прилагая никаких усилий, она настигала своего соперника на каждом шагу, и вот она уже бежит вплотную за ним, вот она уже почти плечом к плечу, и краем глаза он видит блеск ее туники. На мгновение он замедлил шаг, и казалось, что она его обойдет, а со всех сторон люди кричали ему: "Беги, беги! Быстрее, быстрее! Она обойдет тебя".

Краем глаза он заметил отблеск ее туники.

Но он сунул руку в прореху своей туники и достал что-то из груди. Затем его рука взметнулась над головой, и из нее вылетело ослепительное огненное яблоко. Оно пронеслось по воздуху, как метеор, и покатилося по траве, пока не остановилось далеко в центре дистанции и не

засияло в лучах солнца, как драгоценный камень. Все взоры были устремлены вдаль, чтобы понаблюдать за его сверкающим полетом, и Аталанта тоже остановилась и смотрела на него. Когда она увидела, что он остановился на середине дистанции, сверкая и переливаясь в траве, в ее сердце зародилось огромное желание заполучить его - безумное, беспричинное желание, которому она не могла противиться. И она бросилась в сторону с дороги, по которой мчались, и, подойдя к , подобрала сверкающее золотое яблоко и положила его в карман своей туники. Тем временем незнакомец не терял времени, и когда Аталанта вернулась на то место, откуда ушла, он был уже далеко впереди на дистанции, и ей пришлось бежать изо всех сил, если она хотела догнать его. Но она снова настигала его, и расстояние между ними становилось все меньше и меньше, пока они не бежали почти плечом к плечу. И снова он увидел блеск ее туники рядом с собой; и снова он на мгновение сбавил скорость и послал в воздух второе сверкающее яблоко. И снова в сердце Аталанты вспыхнуло безумное, беспричинное желание, и, сойдя с дистанции, она подобрала второе яблоко и положила его в карман своей туники рядом с первым. Когда она вернулась на тропинку, незнакомец уже обогнул поворот и устремился к цели, и она бросила все силы, чтобы догнать его. Но легкости в ее беге уже не было. Она бежала, как человек, несущий ношу, но не отбрасывала золотые яблоки в своей груди, и хотя они мешали ей, она настигала соперницу, и в третий раз они бежали почти плечом к плечу. И снова, в третий раз, произошло то же самое, и Аталанта сошла с дистанции, чтобы подобрать сверкающие плоды. На этот раз, когда она вернулась на свое место, незнакомец был уже близко к цели, а вокруг кричали и размахивали руками люди. Слепую она взяла себя в руки и, собрав все оставшиеся силы, сделала большой рывок, чтобы догнать его. Если бы она выбросила золотые яблоки, то еще могла бы выиграть гонку, но то же безумное желание, которое побудило ее подобрать их, не позволяло ей теперь отпустить их. По мере того как она бежала, они, казалось, становились все тяжелее и тяжелее в ее груди; но она боролась, задыхаясь, и шаг за шагом настигала его, хотя ее глаза были затуманены всем, кроме его фигуры и цели впереди. Со всех сторон люди кричали еще громче, чем прежде, ибо не знали, кто из них победит. Когда они приблизились к цели, то снова оказались почти плечом к плечу, и незнакомец снова увидел, как рядом с ним мелькнула туника Аталанты, а бежать оставалось еще несколько шагов. Тогда он резко рванулся вперед и отпрыгнул от нее в сторону. Она попыталась сделать то же самое, но силы покинули ее. Она уже сделала последнее усилие. Так и получилось, что незнакомец первым добежал до цели, а Аталанта, бежавшая за ним по пятам, упала бездыханной в его объятия, когда он повернулся, чтобы поймать ее. Она пробежала вдвое больше, чем он, но что с того, что он не обогнал ее? Он выиграл гонку и держал в объятиях любимую женщину. В ее глазах блеснули слезы, но он знал, что это не слезы горя, и при всем народе поцеловал ее.

Так Аталанта, быстрее из смертных, победила в гонке незнакомца и узнала из его уст, что именно он нашел в своих странствиях, из-за чего скорость оказалась бесполезной в гонке.

И после того как они вернулись в город, окруженные радостным народом, прошли рука об руку под воротами, и незнакомец с улыбкой кивнул старому привратнику, который стоял, склонившись перед ними; После того как он открыл всем, что он Мейланион, сын Амфидамаса, и старый царь припал к его шее и благословил его, потому что он оказался сыном друга его детства и именно его из всех других он выбрал бы себе в зятя - после всего этого, когда речи и веселье закончились, они вдвоем гуляли по залитому лунным светом двору дворца. Наконец Аталанта облачилась в длинные шафрановые одежды невесты, а в руках она несла три сияющих яблока. Обняв Мейланиона, они некоторое время шли молча, но наконец она заговорила и протянула плоды.

"Скажи мне их тайну", - сказала она.

"Их тайна лежит в твоём сердце, Аталанта", - ответил он.

"Что ты имеешь в виду?" - спросила она.

"Я хочу сказать, что если бы ты не любил меня, они никогда бы не наполнили твою душу желанием обладать ими, и ты никогда бы не свернул с пути".

"И, зная это, ты поставил свою жизнь на карту ради моей любви?" - спросила она.

"Зная это, я поставил свою жизнь на твою любовь", - ответил он.

"Значит, это было единственное, что лучше скорости в гонке?"

"Да, - ответил он, - я научился доверять любви твоей".

На мгновение между ними воцарилось молчание, а затем Аталанта снова заговорила.

"А откуда взялись яблоки?" - спросила она его.

"Когда я покинул тебя в Расставании путей, - сказал он, - я прошел много усталых лиг по суше, и по дороге я миновал много святилищ Афродиты. Но никогда не проходил я мимо них, не воздев руки в молитве к богине, ибо знал, что она может помочь мне, если захочет, и знал, что к тем, кто любит по-настоящему, она в конце концов всегда добра. Но я бродил до тех пор, пока не изнемог и не устал, и не нашел никакого знака. В конце концов я пришел к берегу моря и отплыл на приятный остров Кипр, который является ее родным домом. Там, наконец, она пришла ко мне, идя по морским волнам, Когда я лежал на берегу в ночное время, я увидел ее как великий свет вдали, и она приблизилась ко мне с пеной, играющей белизной вокруг ее ног. В руке она несла три сияющих золотых яблока. Она подошла и встала рядом со мной, и я спрятал глаза от ее красоты. Но она заговорила со мной голосом мягким и добрым, и мелодия его тронула мое сердце, как мелодия музыки.

"Не бойся, Мейланион, - сказала она, - я услышала крик твоего сердца. Вот три яблока с моей собственной яблони. Если та, кого ты любишь, полюбит тебя в ответ, она не сможет устоять перед чарами их золотого блеска. Когда ты столкнешься с ней, бросай их одно за другим на середину поля. Если она любит тебя, то повернет в сторону, чтобы подобрать их. Для нее они будут тяжелыми, как золото, из которого они кажутся сделанными. Для тебя же они будут легки, как плод, чью форму они несут. Прощай, и удачи твоему роду".

"После этого на мои глаза опустилась тьма, и я не мог найти слов, чтобы поблагодарить ее. Когда я проснулся, то подумал, что это был сон, но вдруг рядом со мной на песке лежали яблоки, сверкая в лучах солнца".

"А твоя клятва?" - спросила Аталанта. "Как ты решился дать такую клятву?"

Он рассмеялся над ее словами.

"Когда охотишься на зайца, - сказал он, - ты знаешь, как он двоится и сворачивает, и берет линию, которую не намерен продолжать до конца. Так было и со мной. Давным-давно в доме моего отца я слышал о тебе и о твоей красоте, и о том, как ты умеешь так околдовывать сердца людей, что ради тебя они готовы расстаться с жизнью. И появилось у меня большое желание увидеть это своими глазами, ибо я не мог в это поверить. И я отправился один на поиски тебя, скрывая свое имя от всех людей, ибо таким образом я мог действовать так, как мне казалось лучшим в моих собственных глазах. И увидел я, как ты бежишь наперегонки, и

этого взгляда было достаточно, чтобы понять, что и я однажды должен бежать вместе с тобой. И все же я был более осторожен, чем мои соперники. Я знал, что прийти в качестве жениха - значит обратить твое сердце в камень. Поэтому я притворился, что связан клятвой, которая приведет меня к тебе как проезжего чужестранца. Сможешь ли ты простить эту ложь?"

Она улыбнулась ему в лицо.

"Это была смелая затея, - сказала она.

"Я знал, что я подобен тому, кто ступает по неведомым тропам в безлунную ночь", - ответил он. "И все же в глубине души я чувствовал, что если человек желает чего-то одного на земле больше, чем всего остального, если он любит это больше, чем саму жизнь, то в конце концов он обязательно победит, если будет терпеливо идти шаг за шагом с верой. Он победит или умрет в борьбе за эту вещь, и он доволен, что так будет".

Так победила Аталанта. Что же касается золотых яблок, то она положила их в драгоценную шкатулку и ревностно хранила все свои дни в память о том, что ей не удалось победить в этой гонке.

Парис и Enone

Когда смертный Пелей женился на серебряноногой Фетиде, прекрасной морской нимфе, великое ликование было среди богов и людей, ибо Пелей был храбрым воином и могучим человеком и вполне заслуживал иметь в женах дитя бессмертных. На брачный пир он позвал всех богов и богинь, и они покинули свои места на спокойном Олимпе и спустились на Пелион, где он жил, - целая толпа сияющих, чтобы оказать честь смертному, которого они любили. Лишь одну из них он не попросил - Эрис, чернобровую богиню раздора, ибо на свадебном пиру он желал счастья и радости, и чтобы никакие мрачные взгляды не омрачали радости его правления. Но он искал стыда в сердце той, кто не знал стыда. Но она пришла без спроса, и велика была печаль, которую принесло ее появление и ему, и его жене, и всей прекрасной стране Элладе. Ибо посеяла она семя раздора, которое расцвело кроваво-красным цветком войны, в которой через десять долгих лет раздора пали самые могучие и лучшие из двух великих народов, и среди них был Ахилл, самый быстрый и храбрый из смертных мужчин, сын, которого Фетида родила Пелею, чтобы он был утешением в старости и стал его преемником после смерти. Но так случилось, что Ахилл погиб в битве вдали от родины, в расцвете сил.

Эрис отомстила за него следующим образом.

Когда брачный пир уже подходил к концу, и веселящее вино развязало уста и раскрыло сердца пирующих, над всем этим грохотом и шумом по залу разнесся резкий, разноголосый смех, подобный раскатам грома перед бурей. Наступила мертвая тишина, и все взгляды устремились туда, откуда доносился этот страшный смех. В тени дверного проема стояла высокая исхудавшая фигура, закутанная во все черное. Над головой она держала кроваво-красный факел, который бешено мерцал на ветру и отбрасывал на лицо тень от диких эльфийских волос. Щеки ее были бледны как пепел, губы тонки и сини, но глаза сияли ярко, как раскаленные угли. Когда она увидела перед собой безмолвный и трепещущий зал, она снова громко рассмеялась и взмахнула факелом над собой.

"Ха! Ха!" - воскликнула она. "Вы оказали мне холодный прием, мои хозяева. Но я добрее вас. Я отдаю и ничего не беру взамен. Смотрите, я принесла приправу к вашему пиру, и пусть вы получите от нее много радости".

Тогда она достала из груди золотое яблоко и швырнула его им в лицо на доску. Оно покатилося по столу, как световой шар, и остановилось в центре перед Пелеем, царем пира. Глаза всех гостей следили за ним с изумлением и восторгом, ибо он был дивно прекрасен на вид.

"Я вижу, вам нравится мой подарок", - воскликнула Эрис. Пусть он останется у той, кто больше всего его заслуживает". Прощай. Я не останусь там, куда пришла без приглашения".

Затем она повернулась на пятках и ушла в черноту ночи.

Когда она ушла, Пелей протянул руку и взял яблоко. Оно было из чистого золота, снаружи - из белого золота, бледного, как солома, а на щеках - из красного золота, яркого, как мак, и поперек его было написано сияющими буквами: "Для самой прекрасной".

Прочитав эти слова вслух, Пелей медленно оглядел доску.

"О богини, - спросил он, - кому из вас я должен отдать это?"

И тут началась борьба языков, и вся гармония и дружелюбие пира исчезли, ибо одна говорила одно, другая другое, и каждая в глубине души желала заполучить его себе. Но претензии троих возвышались над претензиями всех остальных.

"Я - царица небесная, - сказала Гера, - мать богов и людей. Яблоко принадлежит мне по праву".

"Я - дарительница знаний и мудрости, - сказала Паллас Афина, - и через меня все совершенствуется, а неправильное становится правильным. Яблоко должно быть моим".

"Я - богиня любви, - сказала Афродита, - я - сама жизнь. Мое право - лучшее из всех".

Пелей, глядя на них, не знал, кому из них отдать яблоко, ибо каждое по очереди казалось ему прекраснейшим. А он был хитер и знал, что не может отдать его одному, не разозлив двух других. Поэтому он сказал,

"О богини, кто я такой, чтобы судить между вами? Выберите себе судью из сынов человеческих, и он отдаст яблоко той, которую сочтет самой красивой".

Тогда они посоветовались и выбрали Париса, сына Приама, царя Трои, ибо он был прекраснейшим из смертных и знал, как судить между ними. И вышли они из залов Пелея с

улыбкой на устах, но в сердцах их были зависть и ненависть там, где когда-то были симпатия и любовь, ибо яблоко раздора исполнило замысел той, кто его дала.

Парис был вторым сыном Приама и Гекубы и братом Гектора, гордости Трои. В ночь перед его рождением его матери приснился страшный сон - она родила огненное чудовище, от которого запылала вся Троя. В ужасе послала она за своим ребенком Кассандру, жрицу Аполлона, чье слово всегда сбывалось. Она рассказала свой сон и спросила, что он может означать. Тогда Аполлон снял с глаз Кассандры пелену, скрывающую будущее, и она рассказала матери значение этого сна.

"До моего слуха, - воскликнула она, - доносится шум битвы и лязг оружия. Я вижу вокруг Трои шатры врагов и их корабли, приставшие к берегу. Я вижу, что ручей Скамандра окрасился кровью. По опустевшим улицам бродит тот, чья мужественность угасла и кто сторонится глаз своих товарищей, ибо он ценит женское оружие выше чести своей страны. Этот человек - сын, которого ты родишь, и он будет проклятием Трои".

Когда царь Приам услышал эти слова, его сердце наполнилось гневом.

"Ни один мой сын, - воскликнул он, - не должен навлекать позор и гибель на мой город. Когда ребенок родится, он будет изгнан в горы, чтобы умереть, прежде чем его глаза увидят свет".

И вот, несмотря на уговоры матери, как только ребенок родился, его отдали пастуху Агелая, чтобы тот изгнал его на холмы. Он отнес его на Гаргарус, самую вершину Иды, и оставил там умирать от холода и голода или быть разорванным на части хищными зверями.

Но когда говорят судьбы, их слова непременно сбываются, что бы ни делал человек. Так случилось и сейчас. Медведица, детенышей которой убили охотники, нашла ребенка и пять дней и пять ночей сосала его, согревая и оберегая. На шестой день Агелай снова прошел тем же путем, ожидая найти ребенка мертвым, если от него остались хоть какие-то следы. Но вот! Укрывшись мхом и опавшими листьями, младенец сладко спал. Тогда он сильно изумился в своем сердце.

"Конечно, - подумал он, - это не обычный младенец, и воля Небес - чтобы он жил".

И он взял его на руки и отнес домой к своей жене, ибо долгое время они тщетно молили богов о детях. И воспитали они его как родного сына, и назвали его Парисом. Как только он научился ходить, он отправился со своим приемным отцом в горы, сторожить стада и отары, и вырос он высоким и красивым юношей. Он дышал чистым небесным воздухом и купался в журчащих ручьях Иды. Не было у него и недостатка в мужестве и силе. Если вдруг горный лев, осмелевший от голода, спускался к стаду и уносил овцу или козу, а пастухи бежали в ужасе за свою жизнь, он поднимался и сражался с ним один на один, используя свой нож и пастушеский посох, и не лев оказывался лучше в этой схватке. Так прославился он своей силой и доблестью, что по всей округе люди прозвали его Александром, защитником людей.

Однажды летним днем он прошел много миль по безлесной местности и наконец, изнывая от жары и жажды, свернул в тень леса. Вскоре он наткнулся на горный ручей, который, пенясь, бежал по камням, и с удовольствием испил его воды, искупался в прозрачной коричневой луже, а потом, устав, бросился на берег и заснул.

Когда он проснулся, стволы сосен выделялись пурпурным цветом на фоне заката, а вечерний свет навевал на все вокруг очарование таинственности. Он протер глаза и подумал, что, должно быть, все еще видит сон, но тут из ручья рядом с ним возникла дивная дева, одетая в туманную белизну. Ее волосы были похожи на опавшие листья бука, когда солнце освещает

их сквозь деревья, а глаза - на изменчивую реку, отражающую свет небес. Она стояла перед ним неподвижно и смотрела на него сверху вниз.

"О дивная, - прошептал он, - кто ты?"

"Я - Ænone, - ответила она, и голос ее был подобен музыке ручья, - Ænone, дочь Кебрена, бога реки, чей поток танцует у твоих ног со стороны лесистой Иды. О прекраснейшая из смертных, мне одиноко на этих горных полянах; позволь мне вместе с тобой присматривать за твоими стадами".

И она подошла к нему, протянув обе руки . И Парис взял ее прохладные белые руки в свои. Прекрасная, как полумесяц, она склонилась над ним и подняла его с колен, и они посмотрели друг другу в глаза и полюбили, как умеют любить только юные и чистые. С того дня они вместе наблюдали за его стадами на лесистых склонах, рука об руку бродили по лесам и по ровным зеленым лужайкам Иды.

Из ручья рядом с ним поднялась дивная дева, одетая в туманную белизну.

Между тем, с того дня, когда Приам отдал свое дитя на растерзание горам, прошло много круговых лет, и приближался день, когда, если бы его сын был жив, он устроил бы большие игры и пиршества в честь достижения им зрелого возраста. И защемило сердце Приама при мысли о невинном младенце, и стал он размышлять, как бы еще оказать ему честь.

"Возможно, я поступил поспешно, - думал он, - и заботой и добрым примером мой сын мог бы в конце концов стать благословением для своего города и для меня. Но мертвые мертвы, и я не могу вернуть его к жизни. Но я буду чтить его как можно лучше, чтобы в нижнем мире знали, что он царский сын и не совсем забыт".

И он приказал устроить большие погребальные игры в честь своего сына, который умер без имени на горах. Далеко по всей земле разнеслась весть об этом, и были составлены списки, и собраны богатые призы для победителей. Среди них должен был быть бык, самый сильный и лучший из всех стад Приама. Пастухи пригнали свой лучший скот в город, чтобы царь сам выбрал его, и он выбрал могучего зверя, которого вырастил и воспитал Агелай. Случилось так, что этот бык был любимцем Париса из всего скота, находившегося в его ведении, и он любил его, как некоторые любят собаку. Когда же он узнал, что Агелай отдал его в качестве приза на играх, он пришел в ярость.

"Если он будет чьим-то призом", - воскликнул он, - "то я буду им".

Но Агелай посмеялся над ним.

"Кто ты такой, - сказал он, - подкидыш и приемный сын пастуха, чтобы вступать в состязания с царскими сыновьями?"

"Царские сыновья или вороны сыновья, мне все равно", - ответил он. "Мои руки так же сильны, а ноги так же быстры, как у них, в любой день. Я войду в списки".

Старик посмеялся над его словами, ибо он любил юношу и гордился его силой и красотой.

"Хвала богам!" - пробормотал он. "Горный воздух не притупил его дух и не иссушил королевскую кровь в его жилах".

Но Оэнона опечалилась, узнав о его решении.

"Ах, Парис, - взмолилась она, - поскольку ты любишь меня, оставь меня без участия в этих играх".

"Но я вернусь к тебе, любимая. Что это изменит?" - спросил он.

"В моем сердце сидит бледный страх", - ответила она. "Я знаю, что если ты уйдешь, это будет началом бед и для тебя, и для меня, и для всей твоей родины".

"Нет, ты слишком боязлива. Вот увидишь, я вернусь со своим быком, и мы с тобой будем счастливы вместе, как всегда".

"Париж, - сказала она, - я знаю, что этого никогда не будет, если ты однажды присоединишься к играм. Я лишь смутно вижу будущее, но по крайней мере это я знаю: если ты уйдешь, война будет биться о стены Трои, как морская волна, и из середины битвы я увижу тебя, израненного до смерти. Ах, Парис, оставь быка для более слабого и не падай духом!"

"Нет, я не могу слушать такие глупости. Что за война может начаться, если я отправлюсь в Трою ради быка?"

"Причины войны я не знаю, но она обязательно будет. О Парис, в тот день вернись ко мне, и я исцелю тебя от твоих ран! Я знаю, как использовать травы, ибо многим странным чарам научил меня мой отец, и если в тебе осталась жизнь, я верну ее. Но лучше всего оставайся со мной и не спускайся на игры".

И, рыдая, она обняла его за шею, но ничто не могло остановить его.

И вот, когда настал день, он спустился в город и вошел в списки с цветком земли, и все люди дивились, кто он такой. Ибо был он высок и прекрасен, и никогда прежде не видели они его лица. Когда пришел черед поединка, он оскалил зубы и стал бороться, как молодой лев, за

быка, который был гордостью его стада; и сила его противников была обращена в слабость. С радостью в сердце своем вышел он вперед, чтобы взять свой приз; и громкое ликование поднялось до небес, ибо народ радовался его победе. И сердце царя, когда он отдавал приз, обратилось к нему, ибо он был в том возрасте, в каком был бы его сын, если бы остался жив.

"Юноша, - сказал он, - кто ты и кто твой отец?"

"Я Парис, приемный сын пастуха Агелая", - ответил тот.

"Значит, твой родной отец умер?" - спросил Приам.

"О царь, ты задаешь мне загадки, на которые я не могу ответить, - сказал Парис, - ведь я даже не знаю, кто мой родной отец".

"Странное дело", - сказал царь, и, несмотря на себя, сердце его учащенно забилося.

Теперь рядом с ним стояла пророчица Кассандра, его дочь, и настало время ей заговорить.

"О царь, - сказала она, - тебе осталось искать отца этого отрока".

"Что ты имеешь в виду?" - сказал Приам.

"Положи руки на плечи отрока, посмотри ему в глаза, и ты увидишь образ его отца", - ответила она.

Трепеща от надежды и страха, старый царь поднялся со своего места и положил руки на плечи юноши.

"Неужели это действительно мой сын?" - спросил он.

"Он твой сын, - ответила Кассандра, - и ничей другой. Судьба предписала ему жить, и он живет".

"Сын мой, сын мой!" - вскричал царь и упал ему на шею. "Как я тосковал по тебе, и душу мою тяготило бремя твоей смерти! Теперь же, в старости, боги вернули мне тебя, и сердце мое радуется. Ибо ты храбр и справедлив, сын мой, и любой отец гордился бы тобой и не боялся, что ты когда-нибудь навлечешь бесчестье на землю".

Старик снова припал к его шее и поцеловал его, а Гекуба, его мать, взяла его на руки и заплакала слезами радости о ребенке, которого она оставила умирать. Вокруг собрались его братья и сестры, и весь народ; некоторые подняли его на плечи и с песнями и криками радости понесли во дворец Приама. Там его одели в богатые одежды, как подобает царскому сыну, и устроили в его честь большой пир, ибо все радовались, что такой прекрасный и благородный человек был пощажен, чтобы принести честь земле Трои. Одна лишь Кассандра сидела молча среди пиршества, ибо сердце ее было разорвано надвое. Когда она смотрела на прекрасное юное лицо своего брата, она радовалась, что он остался жив; но перед ее глазами все время плыло видение, которое она видела в ночь перед его рождением, - видение войны, бесчинства и смерти, и она знала, что это видение сбудется. При мысли об этом она содрогалась и почти желала ему смерти, а в душе проклинала этот роковой дар пророчества, не принесший ей ничего, кроме горя. Воистину, в ее случае знание не приносило радости.

Когда гости удалились, старый король отвел сына в сторону.

"Я выделил для тебя место, сын мой, - сказал он, - и с этого дня ты должен жить со своими родственниками во дворце".

"Я с радостью буду жить с тобой, отец мой, - ответил он, - но дни свои я буду проводить в горах, как в старину, и сторожить стада и пастбища твои. Ибо я люблю зверей и горный воздух, а в городе, думаю, мне придется тосковать из-за отсутствия прежней вольной жизни".

Перед его глазами встал образ Сене; но он скрыл это от отца.

"Ты можешь жить, как тебе угодно, сын мой, - сказал Приам, - и я дам тебе много хороших стад и рогатого скота".

Так и случилось: хотя Парис был принцем и сыном царя Трои, в его образе жизни произошли небольшие перемены, разве что теперь он жил не в хижине пастуха, а во дворце отца. Ведь в те времена даже для принца не считалось позором быть пастухом и следить за своими стадами и отарами.

Вскоре после этого среди богинь начались раздоры из-за яблока, которое Эрис бросила в их среду на брачном пиру Пелея. И Зевс послал быстроногую вестницу небес Ириду, чтобы она рассказала Парису о возложенном на него обвинении и принесла ему золотое яблоко. По радуге она помчалась по дороге, по которой всегда ходила между богами и людьми. Ее сияющие одежды развевались за ней, а крылья на ногах и плечах сверкали в небе, как молнии. На ранней заре, когда роса еще лежала на земле, она приходила и становилась на пути, когда Парис гнал свои стада на пастбище. В одной руке она держала посох, который дал ей Зевс, чтобы показать, что она - посланница Неба, а в другой - золотое яблоко.

"О прекраснейшая из смертных, - сказала она, - я послана к тебе Зевсом, который правит на небесах. На небе идет война между тремя великими богинями за то, кому из них достанется приз за красоту - это яблоко, которое ты видишь в моей руке. И они назначили тебя судьей между ними. Будь же готова, ибо сегодня в полдень они придут к тебе сюда, на одинокие вершины Иды".

Сказав это, она бросила ему яблоко, и он поймал его ловко, как игрок ловит мяч. А ветреная Ирис понеслась обратно по радужной тропинке так же быстро, как и пришла.

"Странное дело, - подумал Парис, глядя на яблоко в своей руке и читая начертанные на нем слова: "Для самой прекрасной". Оно лежало здесь, гладкое и блестящее, - верный признак того, что ему не приснилось. Тогда он взял его, показал Сене и рассказал ей, что сказала ему Ирис, посланница богов. Услышав это, Сене охватил страх.

"Брось это к их ногам, Парис, когда они придут к тебе, - взмолилась она, - и скажи, что ты не можешь ставить себя судьей бессмертных".

"Нет, это озлобит их против меня", - сказал он, ибо в душе гордился тем, что был избран из всех сынов человеческих.

"Я говорю тебе, что это принесет тебе беду, если ты это сделаешь, а мне - горе несказанное", - сказала она.

"Разве победа над быком принесла горе тебе или мне?" - презрительно спросил он.

Но она промолчала под его упреками, хотя знала, что ее предчувствия сбудутся. Когда солнце поднялось почти до небес, она тихонько подошла к нему, где он лежал на траве, и поцеловала его руку.

"Зевс дарует тебе мудрость в твоих суждениях, Парис", - сказала она и стремительно скрылась за деревьями, чтобы он не увидел слез в ее глазах.

Тогда сердце его уязвило за презрительные слова, и он поспешно поднялся с земли и позвал ее,

"Εnone, Εnone!"

Но она не ответила ему, и когда он искал ее среди деревьев, то не мог найти никаких следов. Близился полдень, и он поспешил обратно на поляну, где Ирис велела ему остаться, и стал ждать прихода богинь. В ясном свете полудня они пришли и встали перед ним в тени лесных деревьев, и он упал перед ними на колени, исполненный удивления и благоговения, и опустил глаза на землю, ибо боялся смотреть на такое величие и красоту. Тогда они приблизились к нему и велели ему не бояться, а встать и произнести свой приговор. Тогда он поднялся с колен и посмотрел на них; и минута проходила за минутой, а он все смотрел, ибо не мог решиться, так прекрасна была каждая из них.

"Ах, госпожи богини, - сказал он наконец, - возьмите яблоко и разделите его на три части, ибо я не могу сказать, кто из вас прекраснее".

"Нет, так нельзя, - сказали они, - ты должен отдать его одной, и только одной".

Когда он еще колебался, Гера сказала.

"Посмотри на меня внимательно, Парис, - сказала она. "Я - царица небесная, жена Зевса всемогущего, и вся власть и могущество в моих руках. Я могу дать тебе царство и власть, и господство над многими народами. Смотри, чтобы моя мощь была за тебя, а не против".

Когда она заговорила, сердце его похолодело от страха, и от ужаса он отдал бы ей яблоко. Но когда он уже собирался протянуть руку, Паллас Афина произнесла.

"О Парис, что есть сила без мудрости? Пурпур и золото, сидеть там, где другие преклоняют колени, - все это не делает царя. Но идти в свете знаний там, где другие блуждают во тьме - это может сделать раба правителем царей. Это я могу дать тебе".

Тогда голос разума внутри него побудил его отдать яблоко ей, но он снова удержался, так как Афродита сказала.

"Сила и мудрость, Парис? Что это за пустые слова, за которые тщетно хватаются люди? Я могу дать тебе то, чего жаждут все мужчины, - самую прекрасную из женщин для тебя самого".

От музыки ее голоса кровь запульсировала в его жилах, а сердце расплавилось внутри него.

"О Афродита, - воскликнул он и упал к ее ногам, - ты прекраснейшая! Что, кроме любви, есть сила, что есть мудрость? Я дарю тебе яблоко, о прекраснейшая из прекрасных!"

Когда она протянула к нему руку, чтобы взять яблоко, над его глазами за клубился туман, и он больше ничего не знал. Когда он очнулся, яблоко и богини исчезли, а над ним рыдала СENE.

"Увы, - сказала она, - мой отец, чей ручей течет у твоих ног, сообщил мне о твоём выборе, Парис, и я пришла проститься с тобой".

"Прощай, СENE? Почему прощай?" - воскликнул он и протянул к ней руки. Пламя Афродиты все еще горело в его сердце, и для его глаз СENE никогда не выглядела более прекрасной, чем сейчас.

"Из-за обещания Афродиты", - ответила она.

"Ах, СENE! - воскликнул он и заключил ее в объятия, - теперь я знаю, что означало это обещание. Ты прекраснейшая из женщин, и ты моя, возлюбленная, и обещание Афродиты было исполнено еще до того, как она его дала".

"Нет, нет, она не это имела в виду. Я могу быть прекрасной, Парис, но я не женщина, а дитя горных вод. Однажды ты забудешь меня, и твое сердце обратится к себе подобным. В тот день Афродита обещала, что самая прекрасная из женщин будет твоей, и она непременно сдержит свое слово".

"Ты достаточно женщина для меня, - сказал он, - и я никогда не захочу никого другого, кроме тебя". Он поцеловал ее и утешил, как мог. Часы пролетали как минуты, луна поднялась высоко в небо, и одна за другой стали появляться звезды, а они все так же сидели и говорили о любви и о том, что всегда будут верны друг другу. Так проходил день за днем, и не было во всей земле двух влюбленных счастливее, чем Парис и СENE.

Случилось так, что примерно в это время Менелай, царь Спарты, прибыл в Трою по велению дельфийского оракула. Уже год его земля была опустошена страшным голодом, и когда он спросил о его причине, оракул велел ему отправиться в Трою и принести жертвы у гробницы Лика и Химерея, сыновей Прометея, ибо, пока их духи не будут успокоены, земля Спарты будет бесплодной, а ее сыновья будут умирать от голода на ее улицах. И вот Менелай отплыл в Трою, и Приам со всем своим домом принял его с радостью. Они устроили в его честь большие пиры и угощали его гостеприимно, как подобает царю могущественного народа. Когда он выполнил свое задание и пришло время возвращаться, он сказал Приаму,

"Друг мой, ты обошелся со мной по-королевски, и я, в свою очередь, хотел бы оказать тебе услугу. Скажи, не хочешь ли ты отплыть со мной в Спарту и увидеть мой дворец, который сияет, как солнце, и Елену, мою жену, прекраснейшую в стране, где женщины прекраснее всех других женщин?"

Но Приам покачал головой.

"Я уже стар, Менелай, и дни моих странствий прошли. Но если ты действительно хочешь оказать мне услугу, то возьми с собой в гости моего сына Париса. Он уже в том возрасте, чтобы путешествовать и видеть чужие земли, и я не мог бы доверить его лучшим рукам, чем твои. Скажи, возьмешь ты его или нет?"

"Я возьму его с радостью, - ответил Менелай, - поскольку я не могу получить тебя самого, никакой другой человек не доставит мне такого удовольствия, как твой сын. Прикажи юноше быть готовым, и он отплывет со мной и моим народом".

Услышав эту новость, Парис обрадовался, ибо никогда в жизни не ступала его нога за пределы Трои, и он жаждал увидеть богатства Менелая и все чудеса его дворца в Спарте. Еще до восхода солнца он был в лесу Иды и рассказывал Идоне о путешествии, которое ему предстоит совершить.

"Не горюй, любимая, - сказал он, когда она печально отвернула лицо, - на несколько месяцев я должен покинуть тебя, но я вернусь к тебе с длинным рассказом о чудесах, которые я видел. Ничто не сравнится с путешествием, которое заставляет человека держать голову среди своих товарищей, и с тем, что он видит странные вещи, которых не видели другие".

"Нет ничего лучше путешествий, - сказала она, - чтобы заставить человека забыть свой дом и полюбить все новое больше, чем старое".

"Неужели ты считаешь меня таким неверным, *Εἰ ποτε*?"

"Многие люди верны, пока не встретят искушение", - ответила она.

"Если бы я послушал тебя, я бы так и остался пастухом в горах, не зная ни родных, ни близких".

"Так было бы счастливее", - сказала она.

"Нет, я не должен прислушиваться к твоим страхам. Помни, я сын короля, и я должен жить так, как подобает мужчине, а не сдерживаться женскими объятиями".

"Дай боги, чтобы ты всегда так думал, Парис. Тогда прощай; я не стану больше задерживать тебя, но буду следить за твоим приходом так, как никогда не следила женщина. Если тебя постигнет несчастье, Парис, вернись ко мне, и я спасу тебя".

И, взяв с нее многочисленные обещания не забывать ее, но вернуться к ней как можно скорее, он покинул ее и отплыл с Менелаем.

И пересекли они синие Эгейды и прибыли в славную Спарту, лежащую среди кружащих холмов. И приветствовал Менелай своего гостя, и показал ему все великолепие своего дворца с его инкрустированными колоннами и фризом из золота и синевы. Он показал ему конюшню и лошадей, стадион, где проводились скачки, и свою сокровищницу под землей. А напоследок он отвел его к Елене, своей жене.

Елена, прекраснее солнца небесного, сидела среди своих дев, и когда вошли ее господин и Парис, она поднялась со своего кресла и с улыбкой вышла вперед, чтобы приветствовать их. В изгибе ее шеи, в блеске волос, в ее лице и облике было волшебство, колдовство, которому не мог противостоять ни один мужчина, ибо она была прекрасней всех женщин под солнцем, которые когда-либо были или когда-либо будут в грядущем. Многие мужчины в свои дни любили Елену Спарту, и многих мужчин любила она в ответ, ибо так боги сделали ее, прекрасную и непостоянную, радостью и проклятием для людей.

Когда Парис смотрел на нее, ее красота проникала в его сердце, как пары вина, и он забывал себя, свою родину и никого; он забывал всю гордость и мужественность, и узы чести, связывавшие его с хозяином, - все, кроме страсти к Елене. День и ночь он думал о ней и только о ней, о том, как сделать ее своей; день и ночь он строил заговоры и планы, и наконец добился своего. Афродита, верная своему слову, помогла ему, как умела одна, и зажгла в сердце Елены ответное пламя, заставив ее на время полюбить Париса больше, чем Менелая,

ее господина, или любого другого мужчину. И она пустила пыль в глаза Менелая, чтобы он не видел, как эти двое живут только друг для друга, и не заподозрил своего гостя в предательстве. И вот однажды темной ночью они вместе убежали в Гифиум, а оттуда отплыли в Крану, и обвенчались, и радовались своей любви, забыв обо всем на свете.

А Елена тем временем одиноко бродила по лесам и рощам Иды. С тяжелым сердцем смотрела она вслед уплывающим кораблям Менелая и теперь, день за днем, спускалась к берегу и смотрела через море на Элладу. Высоко на скале она сидела и вздыхала о нем.

"Ах, Парис, между мной и тобой лежит много усталых лиг бесплодных вод и много туманных горных цепей. Но мое сердце с тобой в этой странной новой земле. О, Парис, не забывай меня, но возвращайся ко мне поскорее, любимый".

Так вздыхала она день за днем, но он не приходил. Проходил месяц за месяцем, а он все не приходил, и не было о нем никаких вестей, и отец его и весь город встревожились, желая узнать, что могло с ним случиться. Тогда они снарядили корабль и отправили его в Спарту за новостями, и через некоторое время он вернулся домой и рассказал, как Парис и Елена бежали от Менелая, и как Менелай пустился в погоню и преследовал их до земли Египетской. После этого никто не знал, куда они делись, не встретились ли Парис и Менелай в смертельной схватке и не пали ли каждый от руки другого, или что могло случиться. Вся земля погрузилась в печаль при мысли о том, что Парис настолько забыл о своей чести, что украл жену своего хозяина. Но все равно день и ночь несли вахту на случай, если он вернется, чтобы убедить его отдать жену и загладить свою вину.

Парис же с Еленой бежал из Египта перед Менелаем и укрылся в Финикии; когда же он выследил их там, они снова скрылись и сели на корабль, чтобы вернуться в Трою, ибо не могли они вечно жить скитальцами на земле. С молчанием стыда народ принял их в гавани, и в молчании, которое говорило больше, чем слова, они прошли через город, пришли и предстали перед Приамом в его залах, опустив глаза к земле. Услышал Приам об их приходе и приготовил гневную речь, чтобы приветствовать сына и женщину, сбившую его с пути. Но когда он взглянул на Елену, гнев его растаял, как иней перед солнцем; она стояла, как прекрасная лилия, которую неосторожная рука наполовину сорвала со стебля, так что голова ее повисла, поникнув, в пыли. Так и стояла она, и слезы падали из ее глаз. И все гневные слова вылетели у него из головы, и он заговорил совсем не так, как планировал.

"Дети мои, - сказал он мягко, - подойдите ко мне".

Они подошли и встали перед ним на колени, и он положил руки на их юные плечи, а они склонили головы и плакали у него на коленях.

"Вы тяжко согрешили, дети мои, - сказал он, - и вы слишком поздно узнали, как горек плод греха. У вас есть только один выход. Парис, верни женщину, которую ты украл, и загладь свою вину. А ты, Елена, возвращайся домой к своему господину, когда он придет за тобой, и будь ему всегда верной женой, и пусть он забудет, что ты когда-либо обманывала его".

"О царь, - сказала она, - ты не знаешь, о чем просишь. Если ты отдашь меня Менелая, он убьет меня, или моя жизнь будет собачьей жизнью в его залах, ибо сердце его не мягче кремня, хотя язык его гладок. О отец мой, не изгоняй меня из залов твоих. Если я согрешил, покинув Менелая, то не согрешу ли я снова, покинув Париса? Или грех мой будет меньше, если я убегу от человека, которого люблю, чтобы пойти с тем, кого не люблю? Кто заставит два сердца соединиться? Кто, как не всемогущая Афродита? Должны ли мы сводить на нет

волю Небес ради законов, созданных человеком? О Приам, отец мой, не оставляй меня, храни меня в своих чертогах".

Она обхватила руками его колени и заглянула ему в лицо. Под ее взглядом вся его решимость улетучилась, и он взял ее лицо в свои руки и поцеловал.

"Дочь моя, - сказал он, - ты останешься со мной столько, сколько тебе будет угодно".

Так она поселилась в Трое, а царь Приам стал соучастником ее греха, ибо боги сделали ее такой, что сердца людей были как воск между пальцами Елены Спартанской.

В свое время пришел Менелай, встал в залах Приама и потребовал назад свою жену. И предложили ему выкуп - золото и драгоценные камни, но он швырнул их им в лицо.

"Думаете, золотом можно заплатить за живую душу?" - воскликнул он. "Только жизнь может заплатить за жизнь, и много жизней вы заплатите за Елену. Оглянись на свои крепости и башни, о Приам; они должны быть крепкими, чтобы устоять против войска, которое я приведу за собой из Эллады. Прощай, пока мы снова не встретимся в бою".

И он в гневе покинул зал и отплыл в Спарту, чтобы поднять всех героев Эллады на борьбу с Троей.

Тем временем в Тройландии днем и ночью горели кузнечные костры, и молот громко стучал по наковальне. Раскаленное железо вытягивали из печи и с шипением привязывали к колесу колесницы; натягивали щиты и мастерили мечи, а для рукояти сужающегося копья срубали ясень на горе. Среди мужчин многие сердца бились от надежды, ибо что может быть лучше войны, если человек храбр и силен, чтобы принести ему славу и сделать его имя известным среди его товарищей? Но в женском зале пролилось немало тихих слез, ибо что может быть печальнее войны, когда она видит, как ее близкие уходят битву, и не знает, сможет ли она когда-нибудь снова взглянуть на их лица или, может быть, увидеть, как их несут домой с зияющей раной от копья в бок? А когда битва бушует, ей остается только молиться. Так проклинали они в сердцах Елену и ее красоту и желали, чтобы царь Приам отослал ее назад и отвратил войну от Трои.

Но Парису и Елене не было до этого никакого дела; пока другие трудились и плакали, они не жили в объятиях друг друга, забыв обо всем на свете, или надеялись, что, когда Менелай вернется домой, его гнев остынет, и он найдет царей Эллады не слишком готовыми покинуть свои земли ради чужой жены. Но напрасно они надеялись на это, не считаясь с тем, как дорога человеку честь его страны. Однажды темной ночью эллины причалили к берегу, вытащили свои лодки на берег и разбили лагерь, а когда наступило утро, их люди сгрудились у стен Трои, как мухи.

Так и сбылись слова Кассандры, и долгие годы война накатывала на город, как морская волна, а Парис метался по улицам, как побитая скотина, не смея взглянуть в лицо своим товарищам. Они ненавидели его за то, что он навлек войну на свою страну, и все же, хотя ссора была затеяна им самим, он всегда последним выходил на поле боя и первым отступал. Его мужское достоинство опустилось настолько низко, что он больше думал о том, как добраться до Елены с неповрежденной кожей, чем о том, как завоевать славу на поле боя.

Но однажды дело дошло до того, что Менелай встретился с ним лицом к лицу на поле боя и вызвал его на единоборство под стенами Трои. Тот, кто убьет своего мужчину, получит в жены

Елену, и война закончится, и больше ни одна жизнь не будет потрачена впустую из-за ссоры двоих. Но Парис думал о Елене, ожидавшей в своих покоях, и смотрел на Менелая, стоявшего перед ним с мечом в руке, сильного, как лев в гневе. Тогда сердце его сжалось, и он повернулся и бежал от лица врага назад в ряды троянцев. Он бы и вовсе скрылся из виду, но тут на пути его отступления встал Гектор; на его шлеме грозно развевались кивковые плюмажи, а он, опираясь на свой двуручный меч, хмуро смотрел на брата, ибо видел, как тот бежал от Менелая. Когда Парис увидел его, он попятился, но Гектор посторонился, чтобы пропустить его.

"Ты, трусливый манник, - крикнул он, - уходи, и пусть другие сражаются с тобой, чтобы о мужестве троянцев не было молвы среди народов".

И Парис проскользнул мимо него, опустив глаза в землю, и отправился домой к Елене в ее покои.

Но когда бой закончился, пришел Гектор и вытащил его из укрытия, как собака вытаскивает на свет крысу.

"Ты, гладколицый обманщик, - сказал он, - разве так должен сражаться мужчина, переплывший открытое море и похитивший прекраснейшую из женщин у могучего в бою человека? Неужели мы должны сделать имя Трои посмешищем среди наших врагов и со стыдом повесить голову, когда люди скажут: "Силой и мощью они подобны бессмертным богам, эти троянцы, но их мужество - это мужество оленя, который стремительно бежит через лес, услышав лай гончих?". Ты, трус, лучше бы ты никогда не родился или умер в горах, не успев нанести бесчестье своей стране!"

И Парис затрепетал перед гневом брата, но к нему вернулась прежняя мужественность.

"Ты говоришь так, как говорят все люди, не знающие силы Афродиты", - сказал он. "Тем не менее, если тебе так угодно, пошли вестника к Менелая и скажи ему, что я принимаю его вызов и буду сражаться с ним ради Елены, его жены. И пусть ахейцы и троянцы сложат оружие, а мы двое встанем между ними одни, и кто бы из нас ни пал смертью, его сторона отдаст Елену победителю; и война прекратится, и будет мир между народами".

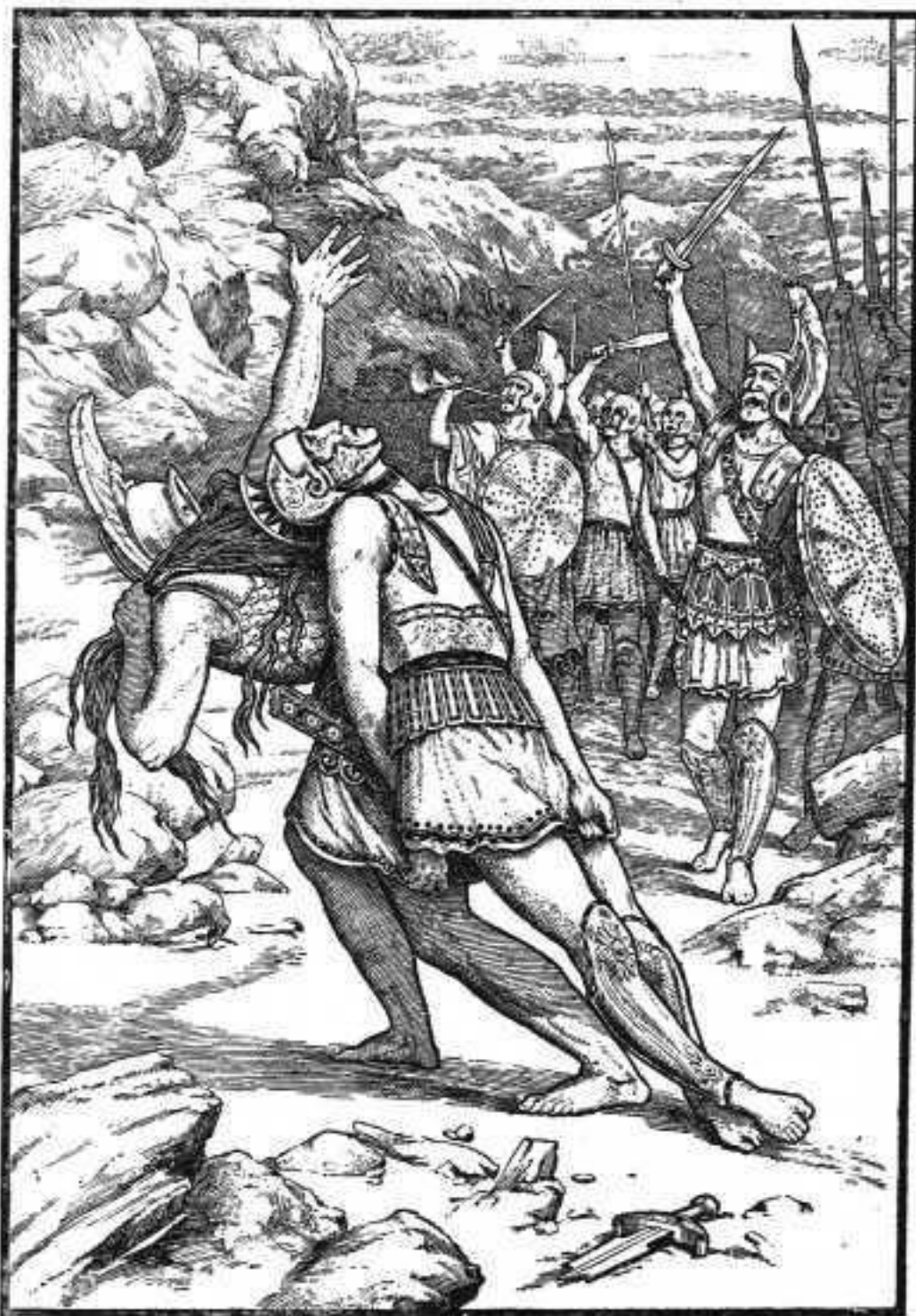
Гектор послал вестника к Менелая, и оба войска сблизились на равнине, так что между ними осталось лишь узкое пространство, и отложили оружие, и одни легли на землю или сели, а другие встали позади, чтобы наблюдать за боем в центре. И Парис, надев свои блестящие доспехи и шлем с кивком, вышел и стал лицом к лицу с Менелаем. На глазах у всего народа Гектор взмолился,

"О Зевс, владычествующий свыше, даруй, чтобы обидчик пал в бою, а дух его отлетел в Аид, чтобы на земле был мир и народ отдохнул от войны".

И каждый в сердце своем молился так же, ибо все были измучены долгими годами бесплодной борьбы.

Тогда Гектор бросил жребий в своем шлеме, чтобы узнать, кто первым метнет свое медное копье, и на землю выпал жребий Париса. Он поднял копье над головой и метнул его со всей силы, и оно ударилось о щит Менелая, но крепкий щит отбросил его в сторону, и оно бессильно упало на землю. Тогда Менелай в свою очередь метнул копье, и оно пронзило щит противника и принесло бы ему черную смерть, если бы тот не отклонился в сторону, так что острие лишь задело его корсет. Но Менелай, видя свое преимущество, выхватил меч, бросился на него и обрушил мощный удар на его шлем, надеясь рассечь его надвое. Но меч

разлетелся на куски в его руке, когда он наносил удар. Тогда он с клятвой отбросил эфес, прыгнул на Париса, схватил его за конский волос на шлеме и потащил вниз. А кожаный ремешок, удерживающий шлем, был туго стянут на его горле, так что из него едва не вырвалось дыхание, и Менелай с триумфом нес его навстречу ахейцам. Но Афродита помнила о своем любимце и, пока не стало слишком поздно, заставила прочную бычью шкуру прогнуться под тяжестью его тела, и шлем соскользнул с его головы. Затем она окутала его тело туманом, чтобы никто не видел его, и, пронеся его сквозь ряды троянцев, положила на ложе. В образе престарелой девы она подошла и встала рядом с Еленой на крепостной стене, где та вместе с другими троянскими женщинами смотрела на равнину, и рассказала ей, как она вынесла Париса из боя и спасла его, и что теперь он лежит на своем ложе и тоскует по ней. Елена сразу же оставила остальных, подошла и села рядом с Парисом. Когда она увидела его лежащим без единой царапины на теле, ей стало стыдно за него, и она начала упрекать его.

Менелай с триумфом нес его навстречу ахейцам.

"Вот ты и вернулся с битвы, Парис, и не смог выстоять против богоподобного Менелая. Если бы он взял тебя, ведь он лучше тебя! Выйди же вперед, ничтожный, и снова вызови его на бой, и стой на своем, как мужчина. Но вот ты исчез, как дым, с поля, и оба войска насмеются над тобой".

Тогда сердце ее сжалось от страха, что он поверит ей на слово и вернется, и она упала на колени рядом с ним, взяла его руку в свою и разрыдалась.

"Ах, Парис, - взывала она, - не уходи, молю тебя, останься со мной. Я, даже я, прошу тебя остаться, чтобы ты не пал от руки Менелая, и я не осталась без тебя в полном запустении".

"Ах, Елена, - сказал он, - не бойся меня, ибо я люблю тебя превыше всего на свете. Когда-нибудь я вернусь и буду сражаться с Менелаем, а сейчас я останусь с тобой, и мы будем радоваться друг другу и забудем обо всем на свете".

И пока Менелай рыскал по всему войску, как лев, ищущий добычу, Парис и Елена не жились в объятиях друг друга, скрытые от людских глаз. Плохо пришлось бы Парису, если бы жители Трои знали, где его найти, ибо они возненавидели его, как черную смерть, и отдали бы в руки Менелая, чтобы он поступил с ним, как захочет.

С того дня Парис почти не смел показываться на глаза своим товарищам; но когда Гектор призывал его, и он не мог больше противостоять его насмешкам, он выходил на бой, но переодетый простым солдатом, не имея на себе никаких знаков, свидетельствующих о его звании и рождении. Так он надеялся избежать смерти и как можно быстрее бежать домой, в объятия Елены. Какое-то время ему это вполне удавалось, но настал день, когда никакая маскировка не могла его спасти, и он не смог убежать. В рядах против него стоял могучий Филоктет с луком и отравленными стрелами. И он натянул свой лук и взмолился Зевсу в сердце своем,

"О Зевс всемогущий, что гонит перед собой черную грозовую тучу, направь правильно мою стрелу, чтобы она навела ужас на наших врагов и принесла славу воинству ахейцев. В твоих руках я оставляю ее".

Тогда он оттянул тетиву, так что могучий лук едва не согнулся надвое, и стрела с вихрем пронеслась над передовыми рядами троянцев и устремилась в тыл войска. И упала она на Париса, и пробила меж сочленений его доспехов прямо в бок. Со стоном упал он, и черная ночь застилала ему глаза, и лежал он на поле как мертвый. Когда бой закончился, и обе стороны собирали с равнины убитых и раненых, они настигли Париса среди остальных; но пока они не сняли с него шлем, они не узнали его, потому что он был одет как обычный солдат. Когда же они увидели, кто это, то с почтением положили его на отдельный одр, ибо он был сыном короля и когда-то был храбрым человеком, а смерть может сгладить многие старые счеты горечи и ненависти. Так они молча донесли его на своих плечах до дворца Приама, его отца, и положили на его кушетку. И принесли ему вина и снадобий, ибо сердце его слабо билось в груди. На мгновение он оживился и заговорил прерывающимся шепотом.

"Друзья мои, я умираю, - сказал он, - и хотел бы умереть на чистом небесном воздухе, вдали от городов, от людей и от своего позора. О отец мой, прикажи им отнести меня на Иду, и пусть они оставят меня там и больше не возвращаются, пока не узнают, что из моего тела ушло последнее дыхание. Тогда пусть они сожгут меня там, где когда-то я был храбр и свободен; и как угаснет огонь моего сожжения, так пусть угаснет мое имя среди вас - мое имя и мой позор".

Так говорил он и упал без сил, а перед глазами его стояло видение рощи Иды и Елены, и как она поднялась из вод и полюбила его в дни его невинной юности. И он вспомнил ее слова:

"О Парис, в тот день вернись ко мне, и я исцелю тебя от твоих ран".

И он гадал, сдержит ли она свое слово, простит ли его и исцелит ли, и смогут ли они вернуться к прежней жизни в горах. Но даже если она этого не сделает, он чувствовал, что лучше умрет там, чем в безвоздушном городе.

Поэтому они укутали его в теплые одеяла - ведь стояла зима, и снег лежал белым слоем на земле - и понесли на Иду. И поставили над его головой горящий факел, и оставили его на одинокой высоте, и шепчущие сосны сторожили его, подставляя руки холодному северному ветру.

Из тени валуна СЕnone наблюдала за процессией, спускавшейся по горной тропе, а когда они скрылись из виду, вышла из своего укрытия. Она хорошо знала историю Париса и Елены, а также причину войны, ибо прислушивалась к разговорам пастухов в горах. Но сердцем она любила Париса; и когда она увидела, как его несут на смерть, она вспомнила, как обещала исцелить его от ран, ибо знала много волшебных чар и могла исцелить его, если бы захотела. И вот она приблизилась к нему из леса и склонилась над его кушеткой, и ее рыже-золотые волосы мягко упали ему на лицо. Но огонь лихорадки пылал в нем, и он не знал ее; но лицо, которое предстало перед его блуждающим взором, было лицом Елены.

"Елена!" - прошептал он, - "Елена!"

При звуке этого ненавистного имени в сердце СЕnone вспыхнула горечь.

"Должен ли я исцелить тебя ради Елены?" - воскликнула она и, повернувшись, побежала сквозь потемневшие сосны, дальше, дальше, она не знала куда, и наконец бросилась на траву и разрыдалась.

Так и горел факел над его головой, отбрасывая тусклый красный отблеск на снег, и умер он в одиночестве от лихорадки в горах, и не исцелила она его от ран.

На следующее утро к месту, где лежал Парис, пришли юноши из города, и сыновья Приама, и сам старый царь, ибо они прекрасно знали, что он не мог пережить эту ночь в горах. И собрали они сосновые стволы, которые дровосеки оставили лежать на земле, и сложили большой костер, высоко на холмах, чтобы сожжение Париса сияло, как огонь маяка, на виду у Трои и ахейского войска. Когда костер был сооружен, на него положили тело Париса и вылили на дрова вино и масло, а старый царь стоял и воздевал руки над сыном.

Положив руки на тело Париса, она обняла его за шею.

"О отец Зевс, - взмолился он, - владычествующий над Идой, перед тобой я сжигаю тело моего сына, и перед друзьями, и перед врагами, чтобы они оба увидели его. Пусть вино, которое я возливаю на его тело, будет возлиянием мира, чтобы своей смертью он соединил в дружбе те руки, которые своим грехом заставил орудовать мечом друг на друга. О Зевс всемогущий, исполни мою молитву!"

Люди склонили головы, слушая, и старик вознес последнюю молитву. Соленые слезы бежали из его глаз и падали на тело сына, и смывали с его сознания все воспоминания о его

грехе и трусости, и только образ его оставался таким, каким он был, когда пришел в своей молодости и красоте для победы над быком. Так и рука смерти может стереть с лица земли все уродство и зло.

Когда было вознесено последнее возлияние, подожгли костер, и со временем он разгорелся мужественно, ибо масло и вино, а также дыхание северного ветра, дующего с гор, заставили пламя гореть ярко и ясно; и костер Париса сиял, как пламенная звезда, на фоне тусклого серого неба и над холмами и равниной, безмолвно лежащими под снежным покровом. Далеко в долине Сепоне видела свет и знала, что тело того, кого она любила и могла бы спасти, погибает в пламени. Слишком поздно горечь в ее сердце угасла, осталась только любовь, и она отдала бы все, что знала, чтобы исцелить Париса от его боли. С диким криком бросилась она на крыльях ураганного ветра вниз по долине и вверх по склону холма, и белые одежды ее развевались за спиной, а длинные локоны ее красно-золотых волос развевались. Сквозь ряды скорбящих она пронеслась по тающему снегу, через пламя костра, бросилась к телу Париса и обняла его за шею. Там, на месте его последнего упокоения, она лежала вместе с ним, и удушливый дым окутывал ее, и дух ее улетал туда, куда улетал его дух. Люди слышали ее крик и видели ее, когда она пролетала среди них; но они думали, что это крик северного ветра, проносящегося над холмами, и для их глаз ее белые одежды и струящиеся волосы казались лишь сугробом, а прошлогодние мертвые листья бешено кружились на крыльях бури. И так они ничего не узнали о любви Париса и Сепоне, о том, как она вместе с ним следила за его стадами, когда он был храбр и свободен, и о том, как она простила его, слишком поздно, и умерла вместе с ним на костре, который горел маяком мира на покрытых снегом холмах.

КОНЕЦ

Примечание переводчика:

Архаичные и непоследовательные орфография и пунктуация сохранены.

Wells Gardner, Darton, & Co., Ltd.

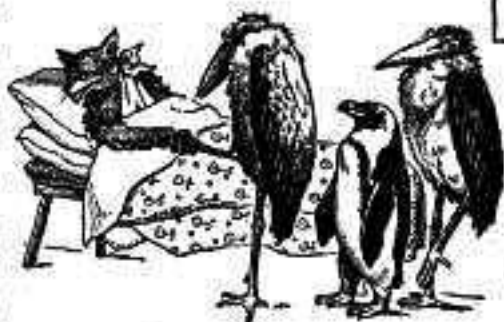
Selected List of their

Fine Art Series

Specially adapted for Presents, Prizes, &c.

Illustrated by Margaret Clayton

A
WONDER-
BOOK
of BEASTS

Edited by
F. J. HARVEY DARTON

Besides numerous Black and White Illustrations, the Title-page and Frontispiece are daintily coloured.

Large crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

Illustrated by F. D. Bedford

CENTENARY EDITION.

THE 'ORIGINAL POEMS' AND OTHERS

By JANE and ANN TAYLOR
And ADELAIDE O'KEEFE

Edited

By E. V. LUCAS

'The quality of the poetry of the Misses Taylor has been praised by such great judges that any praise from ourselves would be superfluous. No other writers of children's poetry have written of childish incident with all the child's simplicity.'—SPECTATOR.

'Mr. Bedford's illustrations are not only very well drawn, but inspired by just the right feeling. It may be added that the Taylors were really the founders of a school. They gave a form and character to nursery verse which have become classic, and have been followed more or less by a long line of later writers.'—STANDARD.

'Thanks are due to that delicate lover of literature and of children, Mr. E. V. Lucas, for reprinting this veritable classic.'

TIMES OF INDIA.

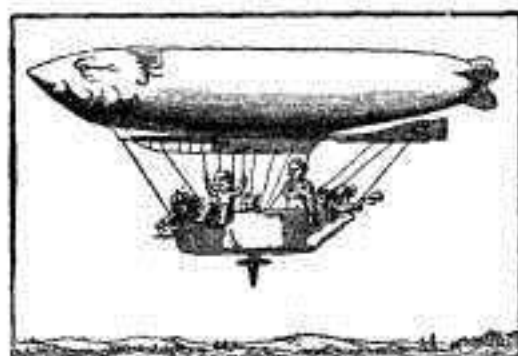
'Why should you fear to tell the truth!'—p. 71.

Large Crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

WELLS GARDNER, DARTON, & CO., LTD., LONDON

Illustrated by F. D. Bedford

RUNAWAYS & CASTAWAYS

Edited with Introduction by E. V. LUCAS

"Hands his lady out, and gives
the guard something for himself."

Besides profuse black and white illustrations, the frontispiece and title - page are daintily coloured.

—
'Mr. E. V. Lucas has deliberately set himself to capture hearts while young and tender. . . . In twenty years he will have become such a power in the land as to be a national danger, and his new work, "Runaways and Castaways," is only another step towards this enviable destiny.'—TIMES.

—
'A collection of the most exciting and delightful runaway stories in the world.'

NATION.

Large crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

Illustrated by F. D. Bedford

ANOTHER BOOK OF VERSES FOR CHILDREN

Selected and Edited by E. V. LUCAS

Profusely Illustrated in
Black and White, with
Frontispiece and Title-
page beautifully printed
in Colour.

*'A delightful compila-
tion, and noticeably ex-
cellent in the method of
its arrangement.'*

ATHENÆUM.

*'We may briefly and
emphatically describe it
as the most charming an-
thology for children that
we have seen, original in
choice and arrangement,
beautifully bound, and
owing no little to Mr.
F. D. Bedford's delight-
ful and sympathetic
illustrations.'*

GUARDIAN.

*'Most happily selected.
Moreover, the light and
humorous verse — verse
harmless without any
obvious moral — is too
much neglected, for chil-
dren like to be amused,
and this need is some-
times forgotten.'*

SPECTATOR.

*'The volume is in itself
a real gift-book, being ad-
mirably bound, printed,
and illustrated.'*

THE WORLD.

Large crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

Illustrated by Gordon Browne

FAIRY TALES FROM GRIMM

'Of new editions of old favourites the palm must be given, we think, to this collection of Fairy Tales from Grimm. . . . We do not think a better edition has appeared.'

REVIEW OF REVIEWS.

'No more acceptable edition of some of Grimm's Stories has been published.'—STANDARD.

'Altogether delightful. The illustrations are full of charm and sympathy.'—SATURDAY REVIEW.

'The Prince who was afraid of Nothing.'—p. 216.

'A fairy book beyond reproach.'—GRAPHIC.

'We have nothing but praise for this collection.'—SKEICH.

'Grimm is always delightful, but in his present new dress he is more delightful than ever. Mr. Gordon Browne charms us always with his dainty pictures.'—GUARDIAN.

'All the illustrations are simply inimitable.'
QUEEN.

WELLS GARDNER, DARTON, & CO., LTD., LONDON

Illustrated by A. G. Walker

A BOOK OF BALLAD STORIES

Selected and Edited by
MARY MACLEOD

With Introduction by
EDWARD DOWDEN

'Beyond it rose a castle fair
Y-built of marble stone;
The battlements were gilt with gold,
And glittered in the sun,'—p. 129.

'She stoutly steered the stots about,'—p. 110.

*'Miss Mary Macleod
has succeeded admirably
in keeping much of the
spirit of the originals in
her prose versions of the
best of the old ballads.'*

TRUTH.

*'Should take a high
place. In this work the
famous ballads have
been done into prose
so skilfully, and have
been so artistically illus-
trated, that it forms a
volume to be highly
prized.'*—STANDARD.

Large crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

Illustrated by F. D. Bedford

'Sat him astride of the saddle of mutton.'
p. 126.

OLD-FASHIONED TALES OF LONG AGO

Edited with Introduction by
E. V. LUCAS

Besides numerous black and white
Illustrations, the Frontispiece and
Title-page are beautifully printed
in Colours.

'A charming book. The one ambition of Mr. Lucas' authors is to be interesting, and they succeed very well.'—DAILY TELEGRAPH.

'Beautifully printed, illustrated, and bound.'—SCHOOLMASTER.

Tales are given from the following Popular Authors:—Thomas Day, Maria Edgeworth, Mrs. Sherwood, Anne Letitia Barbauld, Charles and Mary Lamb, Jacob Abbott, Alicia Catherine Mant, Caroline Barnard, Peter Parley, Catherine Sinclair, Dr. Aiken. The authors of some of the best tales in the volume are unknown.

'A large hole burst open in the wall.'
p. 384.

Large crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

Illustrated by Gordon Browne

THE

'And your experience makes you sad?'—p. 132.

SHAKESPEARE STORY BOOK

By MARY MACLEOD

With Introduction

By SIDNEY LEE

'Mr. Sidney Lee, a quite unimpeachable authority, strongly recommends this new volume, for which indeed Miss Macleod's literary reputation will commend a favourable hearing. This new rendering has been very well done. Mr. Gordon Browne's illustrations add another charm to a very attractive book.'—SPECTATOR.

'Miss Macleod has followed the plot more closely than Mary and Charles Lamb, and a charming book of stories is the result.'—TRUTH

Large crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

'Some have greatness thrust upon them.'—p. xiv.

WELLS GARDNER, DARTON, & CO., LTD., LONDON

Illustrated by Hugh Thomson

TALES OF THE CANTERBURY PILGRIMS

RETOLD
FROM
CHAUCER
AND OTHER
WRITERS

By
F. J. HARVEY
DARTON

With Introduction

By Dr. F. J. FURNIVALL

'The cow ran, the calf ran, and even
the very hogs trotted.'—p. 122.

Large 8vo. printed on superfine paper, cloth boards,

WELLS GARDNER, DARTON, & CO., LTD., LONDON

Illustrated by Gordon Browne

Reduced facsimile of cover.

FAIRY TALES FROM HANS ANDERSEN

Introduction
By EDWARD CLODD

Large Crown 8vo. printed
on superfine paper, fancy
cloth boards.

'The illustrations leave nothing to be desired.'—STANDARD.

'This is really a seasonable for all Christmases.'—PUNCH.

'A delightful gift for children.'—TIMES OF INDIA.

From
'The Ugly
Duckling.'
p. 110.

WELLS GARDNER, DARTON, & CO., LTD., LONDON

Illustrated by Gordon Browne

AN IMPROVING HISTORY FOR OLD BOYS, YOUNG
BOYS, GOOD BOYS, BAD BOYS, BIG BOYS, LITTLE
BOYS, COW BOYS, AND TOM BOYS

"I create you General of
the Comma (Army).—p. 172.

THE SURPRISING ADVENTURES OF SIR TOADY LION

WITH THOSE OF
General Napoleon Smith

By S. R. CROCKETT

'When we say it is one of the most
delightful stories about children we have
ever read, we are still short of the mark.'
DAILY CHRONICLE.

'It is distinctly the best Christmas book
of the season.'—DAILY MAIL.

'In this excellent book for children,
which the elders will enjoy, Mr. Crockett
comes right away from kailyard into a
kingdom of obstreperous fancy, and is
purely, delightfully funny, and not too
Scotch. . . . Mr. Gordon Browne's illus-
trations are as good a treat as the story;
they realise every thought and intention
of the writer, and are full of a sly and
characteristic drollery all the artist's
own.'—WORLD.

'How quaint.'—p. 375.

Large crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

WELLS GARDNER, DARTON, & CO., LTD., LONDON

Illustrated by A. G. Walker

Reduced Cover Design.

A WONDER BOOK OF OLD ROMANCE

By F. J.
HARVEY DARTON

CONTENTS

WILLIAM AND THE WEREWOLF.
KING ROBERT OF SICILY.
SIR CLEGES AND THE CHERRIES.
SIR GAWAIN AND THE GREEN KNIGHT.
THE FAIR UNKNOWN.
KING HORN.
THE SEVEN WISE MASTERS.
SIR DEGARE AND THE BROKEN SWORD.
GUY OF WARWICK.
THE ASH AND THE HAZEL.
FLORIS AND BLANCHEFEUR.
AMYS AND AMYLION.
HAVELOCK THE DANE.

'Alack, dear lion, who has done this wrong?'—*Guy of Warwick*, p. 362.

Large crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

Illustrated by Gordon Browne

'Old King Cole was a merry old soul'—p. 1.

NATIONAL RHYMES OF THE NURSERY

With Introduction
By
GEORGE SAINTSBURY

'The prettiest and most complete collection of this kind that we have seen.'—WESTMINSTER GAZETTE.

'It is impossible to praise the volume too highly.'—BLACK AND WHITE.

'Every conceivable nursery rhyme is herein gathered together, beautifully illustrated. The collection is certainly the most perfect that has ever been made.'—SCHOOL GUARDIAN.

'Standard authority.'—TIMES.

'A very complete collection.'

PALL MALL GAZETTE.

Large crown 8vo. printed on superfine paper, bound in art linen boards,

WELLS GARDNER, DARTON, & CO., LTD., LONDON

Illustrated by Gordon Browne

STORIES FROM FROISSART

By
HENRY NEWBOLT,

Author of 'Admirals All' &c.

'A really fine book, and effectively illustrated. Mr. Newbolt has done his work well, and Mr. Gordon Browne has illustrated the book delightfully.'—OUTLOOK.

'There never was a better story-book than Froissart.'

ATHENÆUM.

'The four knights view the English host.'—p. 23.

Large crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

WELLS GARDNER, DARTON, & CO., LTD., LONDON

Illustrated by Gordon Browne

A Child's Book, for Children, for Women, and for Men.

SWEETHEART TRAVELLERS

By S. R. CROCKETT

'It is the rarest of all rarities, and veritably a child's book for children, as well as for women and men. It is seldom, indeed, that the reviewer has the opportunity of bestowing unstinted praise, with the feeling that the laudation is, nevertheless, inadequate. "Sweetheart Travellers" is instinct with drollery; it continually strikes the softest notes of tenderest pathos, and it must make the most hardened bachelor feel something of the pleasures he has missed in living mateless and childless.'—TIMES.

'A more delightful book for young, old, and middle aged, it is scarcely possible to conceive.'—TRUTH.

'We confess to having fallen under the spell of these delightful chronicles. The illustrations are just what was wanted to make this one of the most attractive books about children.'

PALL MALL GAZETTE

On the road to Conway.—p. 61.

Large 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

WELLS GARDNER, DARTON, & CO., LTD., LONDON

Illustrated by Gordon Browne

SINTRAM & HIS COMPANIONS AND UNDINE

By DE LA MOTTE FOUQUÉ

With Introduction

By CHARLOTTE M. YONGE

'The anonymous translation is the good old standard one. Farly superior to subsequent versions.'—TIMES.

'Certain to engage the sympathies of an entirely new set of readers.'—DAILY TELEGRAPH.

'Nothing could be more attractive than the form in which this excellent edition is sent forth.'—RECORD.

'A better present for a thoughtful lad or lass could hardly be.'—CHURCH TIMES.

Large crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

Sintram and his companions.—From p. 131.

WELLS GARDNER, DARTON, & CO., LTD., LONDON

Illustrated by F. M. Rudland

THE HISTORY OF THE FAIRCHILD FAMILY

By
Mrs. SHERWOOD

Edited
with Introduction

By
MARY E. PALGRAVE

*'A better gift-book is not easy
to find than this pleasing edition
of a deservedly popular story.'*

DAILY NEWS.

*'We have seen few more de-
lightful volumes.'*—RECORD.

*'"The History of the Fairchild
Family" has never appeared in
a more attractive form.'*

SCOTSMAN.

p. 68

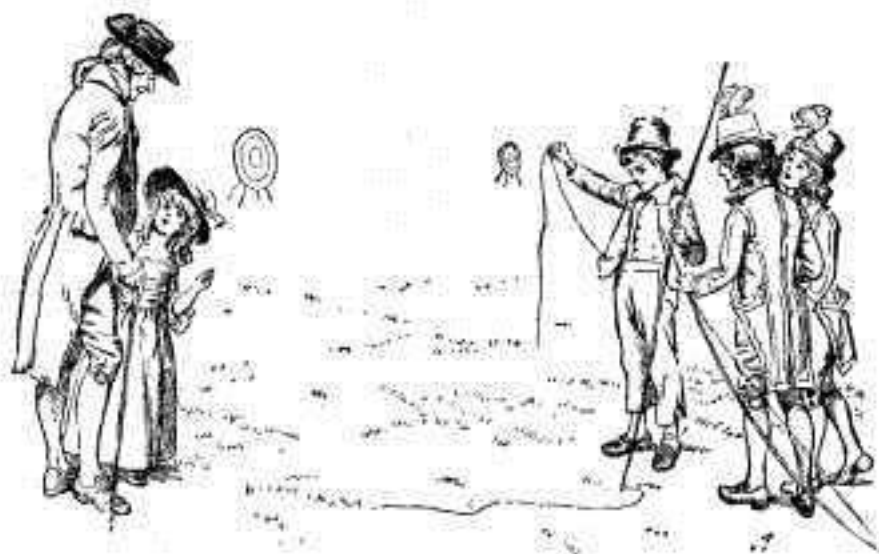
Large 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

WELLS GARDNER, DARTON, & CO., LTD., LONDON

Illustrated by Hugh Thomson

TALES FROM MARIA EDGEWORTH

With Introduction by AUSTIN DOBSON

Waste Not, Want Not: or, Two Strings to your Bow.—p. 131.

'One of the best of the new editions that the present Christmas has called forth. Strangers to the fascinating pen of Maria Edgeworth could not have a better volume in which to learn what they have been missing.'—TIMES.

'Exceedingly attractive.'—SPECTATOR.

'Nothing could be more admirably carried out.'—BOOKMAN.

Large 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

WELLS GARDNER, DARTON, & CO., LTD., LONDON

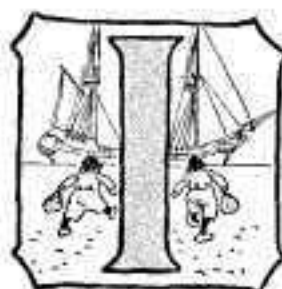
Illustrated by Gordon Browne

A Chapter Heading.

SIR TOADY CRUSOE

By S. R. CROCKETT

'It will thoroughly satisfy the children's most fastidious taste.'

MORNING
LEADER.

'The best book for children, if not the best book we have seen this year.'—WESTMINSTER GAZETTE.

'We have seen nothing for a long time to equal the admirable illustrations.'—DUNDEE COURIER.

'Watch 'em, boy !' said Dinkey, —p. 245.

Large crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.

Illustrated by F. D. Bedford

FORGOTTEN TALES OF LONG AGO

Edited with Introduction by
E. V. LUCAS

Beside numerous Black and White Illustrations, the Frontispiece and Title-page are in Colours.

The Contents include:

DICKY RANDOM; JEMIMA PLACID;
TWO TRIALS; THE FRUITS OF DIS-
OBEDIENCE; THE THREE CAKES;
SCOURBILL'S ADVENTURES; ELLEN
AND GEORGE; THE JOURNAL, by
Priscilla Wakefield; THE BUNCH
OF CHERRIES; THE LIFE AND AD-
VENTURES OF LADY ANNE; CAPTAIN
MURDERER, by Charles Dickens,
and many other favourite old
stories, now forgotten.

*'Is Mr. E. V. Lucas going to
provide us with one of the prettiest
books of each Christmas season?
For successive years we have been
delighted with his clever selection
from the child-fiction of our grand-
parents, and we are left like Oliver
Twist, asking for more.'*—BOOKMAN.

*'She cut her beautiful hair close to
her head!'*—p. 102.

Large crown 8vo. printed on superfine paper, cloth boards.
